

ISSN 2312 – 3400

ИЗВЕСТИЯ ОБЩЕСТВА

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

П Р И К А З А Н С К О М У Н И В Е Р С И Т Е Т Е

Том 42, № 1
2022

**ИЗВЕСТИЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ,
ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
ПРИ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

2022. Том 42. № 1

ISSN 2312–3400

**Научный журнал
Издаётся с 2017 года**

Учредители: Хайрутдинов Р.Р., Ситдиков А.Г.
Издатель: редакция журнала

Адрес издателя: ул. М. Межлаука, 3, каб. 117,
г. Казань, Россия, 420008. Тел.: +7 (843) 221-33-21

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массо-
вых коммуникаций Свидетельство о регистрации ПИИ
№ ФС 77-72116 – печатное издание от 29.12.2017.
Периодичность: 4 выпуска в год

Адрес редакции: ул. М. Межлаука, 3, каб. 117,
г. Казань, Россия, 420008. Тел.: +7 (843) 221-33-21
Email: kvmukfu@mail.ru
Сайт журнала: <https://ioaie.ru>

Дата выхода выпуска в свет: 17.06.2022.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60x84/16.
Тираж 150 экз. Заказ № 6/6. Отпечатано в типографии
Издательства Казанского университета.
Адрес типографии:
420008, г. Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
Тел.: +7(843) 233-73-59; 233-73-28

Главный редактор

Напольских Владимир Владимирович, доктор исторических наук, профессор КФУ, профессор кафедры культурологии Улмуртского государственного университета (Ижевск), член-корреспондент РАН

Состав редакционного совета:

Председатель – Хайрутдинов Рамиль Равилович, кандидат исторических наук, доцент, председатель Совета отделения Российского исторического общества в Казани.

Члены редакционного совета:

Арутюнов Сергей Александрович, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, заведующий сектором Кавказа Института этнологии и этнической антропологии (Москва).

Головнёв Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Этнографического Бюро, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург).

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии АН РТ (Казань);

Казанский Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор, академик РАН (Санкт-Петербург).

Михай Хоппал, Dr. hab., профессор, президент International Society for Shamanistic Research (Будапешт).

Наумкин Виталий Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, директор Института востоковедения РАН (Москва);

Пиотровский Михаил Борисович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, генеральный директор Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург);

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор Казанского государственного института культуры и искусств (Казань);

Ситдиков Айрат Габитович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН РТ, директор Института археологии АН РТ (Казань).

Эберхард Винклер, Dr. hab., профессор, заведующий кафедрой финно-угроведения Гёттингенского университета (Гёттинген).

Юха Янхунен, Dr. hab., профессор, заведующий кафедрой восточноазиатских исследований Хельсинкского университета (Хельсинки).

Распространяется бесплатно

© Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, 2022

**PROCEEDINGS
OF THE SOCIETY FOR ARCHAEOLOGY, HISTORY AND ETHNOGRAPHY
AT THE KAZAN UNIVERSITY**

Volume 42, issue 1

ISSN 2312–3400

Editor-in-chief

Vladimir V. Napolskikh, Doctor of history, Professor of the Udmurt state University, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk – Kazan).

Editorial board:

Chairman – Ramil R. Khayrutdinov, Phd, Professor, Director of the Institute for international relations, history and oriental studies of the Kazan University, Chairman of the Dept. Council of the Russian Historical Society in Kazan (Kazan).

Members of the editorial board:

Sergey A. Arutyunov, Doctor of history, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Dept. of Caucasus of the Institute for Ethnology and Ethnic Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Andrey V. Golovnyov, Doctor of history, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Museum of anthropology and ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (St.-Petersburg).

Iskander L. Izmaylov, Doctor of history, Head researcher of the Institute for Archaeology of the Academy of Sciences of Tatarstan.

Nikolay N. Kazanskiy, Doctor of Philology, Professor, Full member of the Russian Academy of Sciences (St.-Petersburg).

Mihály Hoppál, Dr. hab., Professor, President of the International Society for Shamanistic Research (Budapest).

Vitaliy V. Naumkin, Doctor of History, Professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Mikhail B. Piotrovskiy, Doctor of History, Professor, Full member of the Russian Academy of Sciences, Director of the State Hermitage (St.-Petersburg).

Konstantin A. Rudenko, Doctor of History, Professor (Kazan).

Ayrat G. Sitdikov, Doctor of History, Professor, Corresponding member of the Academy of Sciences of Tatarstan, Director of the Institute for Archaeology of the Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan).

Eberhard Winkler, Dr. hab., Professor, Head of the Institute of Finno-Ugric Studies of the University of Göttingen (Göttingen).

Juha Janhunen, Dr. hab., Professor, Head of the Dept. of East Asiatic Studies of the University of Helsinki (Helsinki).

Published after the decision of the scientific council of the Institute for international relations, history and oriental studies of the Kazan University and the Dept. Council of the Russian Historical Society in Kazan.

Published since 2017 (resumed edition after 1878-1929) 4 times a year.

Founders: Ramil R. Khayrutdinov, Ayrat G. Sitdikov

Address of the redaction: Russia, 420008, Kazan, Mezhlauka, 3, r. 117

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ахмадиев Ф.Н., Мягков Г.П.</i> Крестьянская война в Германии в российской историографии середины – второй половины XIX века	5
<i>Сурин О.А.</i> Этиологические мифы о Геракле и его потомках в VIII–IV вв. до н.э.	13
<i>Орлов В.П.</i> Первый предатель или жертва Великого царя: к вопросу о судьбе Интафрена при дворе Дария I.....	25
<i>Рунг Э.В., Востриков И.В.</i> Дипломатическая предыстория Греко-персидских войн: ахеменидские глашатаи в Афинах и Спарте ...	37
<i>Шмелева Л.М., Базяева Д.Э.</i> Римская колония Фидены: между Этрурией и Лацием	50
<i>Шадрина Н.А.</i> Образ женщины-лидера: Юдифь в англосаксонской литературе раннего Средневековья	60
<i>Мулеев А.О.</i> К вопросу о «лучших мирянах» в позднесредневековой Англии	73
<i>Бикеева Н.Ю.</i> Представления о «борьбе двух королей» в современной французской исторической беллетристике.....	84
<i>Норден Л.Л., Гафуров С.О.</i> Имперский дискурс внешней политики императора Фердинанда II.....	98
<i>В.И. Юртаев, Шадрина Н.А.</i> «Идея А. Линкольна»: принципы конструирования образа исторической личности в мемориально-декоративной скульптуре	113
<i>Шмелев Д.В.</i> Либерализм и внешняя политика: опыт В. Жискара д'Эстена.....	125

CONTENTS

<i>Akhmadiev F.N., Myagkov G.P.</i> The theme of the Peasant War in Germany in Russian historiography mid-second half of the 19th century	5
<i>Surin O.A.</i> Etiological myths about Heracles and his descendants in VIII-IV BC.....	13
<i>Orlov V.P.</i> The first traitor or victim of the Great King: to the question of fate of Intaphrenes at the court of Darius I.....	25
<i>Rung E.V., Vostrikov I.V.</i> Diplomatic prehistory of the Greco-Persian Wars: Achaemenid Heralds in Athens and Sparta.....	37
<i>Shmeleva L.M.</i> The Roman colony of Fidenae: between Etruria and Latium.....	50
<i>Bazyayeva D.E., Shadrina N.A.</i> The image of a female leader: Judith in the Anglo-Saxon literature of the early Middle Ages	60
<i>Muleev A.O.</i> To the question of “best sort of laity” in late medieval England.....	73
<i>Bikeeva N.Yu.</i> Representations of the “struggle of two queens” in contemporary French historical fiction.....	84
<i>Norden L.L., Gafurov S.O.</i> The imperial discourse of Ferdinand II and his foreign policy.....	98
<i>Yurtaev V.I. Shadrina N.A.</i> «The idea of A. Lincoln»: principles of constructing the image of a historical person in memorial and decorative sculpture	113
<i>Shmelev D.V.</i> Liberalism and foreign policy: the experience of V. Giscard d’Estaing	125

Крестьянская война в Германии в российской историографии середины – второй половины XIX века

**Фарит Нафисович Ахмадиев¹,
Герман Пантелеймонович Мягков²**

*^{1,2} Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия*

¹ahmadiev101@mail.ru

²gmyagkov@yandex.ru

Аннотация. Время с начала 50-х гг. XIX в. и до конца прошлого столетия исключительно важный период в истории российской науки о всеобщей истории. Именно в эти десятилетия второй половины XIX в. наука всеобщей истории в России становится в полном смысле академической дисциплиной, превращаясь из «школярской» науки, которая по сути ретранслировала в российские университеты опыт изучения всемирной истории в европейских научных центрах. Произошло это во многом благодаря налаженной Министерством народного просвещения и российскими университетами системы заграничных командировок, получивших название «профессорская поездка» либо «профессорская командировка», которые были достаточно длительными (не менее двух лет) и зачастую были для одного и того же кандидата на такую поездку неоднократными. Такая политика «Очной подготовки» кадров историков-всеобщников для российских университетов осуществлялась Министерством народного просвещения с поразительной настойчивостью на протяжении нескольких десятков лет и принесла свои несомненные результаты. Уже к началу 80-х гг. XIX столетия практически все кафедры всеобщей истории российских университетов, включая, в том числе и так называемые «провинциальные» университеты (Казань, Харьков и пр.) были заполнены специалистами, получившими дополнительную профессиональную подготовку в ведущих университетах Европы. И, как результат, это привело к насыщению исследовательского поля российских всеобщников целым рядом оригинальных исследований, которые, хотя во многом и базировались на крупнейших европейских исследованиях (так происходило вплоть до начала XX столетия), были совершенно новым явлением в российском научном сообществе. Эту тенденцию мы и стремимся показать в статье, в которой рассказывается об эволюции

взглядов российских историков на личность одной из самых интересных фигур в истории европейского средневековья – Томасе Мюнцере.

Ключевые слова: историография, история, средние века, война, крестьянство, образование, университет

Для цитирования: Ахмадиев Ф.Н., Мягков Г.П. Крестьянская война в Германии в российской историографии середины – второй половины XIX века // Извещения Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. 2022. Т. 42. № 1. С. 5–12. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.5-12

В 1974 году была опубликована книга известного советского историка и историографа Бориса Георгиевича Вебера. Она увидела свет под названием «Историографические проблемы». По сути это был сборник опубликованных ранее историографических работ автора. Пожалуй, самой интересной и по тем советским временам, «свежей» в смысле оригинальности была статья под названием «Крестьянская война в Германии в освещении М.Н. Петровым». В центре внимания Вебера оказался один из десяти исторических очерков, которые были опубликованы в 1868 г. Михаилом Назаровичем Петровым в рамках единого сборника под названием «Очерки из всеобщей истории». «Очерки» были изданы в издательстве Харьковского Императорского университета и были еще несколько раз переизданы, в последний раз уже после смерти их автора в 1887 году. В 1896 году на последнее издание «Очерков» в журнале «Новое слово» должна была состояться рецензия Е.В. Тарле, к сожалению, видимо, оставшаяся неопубликованной. Во всяком случае, рецензия нам неизвестна.

Оригинальность очерка о Томасе Мюнцере заключалась в том, что впервые в истории российской медиевистики автор отнесся к Мюнцеру не как религиозному фанатику и фантазеру, а деятелю масштабного крестьянского движения в Европе, вождю Великой Крестьянской войны в Германии, которая опять-таки впервые стала рассматриваться как предтеча будущих европейских буржуазных революций. Эта оценка Петровым разительно отличалась от всего того, что до этого писалось в российской медиевистике об этом персонаже германской истории и о самой истории Крестьянской войны. Объяснялось это тем, что Петров поднял тему истории германского протестного движения крестьян уже в совершенно новой общественной и политической действительности, сложив-

шейся в России в пореформенный период. И, возможно, еще более важное. При написании «Очерка» о Т. Мюнцере Петров М.Н. активно использовал работу немецкого историка В. Циммермана, вышедшую в 1849 году под названием «Великая крестьянская война в Германии». Этого историка причисляют к демократическому крылу в немецкой историографии первой половины XIX в., вышедшему из знаменитой научной школы Шлоссера. Напомним, что буквально под тем же, что и работа Циммермана, названием была опубликована классическая марксистская работа Ф. Энгельса, который при написании своей работы опирался на фактическую и источниковую базу книги Циммермана. Безусловно был соблазн, попытаться в «Очерке» Петрова найти следы влияния работы Ф. Энгельса. Но оснований для этого не обнаружилось ни в архивном наследии М.Н. Петрова, ни в содержании его «Очерка». Но сам «Очерк» по своим оценкам настолько не совпадал с теми оценками личности Мюнцера, которые дали ему предшественники Петрова – Грановский и Кудрявцев, что это позволило Веберу отнести харьковского исследователя к крайне левому течению в российской либеральной общественной и политической жизни в первые годы истории пореформенной России.

При написании статьи использовались классические методы исследования, характерные, в первую очередь, для историографических обзоров. Это описательный метод, метод сравнительно-исторический, биографический метод, в основе которого стремление воссоздать историю жизни и деятельности изучаемого персонажа (в данном случае профессора Харьковского Императорского университета Михаила Назаровича Петрова) с опорой на его собственные научные исследования, на архивный материал и на исследования по данной проблематике советских и российских историков, в том числе, специалистов по общественной и политической истории Германии в средневековье.

В истории такого явления как российская наука всеобщей истории можно выделить этап становления, который своими временными рамками охватывает период с конца 40-х гг. XIX столетия и вплоть до конца 90-х гг. того же столетия. Началом этого этапа, конечно же с условием определенного допущения, можно считать актовую речь Т.Н. Грановского «О современном состоянии и

значении всеобщей истории» (1850 г.). В ней впервые было сказано о тех задачах, которые стояли перед всеобщей историей как научной дисциплиной. Верхней же чертой, на наш взгляд, можно считать признание, сделанное в 1897 году Е.В. Тарле. В рецензии на перевод «Всеобщей истории» французских историков Лависса и Рамбо он пишет: «наша историческая литература пока еще очень бедна трудами по всеобщей истории, не только оригинальными, но даже переводными, несмотря на то, что мы имеем капитальный ... труд Вебера, университетские курсы профессоров Кареева, Осокина и др., несколько хороших специальных монографий и т.д.» [1, с. 84]. На эти десятилетия XIX столетия приходится творчество ряда крупнейших исследователей (того же В.И. Кареева, В.П. Бузескула, Е.В. Тарле и др.), которых в истории науки можно обозначить как «канонические» (по Л.П. Репиной) [2] либо «ведущие» (по Б.Г. Могильницкому) фигуры. К этому ряду следует отнести и Т.Н. Грановского, который в 40-50-е гг. должен был решать, в первую очередь, сугубо «образовательные», а не исследовательские задачи. Отметим и то, что Грановский действовал и в совершенно другом общественном и политическом пространстве дореформенной России, нежели историки конца XIX столетия.

Имея в виду все эти моменты, интересно еще раз обратиться к творчеству М.Н. Петрова, харьковского историка и историографа, творчество которого как раз умещается в указанные выше хронологические рамки, поскольку первая его работа – магистерская диссертация «О характере государственной деятельности Людовика XI» – была издана в 1850 году, а последние черновые наброски к его «Лекциям по всемирной истории» были написаны им во второй половине 70-х – первой половине 80-х гг. XIX века [3].

Таким образом, активное, творческое время М.Н. Петрова приходится практически на весь период становления российской науки всеобщей истории. А с учетом того факта, что его наследие охватило и первое десятилетие XX века и к этому наследию были причастны «канонические» персонажи российской науки. Корректурой I тома «Лекций по всемирной истории» М.Н. Петрова занимался Н.И. Кареев. А в 1896 году в журнале «Новое слово» Е.В. Тарле намеревался поместить рецензию на «Очерки из всемирной истории М.Н. Петрова» [1, с. 166]. М.Н. Петров представ-

ляется весьма востребованной личностью в истории российской науки. Его перу принадлежит ряд интересных и оригинальных работ, в том числе «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» [4], ставшая первым концептуальным осмыслением опыта европейской исторической науки. Но более подробно мы остановимся на «Очерках» Петрова, точнее одном из этих очерков под названием «Томас Мюнцер». Данное сочинение уже было предметом исследования. В 1974 году был издан сборник историографических статей Б.Г. Вебера под названием «Историографические проблемы» [5]. В этом сборнике была размещена статья под названием «Крестьянская война в Германии в освещении М.Н. Петрова». Главный вывод автора статьи заключается в том, что М.Н. Петров дал такую оценку Мюнцеру [6, с. 431], которая близка к радикализму российских революционеров, демократов современников Петрова. Следует отметить, что тема истории Крестьянской войны в Германии занимала в немецкой историографии первой половины XIX века ведущее место. Очерк начинается с упоминания о работе немецкого историка В. Циммермана, который с точки зрения российского исследователя, отказался от трактовки крестьянской войны как «второстепенного эпизода в истории Реформации» [6, с. 432] и «первый посмотрел на нее как на опыт европейской революции, бывшей сигналом всех последующих социальных переворотов» [6]. И, далее, «Великое Крестьянское восстание, на его (Циммермана – авт.) взгляд, явление – совершенно родственное революциям английской и особенно французской» [6]. Автор очерка создает сложный, многослойный портрет своего героя. С одной стороны, Мюнцер – «мечтатель-авантюрист» [6, с. 440], «энтузиаст, не понимавший истинных потребностей общества» [6, с. 467], но с другой стороны, Мюнцер – вождь, который повел народ в «бой против старых угнетателей-князей, дворянства и (церковной – авт.) иерархии» [6, с. 431]. Такая оценка Мюнцера Петровым гораздо содержательней той, которую в российской либеральной историографии давали Т.Н. Грановский и П.Н. Кудрявцев. В своих «Лекциях...» за 1849/50 год Грановский ограничился оценкой Мюнцера как «фанатика, жившего в видениях, лишённого смысла действительности, думавшего об освобождении всех народов и тварей», возглавившего «войну, объявленную массами

невежественными, фанатическими, не знавшими пределов своим требованиям» [7, с. 97].

Примерно такую же оценку Мюнцеру дает в своем лекционном обозрении истории Ре-формации и П.Н. Кудрявцев. Для него Мюнцер – «религиозный фанатик, протест которого вначале был обращен против иерархии, но в условиях начавшейся крестьянской войны, пре-вратился в борьбу и против злоупотреблений власти светской» [8].

По итогам исследования мы пришли действительно к интересным выводам. 1) В поре-форменной России стало возможным расширение исследовательского поля за счет включения в поле внимания историков новых тем из истории европейского средне-вековья, касаю-щихся истории острых общественно-политических конфликтов (в нашем случае – Великой Крестьянской войны в Гер-мании). 2) Эта новая тематика была созвучна тем общественным и политическим настроениям, которые существовали в российской пореформенной действи-тельности, в том числе в университет-ской среде. Дальнейшее исследование данной темы возможно по нескольким направлениям. 1) Продолжение изучения биографии и творчества М.Н. Петрова; 2) Изучение российской университет-ской среды как общественного и научного феномена; 3) Изучение российской историографии всеобщей истории второй половины XIX века в контексте внутренних связей с европейской историо-графией всеобщей истории XIX века.

Библиография

1. Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М.: Наука, 1981. 391 с.
2. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв. Социальные тео-рии и историографическая практика. М., 2011. 197 с.
3. Петров М.Н. Лекции по всемирной истории. Т.1. История древнего мира. Изд. 2-е, в новой обработке и с дополнениями А.Н. Деревницкого. СПб., 1907. 397 с.
4. Петров М.Н. Новейшая национальная историография в Германии, Ан-глии и Франции. Харьков, 1861. 357 с.
5. Вебер Б.Г. Историографические проблемы. М., 1974. 402 с.
6. Петров М.Н. Очерки из всеобщей истории. Харьков, 1868.
7. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М.: Наука, 1987. 428 с.
8. Кудрявцев П.Н. Лекции. Сочинения. Избранное. М.: Наука, 1991. 344 с.

9. Томас Мюнцер. Пражское воззвание. Письма / Пер. с нем. М.М. Смирини и В.М. Володарского. Предисл. и коммент. В.М. Володарского // Средние века. – М.: Наука, 1989. – Вып. 52. – С. 332–346.

10. F. Engels. Der Bauernkrieg. Erfurt, 1847. – 187 s.

11. Hartfelder. Zur Geschichte des Bauernkrieges in Südwestdeutschland. Berlin, 1847.

12. W. Zimmerman. Geschichte des grossen Bauernkrieges. 3 т. München, 1841–1842.

13. L. Ranke. Deutsche Geschichte im zeitalter der Reformation. Bonn, 1839–1847. В 6 т. – Т. 3.

14. K. Dahlmann Geschichte von Dänemark. München, 1851. – 342 S.

Автор публикации:

Ахмадиев Фарит Нафисович (Ahmadiev Farit Nafisovich) – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Института международных отношений Казанского федерального университета, ahmadiev101@mail.ru

Мягков Герман Пантелеймонович (Myagkov German Panteleimonovich) – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Института международных отношений Казанского федерального университета, gmyagkov@yandex.ru

The theme of the Peasant War in Germany in Russian historiography mid-second half of the 19th century

Akhmadiev F.N., Myagkov G.P.

Abstract. In the second half of the 19th century, the science of world history in Russia becomes an academic discipline in the full sense. By the beginning of the 80s. In the 19th century, almost all departments of the general history of Russian universities, including the so-called “provincial” universities, were filled with specialists who received additional professional training at the leading universities in Europe. The article shows the trend in the evolution of the views of Russian historians on the personality of one of the most interesting figures in the history of the European Middle Ages - Thomas Müntzer.

Keywords: historiography, history, middle ages, war, peasantry, education, university

For citation: Akhmadiev F.N., Myagkov G.P. The Peasant War in Germany in Russian historiography of the middle - second half of the 19th century. *Proceedings of the Society for Archaeology, History and Ethnography at the Kazan University*. 2022;42(1):5–12. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.5-12

Publication authors:

Akhmadiev Farit Nafisovich, Kazan Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archeology and General History of the Institute of International Relations of Kazan Federal University. 79061157097, ahmadiev101@mail.ru

Myagkov German Panteleimonovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archeology and General History of the Institute of International Relations of Kazan Federal University. gmyagkov@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 20.02.2022

Принята к публикации / Accepted 14.03.2022

УДК 94(38)

DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.13-24

Этиологические мифы о Геракле и его потомках в VIII–IV вв. до н.э.

Олег Александрович Сурин¹

*¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Россия*

¹surinoleg02.10.97@mail.ru

Аннотация. Греки часто включали Геракла в генеалогию аристократических родов, отдельных политиков, других мифологических героев локального значения. Геракла считали основателем целого ряда полисов и колоний, греки называли его прародителем скифов, этрусков и прочих народов. Новые этиологические мифы, связанные с ним, появлялись на протяжении всей античности. В данном исследовании анализируются место и роль этиологических мифов, связанных с Гераклом, в исторической памяти древних греков, а также механизмы их ввода в историческую память. Цель исследования – выявить практики ввода новых этиологических мифов о Геракле в историческую память древних греков. Актуальность исследования связана с отсутствием работ по исследованию механизмов влияния на историческую память в Древней Греции.

В ходе проведённого исследования следует сказать, что новые этиологические мифы о Геракле вводились через практики народных собраний, выступлений перед публикой, присущих полисной структуре греческого мира. Оракулы могли закреплять новые этиологические мифы через предсказания. Помимо этого, новые этиологические мифы о Геракле появлялись и по «естественным причинам»: через объяснение греками окружающего мира, в частности, через описание греческими колонистами ранее неизвестных территорий и народов, их мифологии, образа жизни, включение этих знаний в греческие представления о мире.

Ключевые слова: Геракл, этиологические мифы, генеалогическая традиция, историческая память, древнегреческая мифология, рационализация мифов, дипломатия родства

Для цитирования: Сурин О.А. Этиологические мифы о Геракле и его потомках в VIII–IV вв. до н.э. // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. 2022. Т. 42. № 1. С. 13–24. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.13-24

Геракл – популярный герой древнегреческой мифологии, которому было посвящено множество культов. Его упоминание можно найти в греческой трагедии, эпосе, топонимике, изображения с ним встречаются по всей греческой ойкумене. Нет удивительного в том, что Геракл часто использовался в качестве предка в этиологических мифах. Мифы о происхождении, связанные с Гераклом, обладают рядом особенностей, что выделяет их среди остальных этиологических мифов в древнегреческой культуре. Данное исследование посвящено практикам ввода новых этиологических мифов о Геракле и его потомках в исторической памяти древних греков, а также их роли в древнегреческой культуре. Цель исследования – выявить практики ввода новых этиологических мифов о Геракле в историческую память древних греков.

В исследованиях Геракла одним из важнейших вопросов является сущность Геракла, вопрос о том, кем же он является. Уже в античности были разные взгляды на природу Геракла либо как на бога, либо как на смертного человека [14, с. 524]. Древние авторы считали, что существовало несколько Гераклов. Например, Диодор Сицилийский сообщает о трёх Гераклах (Diod. Sic. III. 74), а римский писатель Варрон доводит их число до сорока трёх (Servianorum in Vergili Carmina Commentariorum. VIII. 564). Геродот (Hdt. II. 43–44) также писал о нескольких Гераклах (1, 33–34). Связанно это с большим распространением культа Геракла, увеличением его атрибутов и т.д. В разных местностях Геракл по-разному воспринимался, связывался с местными божествами, героями. Например, его сопоставляли с богом финикийского Тира Мелькартом [1, с. 34]. П.Г. Аграфонов считает, что в культ Геракла вошли мифы и представления о Гильгамеше [1, с. 34]. Для меня это кажется хоть и не невозможным, но не убедительным. Ибо Аграфонов допускает некое слияние Геракла и Гильгамеша на схожести двух персонажей и их мифологий. Но схожесть не является показателем влияния или доказательством, что образ одного мифологического персонажа оказал в той или иной степени влияние на другой. В греческой мифологии есть немало других похожих на Геракла героев, как например Тесей, которые не сливались с Гераклом в одного персонажа.

Причиной представлений о нескольких и даже множестве Гераклов является его большая популярность, наличие целого ряда различных мифологических сюжетов, с ним связанных [7, с. 3–25]. В свою очередь, его популярность объясняется следующими причинами. Во-первых, часто Геракл выступает как сын Зевса, наиболее прославившийся среди детей Кронида своими подвигами и силой. Связь с Зевсом, верховным олимпийским богом, могла способствовать большей популярности Геракла в сравнении с другими героями [4, с. 367–378].

Во-вторых, Геракл является так называемым «странствующим персонажем» [12, с. 419], который как, к примеру, Одиссей, посетил немало мест в ойкумене и побывал на её окраинах. Последнее обстоятельство способствовало тому, что местные локальные культы Геракла, связанные с определённой территорией, были в разных частях Средиземноморья и по берегам Чёрного моря: от Геракловых столпов до Кавказа (не говоря об эллинистической эпохе, когда греческая ойкумена простиралась далее на восток).

В-третьих, Геракл ассоциировался греками с божествами и персонажами из других культур, которые могли быть достаточно разными [7, с. 3–25]. Для греческих авторов, в частности для Геродота, при описании негреческих народов характерно упоминание именно греческих названий богов, с которыми греки могли соотносить иноплеменных божеств [8, с. 473–474]. Как показал Э.Д. Бикерман, в греческом историописании история и происхождение негреческих народов встроены в греческую генеалогическую систему, в которой объясняется, как появился тот или иной народ и как он получил своё название. Естественно, сведения представителей этих народов обычно не учитывались [10, с. 65–81], хотя греческие авторы и могли их указывать в своих работах. Например, Геродот сначала передаёт скифскую версию появления скифского народа и только затем греческую (Hdt. IV. 5–10). В целом, греки смотрели на мир с эллиоцентричных позиций [12, с. 429]. Персонажей иных культур греки соотносили с Гераклом на основании схожести их или их атрибутов с Гераклом или некоем совпадении преданий о них с рассказами о Геракле. Сопоставление Геракла с персонажами иных культур, введение их мифологических сюжетов в греческие представления расширяло образ Геракла, делало

его слишком переполненным сюжетами, событиями, атрибутами. Это в конечном итоге вызвало размывание его образа, разделение Геракла на несколько персонажей у ряда авторов и в ряде культов [12, с. 429].

При этом, нет уверенности в единости Геракла в греческой культуре и в раннюю эпоху. Древнегреческая религия обладала особенностью локальности культов, что вытекало из специфики географии расселения греческого народа. Изрезанная горами и морем Эгеида благоволила обособленности культовых представлений, развитию разности образа Геракла в разных частях эллинского мира. Греческая колонизация привела к тому, что, как выразился Платон в «Федоне», греки расселились вокруг нашего моря (т.е. Средиземноморья), как лягушки вокруг болота (Pl. Phaedo. 109b). Ареал греков увеличился в огромных масштабах, что означало их контакты с новыми культурами и взаимодействие с их мифологией.

Локальность культов приводила к разнообразию атрибутов у локальных вариаций богов, возможных особых обрядов, традиций почитания, а самое главное для данного исследования – разных вариантов легенд о божестве или местных, завязанных на определённой области, представлений. К примеру, различные местные культы Зевса и Диониса описал в «Дионисе и прадионисийстве» В.И. Иванов [3, с. 17–33]. Более того, в разных частях греческого мира в архаическую и классическую эпохи эволюция этих местных культов могла происходить по-разному, обрастая новыми мифологическими сюжетами, в дополнение к старым, также продолжавшим своё развитие. Из-за этого мифологическая история одного бога или героя в разных полисах и территориях могла отличаться, приводя к противоречиям при их сравнении. Так, на Крите были представления о Геракле как воспитателе Зевса, а не наоборот, как о сыне последнего. А.Р. Подопригра считает, что этот сюжет является местным локальным развитием представлений о Геракле [7, с. 26–59]. Геродот также обратил на внимание на это, заявляя, что правы те эллины, которые почитают Геракла как бога и как человека (Hdt. II. 44), т.е. как двух разных персонажей.

Помимо локальности, древнегреческая религия и мифология обладали ещё одной особенностью, которую мы можем наблюдать

уже у Гомера. Это тенденция к панэллинству [5, с. 60]. Процесс становления как общеэллинской идентичности, так и общедорийской и общеионийской идентичностей привёл к некоей стандартизации, структурированию определённых культов, что мы можем назвать олимпийской религией. По-видимому, осознание общегреческой идентичности было и до архаической эпохи и вряд ли когда-либо отсутствовало. Но ранее не было такого уровня коммуникаций, позволявших поддерживать постоянные контакты между разными частями греческого мира, которые бы не размывали греческую мифологию на отдельно развивающиеся части. В любом случае, тенденция к панэллинству не уничтожила локальные культы, а продолжила сосуществовать с тенденцией к локальности, тесно с ней взаимодействуя. В сфере культов она приводила к разнообразию в том, что ранее называли «народной религией» [6, с. 5–190].

Представленные четыре фактора являются основными причинами разделения в античности Геракла на несколько персонажей, как на богов, так и на людей.

В рамках исследования этиологических мифов необходимо проанализировать феномен генеалогических преданий. Следует сказать, что генеалогические традиции играли в древнегреческой культуре существенную роль, что связано как с активностью аристократии, так и с феноменом гражданства в полисе.

Для аристократии происхождение от бога или героя было важно для доказательства аристократичности и благородности своего рода, его престижа, а также для политических целей [9, с. 395–409]. К таковым политическим целям относятся развязывание войны из-за отсылки на то, что территорией, которую хотят захватить, обладали предки захватчиков и она им принадлежит по праву, прошение защиты и заключение политического союза, что также объясняется прошлым, действиями предков, и так далее [12, с. 426–427]. Этот феномен в древнегреческой политической практике, достигший своего пика в эллинистический период, К. Джонс назвал “Kinship Diplomacy”, т.е. «дипломатией родства» [11, с. 1–193].

Касательно демоса, то генеалогия была необходима для доказательства наличия гражданства, если возникали какие-либо юридические споры и подозрения. Особенно это было актуально для

Афин, в которых был один из самых строгих законов о гражданстве. Таким образом, в древнегреческой культуре была постоянная подпитка для развития генеалогических традиций в разных слоях общества.

Популярный Геракл и древнегреческая генеалогическая традиция не могли не соединиться, что привело к тому, что Геракл стал востребованным персонажем в этиологических мифах разных видов. Существующие этиологические мифы, связанные с Гераклом, можно разделить на три группы: первая – возведение происхождения рода/династии к Гераклу; вторая – возведение происхождения народа/племени к Гераклу; третья – признание основателем колонии/полиса Геракла. Все эти три группы этиологических мифов приводили к использованию их в «дипломатии родства». Л. Паттерсон показал, что данные этиологические мифы работали не просто из-за признания реальности Геракла, а ещё и из-за признания того, что действия, совершённые им или его ближайшими потомками в «век героев» по Гесиоду (Hes. Op. 157–173), продолжали влиять на мир в последующем, в том числе, в архаическую, классическую и эллинистическую эпохи [12, с. 419].

Переходя к проблеме ввода новых этиологических мифов о Геракле в историческую память, следует задать следующие вопросы. Какие механизмы позволяли вводить новые этиологические мифы в историческую память? Как этиологические мифы могли менять исторические представления? По какой причине в этиологические мифы верили и на кого они ориентировались? Последний вопрос можно соотнести с дискуссией гиперкритиков, полностью отвергавших возможность реальности того, что рассказывается в греческих легендах. И если предположить, что новые генеалогические представления о Геракле выдумывались, то как тогда они вводились в историческую память? На эти вопросы представляется необходимым дать ответы.

Этиологические мифы в целом, и о Геракле в частности, ориентировались на разную аудиторию. Как показал Л. Паттерсон, миф о возвращении Гераклидов и отвоевании ими совместно с дорийцами Пелопоннеса служил для легитимации власти Спарты над Мессенией [12, с. 425–426]. На мой взгляд, ориентировался данный миф как на греческую политическую элиту, так и на про-

стой демос. Через греческую политическую элиту обеспечивалась легитимация власти Лакедемона над Мессенией на общегреческом уровне. Из-за характера полисного устройства демос в народном собрании, особенно в демократических полисах, также мог оказывать влияние на внешнюю политику, что и делает возможным ориентирование мифа о Гераклидах в Спарте и на демос прочих греческих полисов.

Следует понимать, что не все этиологические мифы могли быть выдуманы некими мифографами ради пропагандистских целей. В устной среде в исторической памяти могли существовать местные локальные представления о Геракле, что обеспечивалось его популярностью и его странствиями по ойкумене в преданиях. И этиологические мифы лишь актуализировали эти представления в политической практике. Возможно, что сами мифографы и политики в них верили.

Странствующий характер Геракла как героя обеспечивал создание новых этиологических мифов при заселении греками новых земель, что при анализе этногенетических мифов о скифах у Геродота показала М.В. Скржинская [8, с. 374–375]. Миф о происхождении скифов от Геракла появился не из-за пропаганды Ольвии, а из-за мифологического мышления греков. Благодаря генеалогическому взгляду на происхождение народов, греки в коллективном творчестве создали миф на основании того, что Геракл оказался в Скифии ища своих лошадей и встретился здесь с полу-женщиной-полузмейй (Hdt. IV. 5-10), возможно, местной богиней [8, с. 374–375]. Необходимо признать, что понятие «коллективное творчество» достаточно размыто и трудно проверяемо. В данном случае, подразумевается, что миф сложился на основании передачи информации об окружающем мире внутри общества греческих колонистов и его «житейском оценивании» на основании греческого взгляда на мир. Под «житейским оцениванием» следует понимать способ объяснения окружающего мира через жизненный опыт, пережитый людьми, и наложение знаний о новых народах, территориях и т.д. на привычные для данной культуры устойчивые сюжетные формы и объяснительные модели. При этом, при таком объяснении окружающего мира не происходило демифологизации и рациональной критики данных этиологических сюжетов. К при-

меру, как та же Скржинская доказала, что греческая версия о появлении скифов по структуре похожа на ионийские генеалогические мифы [8, с. 374]. Возможно, описанный процесс длился не одно поколение, но в итоге привёл к появлению этиологического мифа о связи скифов и Геракла.

Полисное устройство эллинского мира означало большее взаимодействие власти и общества, а в ряде полисов и сильное влияние демоса на принятие политических решений. Народные собрания, публичные выступления и, связанная с ними, важность ораторского искусства обеспечивали распространение информации в основном в устной среде, чем в письменной. Это также обеспечивалось небольшим населением в полисах, даже в Афинах и Лакедемоне. И именно на народных собраниях, на заседаниях суда и даже в скоплении толпы могли вводиться новые этиологические мифы. Примерами служат знаменитая надгробная речь Перикла у Фукидида (Thuc. II. 35-64) и подобная же речь у Аспазии в «Менексене» Платона. Эти речи показывают, что через них могла проводиться пропаганда ради политических целей тех или иных групп или же оратор мог использовать такие приёмы, позволявшие вызывать у толпы какие-либо эмоциональные отклики. К примеру, в «Менексене» говорится, что афиняне являются истинными эллинами, не имеющими среди предков варваров Дана и Пелопса (Pl. Menex. XVII). На данном примере видно, как через подобные речи могла конструироваться групповая идентичность. Постоянное упоминание фактов об исключительности афинян могло стать для них обыденностью, чем-то собой разумеющимся. Тоже могло происходить и с этиологическими мифами о Геракле и его потомках.

Интересный сюжет есть у Плутарха, повествующий о том, как Солон доказал спартанским третейским судьям, что Саламин должен отойти Афинам. Сделал он это, вставив в «Илиаду» свой стих и сославшись на него [1, с. 72]. Также, в качестве практики ввода новых этиологических мифов в историческую память могли служить оракулы, в первую очередь Дельфийский. Естественно, такие практики по вводу этиологических мифов могли использоваться и по отношению к этиологическим мифам о Геракле и его потомках.

Ещё одной интересной практикой ввода этиологических мифов о Геракле в историческую память является древнегреческий театр. Трагики хоть кардинально и не меняли мифологические сюжеты, бывшие основой для трагедий, но могли использовать такие эпитеты или акцентировать внимание на определённых сюжетах так, что можно было их интерпретировать как часть «дипломатии родства». К примеру, Еврипид в трагедии «Гераклиды» обращает внимание на благородство афинян, которые, несмотря на грозную силу Еврисфея, защитили юных детей Геракла от обиды (Eur. Heracl. 296–328). Возможно, здесь Еврипид намеревался показать как благородство афинян, так и обязанность спартанских басилеев перед Афинами. Так, о связи политических событий V в. до н.э. с причиной написания «Гераклидов» пишет Дж.А. Спрэнджер [13, с. 117–128]. Это показывает, что этиологический миф о Гераклидах в Спарте использовался для современных Еврипиду политических целей.

В любом случае остаётся вопрос о том, как признавали новые этиологические мифы о Геракле и его потомках достоверными. Очевидно, на полисном уровне это более-менее понятно. Чем чаще о чём-то заявляют на публике, тем больше это становится правдой. Но на общегреческом уровне, где существовали различные этиологические традиции, множество порой противоречащих друг другу генеалогических преданий, признание греками мифов о происхождении достоверными является исследовательской проблемой. Даже у поздних авторов, по типу Псевдо-Аполлодора, проводившими редакцию своих текстов и старавшимися сводить генеалогию в единую структуру, присутствуют ссылки на разные версии о происхождении тех или иных богов и героев. На мой взгляд, в архаическую и классическую эпохи на общегреческом уровне в этиологических мифах была ситуация, чем-то напоминающая наличие множества истинных мощей святых в средние века, когда, для примера, у Иоанна Крестителя могло быть семь подлинных голов и т.д.

Нельзя утверждать, что в этиологические мифы верили все и верили в каждый. Тот же Геродот, пересказывая миф о происхождении скифов от Геракла, относится к нему с недоверием (Hdt. IV. 11). Но в целом, ссылка на этиологические мифы могла играть

решающую роль при конструировании групповой идентичности и во внешнеполитических целях. Особенно, если это подкрепляется словами какого-либо из оракулов. Также, с течением времени одна из множества версий этиологических мифов могла одерживать верх над другими и входить в письменный нарратив, как это при анализе развития эпоса показал Г. Надь [5, с. 111].

Заключая, следует сказать, что при рационализации представлений о Геракле, его биографии, деяниях, о том, предком кого он был, античные авторы столкнулись с проблемой слишком большой разницы разных сюжетов и этиологических мифов о нём. Популярность Геракла, его соотношение с другими мифологическими персонажами привели к его вводу во множество этиологических мифов разных типов. Практики ввода новых этиологических мифов были разными. В основном, они проводились через практики народных собраний, выступлений перед публикой, присущие полисной структуре греческого мира, а подкреплялись словами оракулов. Также, новые этиологические мифы о Геракле появлялись по «естественным причинам», через описание окружающего мира, особенно неизвестных территорий и народов, их мифологии. В конечном итоге, и так переполненный различными сюжетами Геракл у ряда авторов, его рационализировавших, распался на несколько или множество персонажей, каждый из которых отражал различные этиологические традиции, оказывая таким образом влияние на исторические представления и на культы.

Библиография

1. Аграфонов П.Г. Многоликий Геракл // Ярославский педагогический вестник = Yaroslavl pedagogical bulletin: научный журнал. Ярославль: РИО ЯГПУ, 1998. № 3 (15). С. 33–38.
2. Александрова О.И. Обоснование Афинами законности вывода колоний в VI–IV вв. до н.э. // Псковский военно-исторический вестник. 2016. № 2. С. 72–78.
3. Иванов В.И. Дионис и прадионисийство. СПб.: Изд. Алетей, 1994. 350 с.
4. Макаров И.В. Историко-мифологическое предание о возвращении Гераклидов // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб.: Изд. СПбГУ, 2007. № 6. С. 367–378.
5. Надь Г. Греческая мифология и поэтика. М.: Изд. Прогресс-Традиция, 2002. 432 с.
6. Нильссон М. Греческая народная религия. СПб.: Изд. Алетей, 1998. 240 с.

7. Подопригова А.Р. Образ Геракла в контексте этнополитической истории Средиземноморья II тыс. до н.э. - начала I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2005. 203 с.
8. Скржинская М.В. Происхождение двух этногенетических мифов в скифском логосе Геродота // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб.: Изд. Наука, 2011. С. 469–476.
9. Суриков И.Е. Античная Греция: Ментальность, религия, культура (Opuscula selecta I). М.: Изд. Языки славянской культуры, 2015. 722 с.
10. Bickerman E.J. *Origines Gentium* // *Classical Philology*. Chicago, The University of Chicago Press, 1952. Vol 47. № 2. Pp. 65–81.
11. Jones C.P. *Kinship Diplomacy in the Ancient World* Cambridge, Harvard University Press, 1999. 208 p.
12. Patterson L.E. Heracles as Ancestor // *The Oxford Handbook of Heracles*. Oxford, Oxford University Press, 2021. 608 p.
13. Spranger J.A. The Political Element in the Heracleidae of Euripides // *The Classical Quarterly*. Vol. 19. Issue 3-4. 1925. Pp. 117–128.
14. Suhr G.E. Heracles and Omphale // *American Journal of Archaeology*. Chicago, The University of Chicago Press, 1953. Vol. 57. № 4. Pp. 251–263.

Автор публикации:

Сурин Олег Александрович, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия. Институт международных отношений, кафедра археологии и всеобщей истории. +79600568354, surinoleg02.10.97@mail.ru.

Etiological myths about Heracles and his descendants in VIII-IV BC

Surin O.A.

Abstract. The Greeks often included Heracles in the genealogy of aristocratic families, individual politicians, and other mythological heroes of local significance. Heracles was considered the founder of a number of policies and colonies, the Greeks called him the progenitor of the Scythians, Etruscans and other peoples. New etiological myths associated with his have appeared throughout antiquity. This study analyzes the place and role of the etiological myths associated with Heracles in the historical culture of the ancient Greeks, as well as the mechanisms of their entry into historical culture. The purpose of the study is to identify the practices of introducing new etiological myths about Heracles into the historical culture of the ancient Greeks. The relevance of the study is due to the lack of research on the mechanisms of influence on historical culture in ancient Greece.

In the course of the conducted research, it should be said that new etiological myths about Heracles were introduced through the practices of popular assemblies, speeches to the public, inherent in the polis structure of the Greek world. Oracles could consolidate new etiological myths through predictions. In addition, new etiological

myths about Heracles appeared for “natural reasons”: through the explanation of the surrounding world by the Greeks, in particular, through the description by Greek colonists of previously unknown territories and peoples, their mythology, way of life, the inclusion of this knowledge in Greek ideas about the world.

Keywords: Hercules, etiological myths, genealogical tradition, historical memory, ancient Greek mythology, rationalization of myths, kinship diplomacy

For citation: Surin O.A. Etiological myths about Heracles and his descendants in VIII-IV BC. *Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University*. 2022;42(1): 13–24. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.13-24

Publication author:

Surin Oleg Aleksandrovich, Kazan Federal University, Kazan, Russia. Institute of international relations, +79600568354, surinoleg02.10.97@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 15.01.2022
Принята к публикации / Accepted 10.02.2022

Первый предатель или жертва Великого царя: к вопросу о судьбе Интафрена при дворе Дария I

Василий Павлович Орлов¹

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Россия

¹vasiliy_orlov_historian@mail.ru

Аннотация. В статье на основе анализа данных Бехистунской надписи и свидетельств античных авторов предпринимается первая в историографии попытка проследить основные жизненные вехи знатного перса Интафрена, который известен как единственный из шести заговорщиков, подвергшийся казни по приказу Дарий I. Автор делает вывод, что в начале правления Дария I Интафрен был одним из наиболее могущественных представителей персидской аристократии. На это напрямую указывает тот факт, что именно Интафрен был послан Дарием подавлять восстание в Вавилоне и косвенно иконография на скале Бехистун. По всей видимости он мог иметь мотив для свержения Великого царя, однако, не смог заручиться поддержкой представителей властной верхушки. Говоря о кончине Интафрена, мы солидаризируемся с исследователями, которые считают, что у Интафрена были потомки, находившиеся на службе ахеменидских монархов. Таким образом, лишение жизни Интафрена нельзя рассматривать как пример проявления вероломной тирании со стороны Дария I. По-видимому, персидская знать пыталась сохранить достигнутый политический консенсус, который Интафрен мог нарушить.

Ключевые слова: Интафрен, Дарий I, Ахеменидская держава, заговор, аристократия, персы

Для цитирования: Орлов В.П. Первый предатель или жертва Великого царя: к вопросу о судьбе Интафрена при дворе Дария I // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. 2022. Т. 42. № 1. С. 25–36. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.25-36

Сподвижник Дария I знатный перс Виндафарна (Интафрен), сын Ваяспары (*Vayaspāra) – известен не только по тексту Бехистунской надписи, но и античной традиции. Если верить Геродоту,

Интафрен стал единственным из шести знатных персов, выступивших на стороне Дария I в борьбе с магом Гауматой, кто впоследствии впал в немилость новому Великому царю и был казнен. В связи с этим судьба Интафрена в рамках истории Ахеменидской державы представляется уникальной и требует исследовательского внимания. Данная работа представляет собой первую в историографии попытку всестороннего рассмотрения жизни Интафрена с исторической точки зрения. Имя *Vi^oda-farnah*, предположительно, обозначает «обретающий фарн» [8, с. 91, прим. 54]. Известно о его руководстве контингентом войск, который подавлял восстание в Вавилоне; ему удалось захватить лидера восстания Араху, который выдавал себя за Навуходоносора (DB. III, 83–92). Уже из этого сообщения Бехистунской надписи следует, что Виндафарна получил от Дария I крайне ответственное задание – подавить второе восстание в Вавилоне, тогда как первое Великий царь усмирил самостоятельно. Восстанавливая ход событий, можно сконструировать следующую схему. Сначала Дарий I подавляет первый мятеж в Вавилоне, убивает лидера восставших Нидинту-Бела и остается в столичном городе до начала восстаний в Персии и Мидии, которые он также отправляется усмирять самостоятельно. Находясь в походе, Великий царь отдает приказ Виндафарне подавить очередной мятеж в Вавилоне, с чем он успешно справляется. Взятие Вавилона стало очень важным событием, так как тогда этот город был ведущим политическим и экономическим центром всего Древнего Востока.

Анализируя данные Бехистунской надписи, было бы неверным пройти мимо скульптурных изображений сподвижников Дария I. Речь идет о двух мужчинах, которые изображены слева от Великого царя. М.А. Дандамаев полагал, что ими были копьеносец Гобрий и, возможно, лучник Аспатин/Аспачана [4, с. 100]. Если с первым утверждением можно в целом согласиться, то по поводу второго следует высказать иную точку зрения. Вероятно, лучником Дария I на Бехистунском рельефе является Виндафарна. Аргументы в пользу этой позиции следующие. Во-первых, Аспатин, как, кстати, замечал отечественный иранист, не упоминается в тексте Бехистунской надписи, а, следовательно, с чего бы ему появляться на барельефе в виде столь искусного изображения. Во-вторых,

именно Виндафарна вернул под царскую юрисдикцию Вавилон, за это он, собственно, и мог удостоиться чести быть изображенным на монументальном рельефе. В-третьих, непосредственное изображение Аспачаны известно на Накши-Рустамском рельефе благодаря легенде [9, с. 109]. Данное изображение Аспачаны сильнейшим образом контрастирует с лучником, которого мы видим на скале Бехистун. Аспачана держит в одной руке небольшой топорик, а в другой, судя по всему (рельеф несколько поврежден) – горит, а не сам лук. На Бехистунском же рельефе отчетливо видно соратника Дария I, держащего в руке именно лук. В.П. Никоноров полагает, что на Бехистунском рельефе Дарий I держит в руках боевой лук, а его царедворец – церемониальный лук [9, с. 110].

Лук у иранских народов был важным символом царской власти [7, с. 347, прим. 14; 12, с. 84]. В этой связи уместно вспомнить Эсхила, называвшего Интафрена (у драматурга Артафрен – Артаφρένης) одним из законных царей, который правил между Бардией и Дарием I (Pers. 778). К сожалению, мы не знаем точно, но можем предположить, что именно после конфликта Виндафарны с монархом на последующих рельефах царедворцы не изображались с луком в руках, а лишь с небольшим топором, копьем и горитом. Помимо прочего, изображения Аспачаны и «бехистунского лучника» сильно различаются стилистически. У персонажей абсолютно разные головные уборы и черты лица. Кроме того, оруженосец Дария I изображен со статусными вещами: отчетливо видны браслеты на запястьях, пояс, возможно, серьги. Однозначно перед нами изображение очень влиятельного и знатного перса, и мы с высокой долей уверенности считаем, что перед нами изображение именно Виндафарны (аналогичного мнения придерживаются и некоторые другие исследователи, однако зачастую не аргументируют свою позицию. См. напр.: [22, с. 30]). Также стоит отметить, что в тексте на скале Бехистун по отношению к Виндафарне применяются важные социальные термины *bandakā* [10, с. 70] и *maθišta* [13, с. 84], которые указывают на прочную связь с царём и высокий социальный статус. Теперь обратимся к античным источникам, в которых Виндафарна именуется Интафреном, Интаферном, Артафреном.

Впервые упоминание об Интафрене находим у Эсхила (Pers. 778). У греческого драматурга он назван Артафреном (Ἀρταφρένης) и выступает убийцей Марда, т.е. мага Гауматы. М.А. Дандамаев отмечал: в традиции известной Эсхилу «душой заговора» против Гауматы был Интафрен [4, с. 79]. Греческий автор одаривает Интафрена гомеровским эпитетом ἑσθλός. Ю.В. Андреев считал, что Гомер использовал этот эпитет при описании идеальных героев, наделенных воинской доблестью [1, с. 131, прим. 3]. По его мнению, воинская доблесть в понимании аэда может быть «привилегией лишь одного общественного класса, а именно аристократии» [1, с. 131, прим. 3]. Если Ю.В. Андреев не был склонен считать ἑσθλός социальным термином, то В.В. Ставнюк определенно утверждает, что слова ἀγαθός, ἑσθλός, κακός, δειλός и др. являются частью социальной терминологии, которая используется для описания аристократов [14, с. 77, прим. 111]. Данный вопрос в любом случае спорный, однако нам импонирует вторая точка зрения, т.к. Эсхил, будучи сам аристократом и доблестным воином, воспринимал знатных персов как достойных противников, возможно, даже равного себе социального статуса. В пользу этого говорит его очень красочное и в целом скорее позитивное описание персидских полководцев (Pers. 20–32), а также собственная эпитафия, в которой Эсхил называет мидян βαθυχαιτήεις («длиноволосые», «с длинными, густыми кудрями»), что может быть отсылкой к характеристике длиноволосых греческих аристократов.

Похоже, ввиду этого, Эсхил не считает убийство Гауматы Артафреном чем-то постыдным. Напротив, этот поступок воспринимается как благо, а не банальный захват власти, учитывая, что Эсхил называет Артафрена седьмым царем Персидской державы (Pers. 778.). Артафреном (Ἀρταφρένης) Эсхил именуется ещё одного персонажа, а именно полководца в войске Ксеркса (Pers. 21). Для драматурга и его читателей – это может быть один и тот же человек, т. к. в тексте «Персов» оба Артафрена не идентифицируются как разные люди. Этого Артафрена Эсхил также именуется одним из четырех царей при царе величайшем. Из описания драматурга следует, что этот Артафрен был умелым всадником и начальником одного из четырех воинских контингентов.

Вывод о том, что это два разных человека мы делаем из сообщений Геродота, где сказано, о казне Интафрена (Ἰνταφρένης), который ассоциируется с эсхиловским Артафреном. Итак, обратимся к «отцу истории», у которого повествуется о бесславной кончине знатного перса. Из рассказа Геродота мы узнаем множество любопытных сведений из возможной биографии Интафрена. Так, к заговору против Гауматы его привлек знатный перс Отан (Hdt. III, 70), а непосредственно во время убийства самозванца Интафрен лишился глаза (Hdt. III, 78). Греческий историк сообщает об Интафрене, якобы казненном сразу же после того, как Дарий I стал Великим царем, однако это вряд ли соответствует действительности, т.к. тогда его имя вряд ли бы высекли на скале Бехистун.

В любом случае дату гибели Интафрена невозможно установить. Так, А. Олмстед [21, с. 143] относил её к 518–519 гг. до н.э., а М. А. Дандамаев [3, с. 184] указывал на то, что это событие могло произойти после 520 г. до н.э. Наиболее странным в пассаже Геродота выступает причина, по которой Интафрен впал в немилость к царю. У него говорится о желании знатного перса попасть на аудиенцию к Дарию I для обсуждения некоего вопроса. Интафрен имел право входить в покои царя без предварительного уведомления, однако лишь в том случае, если монарх не находился в женской части дворца. Страж двери (ὁ δὲ πυλῶρός) и докладчик (ἀγγεληφόρος) не пустили его, объяснив, что царь находится в женской половине. Не поверив этим словам, Интафрен отрезал слугам уши и нос, но оставил их в живых, а после этого Дарий I заподозрил соратника в измене.

Из этого пассажа сложно вычлениить факты, однако сразу бросается в глаза крайне неадекватное поведение Интафрена. Б. Линкольн предложил достаточно оригинальную и вполне убедительную трактовку этого сюжета. По его мнению, отрезание ушей, а также других частей тела, отвечающих за работу органов чувств, может быть наказанием за лживость [19, с. 135–144]. На материалах Бехистунской надписи и Авесты исследователь доказывает, что в восприятии персов лживый человек неспособен корректно воспринимать услышанную информацию, а, следовательно, его уши уже поражены ложью, которая воспринимается как скверна, и должна быть вычищена путем членовредительства

[19, с. 135–144]. Отметим, что, согласно Бехистунской надписи, Дарий I перед казнью отрезал уши, нос и язык, а также выколол один глаз двум предводителям мятежников – мидийцу Фравартишу (DB. II, 70–78) и сагартийцу Чиссатахме (DB. IV, 78–91). Оба выдавали себя за потомков мидийского царя Киаксара, а значит, они были представителями ираноязычных народов. Подобное наказание за измену или другое серьезное преступление, похоже, имело место у персов, мидийцев и других иранских этносов.

В пользу этого предположения свидетельствует сообщение позднего автора Аммиана Марцеллина, в котором говорится, что Артаксеркс I был добросердечен и вместо ушей приказывал отрезать у провинившихся персов шнурки, свисавшие с головного убора (XXX. 8. 4), а также геродотовская история о Зопире, взявшем хитростью Вавилон. Напомним, знатный перс собственноручно отрезал свои нос, уши, а также остриг волосы и избил себя бичом (Hdt. III, 154), дабы убедить вавилонян в том, что находится в опале у Дария I. Геродот называет Зопира ἄνδρα [τὸν] δόκιμωτάτων (Hdt. III, 155); это словосочетание Г. А. Стратановский переводил как почтенный человек [15, с. 185]. К.К. Зельин отмечает использование слов δόκιμος и δόκιμωτάτος для обозначения высшего круга греческого гражданства, включавшего командиров крупных подразделений, флотоводцев и глав посольств [6, с. 119–120]. Он также обратил внимание на двукратное использование Геродотом эпитета δόκιμος к персам: Артахею из рода Ахеменидов (Ἀρταχάην, δόκιμον ἐόντα παρὰ Ξέρξῃ καὶ γένος Ἀχαμενίδην – Hdt. VII, 117) и Артабазу, сыну Фарнака (Ἀρτάβαζος ὁ Φαρνάκεος, ὃς ἐν ὀλίγοισι Περσέων ἦν ἀνὴρ δόκιμος παρὰ Ξέρξῃ – Hdt. IX, 41). В свою очередь, Юстин (Just. II, 10, 20) наделяет Зопира знатностью (nobilitas) и доблестью (virtus). Вполне возможно, что обычай отрезать уши и другие части головы воспринял Александр Македонский. Юстин пишет о том, что Александр заподозрил в измене историка Каллисфена и приказал отрезать ему уши, нос и губы (Just. XV, 3, 4). А узурпатор Бесс, по приказу Александра, также был сначала лишен ушей и носа, а затем казнен в Экбатанах.

Но вернемся к анализу поступка Интафрена. Знатный перс Зофир заявляет, что только Дарий I имел бы право причинить все те увечья, которые он нанес себе сам ради совершения доблест-

ного поступка (Hdt. III, 155). Исходя из всего сказанного, следует предположить, что отрезать уши, нос и наносить увечья знатым персам можно было лишь по указанию Великого царя. Страж двери (ὁ δὲ πύλῳρος) и докладчик (ἀγγεληφόρος) однозначно были уважаемыми знатыми людьми и покушение на их жизнь и здоровье воспринимались как серьезная опасность для государя и его окружение. В пользу высокого социального статуса этих персонажей говорит и то, что Интафрен не осмелился их убить и оставил в живых, зная, об их возможности обо всем доложить Дарию I.

Поступок Интафрена был воспринят как измена, но перед наказанием уже бывшего сподвижника, монарх допросил оставшихся пять знатных персов, дабы выяснить, не являются ли действия Интафрена частью спланированного заговора. Резонно допустить, что допрошенные персидские аристократы не признали бы вины, но с другой стороны вряд ли их ложь могла бы остаться не раскрытой. Так или иначе, Интафрен, по сути, коллегиально был признан изменником и арестован вместе с сыновьями и остальными родственниками (παῖδας αὐτοῦ καὶ τοὺς οἰκίῳους πάντας – Hdt. III, 113). Здесь важно отметить, что супруга Интафрена осталась на свободе, но её брат был также схвачен.

Так называемая новелла о жене Интафрена (этой теме посвящено множество статей. См, например [18, с. 101–109; 23, с. 315–318]) – крайне любопытный сюжет, на котором стоит остановиться подробнее. У Геродота история о том, как безымянная жена вымолила у Великого царя свободу для своих родственников, на первый взгляд, демонстрирует женское остроумие, однако смысл новеллы куда глубже. Если мы принимаем эту историю за правду, но отбрасываем её литературную обработку, то можем получить следующую интерпретацию. Дарий I освободил шурина Интафрена, т. к. скорее всего он принадлежал к родственному именитому роду, например, Ахеменидам. Действительно, сложно представить, что знатный перс Интафрен, некогда подавивший восстание в Вавилоне и получивший царскую протекцию, мог жениться на незнатной особе. Возможно, кровные родственники жены Интафрена могли повлиять на окончательное решение Великого царя. С другой стороны, также нельзя исключать, что Интафрен мог состоять в браке

с сестрой, т. к. это считалось вполне приемлемым и даже почетным среди персов.

В свою очередь старший сын Интафрена был освобожден, т. к. в противном случае Дарий I нарушил бы свой собственный наказ о защите знатных персидских родов со стороны царской власти (DB. IV, 80–86; 86–88). С другой стороны, мольба жены Интафрена пощадить именно брата, а не сына или мужа может отражать схожее отношение индоевропейских народов к кровному родству. Так, мотив спасения брата вместо сына и мужа присутствует в одной из древнеиндийских притч, и по этому поводу П.А. Гринцер отмечал схожесть сюжетов джатаки, геродотовской новеллы и «Антигоны» Софокла [2, с. 234]. Если мы допускаем возможность проникновения этой новеллы в «Историю» из персидских фольклорных источников, а в свою очередь афинский драматург помещает этот сюжет в «Антигону» ввиду его духовной близости эллинам, то получаем гипотезу о том, что представления о кровном родстве у древних индийцев, персов и эллинов были очень схожи, если не идентичны. Есть мнение, согласно которому, эпизод «Антигоны», соотносящийся с новеллой Геродота, является поздней вставкой [16, с. 49]. Данная позиция не умаляет нашей аргументации, а напротив даже подтверждает идею о том, что подобное отношение к кровным родственникам было близко эллинам. Иначе, зачем нужно было бы делать подобную вставку в «Антигону»? Б.Н. Путилов отмечает, что точно такой же мотив встречается в песне об Авдотье Рязаночке. По его мнению, «в основе мотива выбора брата лежат представления о решающей роли кровнородственных связей, характерные для родового строя» [11, с. 70].

В любом случае для нас важно попытаться выискать историческое ядро в сообщении Геродота касательно Интафрена. На наш взгляд, можно однозначно заключить, что род Интафрена не прервался, а выживший старший сын, судя по всему, упоминается у Эсхила под именем Артафрэнис и командует контингентом войск в армии Ксеркса I. Э. Бэдиан не исключал, что потомком выжившего сына Интафрена мог быть сатрап Фратаферн [17.]. Кроме того, отсутствие каких-либо данных о генеалогии Интафрена у греческих авторов могут свидетельствовать о том, что Дарий I действительно имел конфликт с представителем персидской аристократии,

который фигурирует в Бехистунской надписи первым и, безусловно, имел высокий социальный статус.

Помимо Геродота, персонаж, которого можно идентифицировать [20, с. 28, прим. 77] с Интафреном, упоминает Ктесий Книдский (FGrH. 688. F13. §16). Историк рассказывает о заговоре семи персов и упоминает Атаферна (Αταφέρνης). В любом случае здесь мы находим лишь упоминание имени. Схожую ситуацию отмечаем у Ксенофонта (Xen. Cyr. VIII, 3, 21). Он упоминает некоего Даиферна (Δαϊφέρνης), которого М. А. Дандамаев считал представителем рода Интафрена, якобы стремившегося к независимости ещё при Кире II [3, с. 174]. Отечественный иранист, исходя из сообщения Ксенофонта, сделал очень далеко идущий и вряд ли корректный вывод. В «Киропедии» лишь говорится о Даиферне, который был в числе друзей Кира II, однако из-за своей непочтительности царь отказался от его помощи. Ещё И.М. Дьяконов отмечал, что имя Даиферн скорее вымышлено Ксенофонтом и стилизовано под иранское [5, с. 31, прим. 5].

В начале анализа мы представляли схему, восстанавливающую ход событий, связанных с подавлением второго восстания в Вавилоне. Из этой реконструкции следует, что в какой-то момент (предположительно после 520 г. до н.э.) Интафрен оставался в Вавилоне без Дария I и, возможно, с крупным контингентом войск. С большей долей вероятности можно предположить, что именно в этот период, когда Интафрен был в Вавилоне, у него возникло желание организовать мятеж против Дария I.

Благодаря анализу текста и иконографии Бехистунской надписи, а также сведений античных авторов нам, пожалуй, удалось показать, что Интафрен недолгое время был, по сути, вторым человеком после Дария I. Скорее всего, он решил стать первым и с помощью ближайших родственников пытался организовать заговор против Великого царя. Сговор был раскрыт, т. к. остальных знатных персов Дарий I устраивал в качестве монарха, и они уже не хотели очередного дворцового переворота. С другой стороны, нельзя исключать желание Дария I попросту избавиться от серьезной политической фигуры. К сожалению, имеющиеся источники пока не позволяют нам однозначно реконструировать жизненный путь Интафрена и его семьи.

Библиография

1. Андреев Ю.В. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л.: Издательство Ленинградского ун-та, 1976. 141 с.
2. Гринцер П.А. Литература второй половины I тысячелетия до н. э.: [Древнеиндийская литература] // История всемирной литературы: В 8 томах. Т. 1 / Отв. ред. И.С. Брагинский. – М.: Наука, 1983. С. 204–251.
3. Дандамаев М.А. Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. 290 с.
4. Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, 1985. – 319 с.
5. Дьяконов И.М. История Мидии. Баку: “Нагыл Еви”, 2012. 332 с.
6. Зельин К.К. Борьба политических группировок в Аттике в VI веке до н.э. М.: Наука, 1964. 269 с
7. Иванчик А.И. Ещё раз о «греческой» легенде о происхождении скифов (Herod., IV, 8-10) // Миф. 7. Ἀποθέσις. На acad. Дмитри Сергеевич Раевски. – София: НБУ, 2001. С. 324–350
8. Кулланда С.В., Раевский Д.С. Эминак в ряду владык Скифии // Вестник древней истории. 2004. №1. С. 79–95.
9. Никоноров В.П. Боевые топоры и их культ у древних народов Средний Азии и Ирана (от раннего железного века до раннего Средневековья) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010) / Отв. ред. В.А. Алекшин – СПб. : ИИМК РАН; «Арт-Экспресс», 2014. 464 с.
10. Орлов В.П. Социальный статус персидской аристократии в Ахеменидской империи (к вопросу о значении термина *bandakā*) // Проблемы истории филологии и культуры. 2018. №4. С. 66–77.
11. Путилов Б.Н. Русский историко–песенный фольклор XIII–XV веков. М.-Л. : Наука, 1960. 300 с.
12. Раевский Д.С. К вопросу об обосновании царской власти в Парфии («Парфянский лучник и его семантика») // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). / Б.Г. Гафуров, Б.А. Литвинский (ред.). М.: Наука, 1977. С. 81–86.
13. Рунг Э.В., Орлов В.П. Имя «Масист» в истории Ахеменидской империи // Проблемы истории, филологии и культуры. 2016. №2. С. 83–91.
14. Ставнюк В.В. Становлення афінського поліса. – Київ: Аквілон-Плюс, 2005. – 216 с.
15. Страгановский Г.А. Геродот. История. Л., 1972., 600 с.
16. Ярхо В.Н. Трагедия Софокла «Антигона»: Учеб. Пособие для филол. спец. Вузов. М.: Высш. шк., 1986. 111 с.
17. Badian E. Phrataphernes // [Электронный ресурс] // Encyclopedia Iranica, New York: Iranica online: [сайт]. [2015]. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/phrataphernes> (дата обращения: 25.02.2022)
18. Hardy C.S. Nomos and Replaceability in the Story of Intaphrenes and His Wife // TAPhA. 1996. Vol. 126. P. 101–109;

19. Lincoln B. Representing the Lie in Achaemenian Persia // *Démons iraniennes. Études zoroastriennes I* / Ed. by É. Pirart, P. Swennen. Liège, 2015. P. 135–144.
20. Nichols G. The Complete Fragments of Ctesias of Cnidus Translation and Commentary with an Introduction. PhD Diss. University of Florida. 2008. 252 p.
21. Olmstead A. History of the Persian Empire. – Chicago, 1948. 670 p.
22. Renshaw J. Period Study: The Persian Empire, 559–465 BC // OCR Ancient History GCSE Component 1: Greece and Persia / Ed. by S. Baddeley, P. Fowler, L. Nicholas, J. Renshaw. Bloomsbury Academic. 2017. 311 p.
23. Zellner H.M. Antigone and the Wife of Intaphrenes // *Classical World*. 1997. Vol. 90. P. 315–318.

Автор публикации:

Орлов Василий Павлович – кандидат исторических наук, ассистент, кафедра археологии и всеобщей истории, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, vasilii_orlov_historian@mail.ru

The first traitor or victim of the Great King: to the question of fate of Intaphrenes at the court of Darius I

Orlov V.P.

Abstract. Based on the analysis of data from the Behistun inscription and the evidence of ancient authors, the article makes the first attempt in world historiography to trace the biography of the noble Persian Intaphrenes, who is known as the only one of the six conspirators who was executed by order of Darius I. The author concludes that at the beginning of the reign of Darius I Intaphrenes was one of the most powerful representatives of the Persian aristocracy. This is directly indicated by the fact that it was Intaphrenes who was sent by Darius to suppress the uprising in Babylon and indirectly by the iconography on the Behistun rock relief. Apparently, he could have had a motive to overthrow the newly-made Great king, however, he could not enlist the support of representatives of the ruling elite. Speaking about the death of Intaphrenes, we agree with researchers who believe that Intaphrenes had descendants who were in the service of the Achaemenid monarchs. Thus, the killing of Intaphrenes cannot be regarded as an example of perfidious tyranny on the part of Darius I. Apparently, the Persian nobility tried to maintain the political consensus reached, which Intaphrenes could break.

Keywords: Persian Intaphrenes, Darius I, Achaemenid power, conspiracy, aristocracy, Persians

For citation: Orlov V.P. The first traitor or victim of the Great King: on the fate of Intaphrenes at the court of Darius I. *Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University*. 2022;42(1):25–36. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.25-36

Publication author:

Orlov Vasilij Pavlovich – PhD in History, assistant, Department of Archaeology and General History, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, e-mail: vasilij_orlov_historian@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 21.02.2022
Принята к публикации / Accepted 07.03.2022

Дипломатическая предыстория Греко-персидских войн: ахеменидские глашатаи в Афинах и Спарте

Эдуард Валерьевич Рунг¹, Игорь Владимирович Востриков²

^{1,2}Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

¹eduard_rung@mail.ru

²igor-vostrikov@bk.ru

Аннотация. Цель данной статьи – рассмотреть античную традицию относительно персидских дипломатических миссий в Спарту и Афины и получить наиболее достоверную интерпретацию дипломатической предыстории Греко-персидских войн. Исследуется вопрос об обстоятельствах визита послов в Спарту и Афины. Впервые в историографии подробно рассматриваются дипломатические действия Дария и Ксеркса по отношению к Спарте и Афинам накануне двух персидских вторжений в Грецию – в 490 и в 480–479 годах до н.э. Итак, прежде всего выясняется, какой персидский царь, Дарий или Ксеркс, стоял за отправкой глашатаев в два ведущих города Эллады, и, кроме того, какова была судьба этих глашатаев в каждом из двух упомянутых городов. Основное противоречие в сведениях античных авторов о том, кто из персидских царей был ответственен за отправку персидских глашатаев в Спарту и Афины, находит вполне рациональное объяснение с учетом устойчивой традиции смешения двух персидских дипломатических миссий в Грецию. Но упоминание некоторых поздних авторов об изгнании глашатаев из Афин выглядит недостоверной частью античной традиции. Между тем, сообщение ряда авторов о казни афинянами не только глашатаев, но и переводчика, наоборот, выглядит вполне достоверным.

Ключевые слова: персидские глашатаи, Греко-персидские войны, Дарий, Ксеркс, Спарта, Афины

Для цитирования: Рунг Э.В., Востриков И.В. Дипломатическая предыстория Греко-персидских войн: ахеменидские глашатаи в Афинах и Спарте // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. 2022. Т. 42. № 1. С. 37–49. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.37-49

Посещения персидских глашатаев Греции, требовавших землю и воду в качестве символов покорности относятся к диплома-

тической предыстории Греко-персидских войн (о символическом значении земли и воды см. подробнее [1, с. 41–60; 2, с. 3–26; 3, с. 503–515]). Однако обстоятельства и результат этих миссий получают неоднозначную трактовку как в произведениях античных авторов, так и в современной историографии.

Цель данной работы состоит в выявлении противоречий в античной традиции в отношении персидских дипломатических миссий в Спарту и Афины с тем, чтобы объяснить и по возможности нивелировать их, получив, таким образом, наиболее достоверную интерпретацию дипломатической предыстории Греко-персидских войн.

Впервые в историографии обстоятельно рассматривается дипломатическая деятельность Дария и Ксеркса в отношении Спарты и Афин накануне двух персидских вторжений в Грецию – в 490 и в 480–479 гг. до н.э.

В статье используется сравнительно-исторический метод, который позволяет в ходе сравнения данных различных нарративных источников выявить наиболее достоверную основу в античной исторической традиции о миссиях персидских глашатаев в Грецию и их результатов, а также опровергнуть те элементы традиции, которые представляются недостоверными.

В пользу Дария как единственного инициатора направления глашатаев в Афины и в Спарту существует свидетельство Геродота (VII. 133): «В Афины же и Спарту Ксеркс не отправил глашатая с требованием земли (Ἐς δὲ Ἀθήνας καὶ Σπάρτην οὐκ ἀπέλεμψε Ξέρξης ἐπὶ γῆς αἰτήσιν κήρυκας), и вот по какой причине. Когда Дарий прежде отправил туда послов, требуя покорности, то афиняне сбросили их в баратрон, а спартанцы – в колодец и велели им оттуда принести землю и воду. Поэтому-то Ксеркс теперь и не послал к ним глашатаев с требованием покорности (τούτων μὲν εἴνεκα οὐκ ἔλεμψε Ξέρξης τοὺς αἰτήσοντας)».

Геродот дважды повторяет, что Ксеркс не направлял глашатаев в Афины и в Спарту и, таким образом, намеренно обращает внимание своего читателя на этот факт. Однако, существуют некоторые сообщения более поздних авторов, которые относят прибытие персидских глашатаев в Афины и в Спарту ко времени не

царя Дария, а его сына Ксеркса. Такая интерпретация впервые засвидетельствована у авторов эллинистического периода.

В отношении Спарты самая ранняя по времени ссылка на глашатаев Ксеркса присутствует у Полибия (IX. 38) при изложении речи посла от акарнанцев Ликиска в 210 г. до н.э. в Спарте: «Почему, граждане Лакедемона, кажется вам, предки ваши в то время, когда Ксеркс привел к вам посла с требованием воды и земли, кинули явившегося перса в колодец и, забросав его землею, предлагали известить Ксеркса, что он получил то, чего требовал, воду и землю?». Стобей приводит сообщение эллинистического историка Тесея (Theseus FHG. IV. F. 2 = Stob. Flor. VII. 70) о том, что мор случился в Лакедедоне вследствие убийства глашатаев, посланных Ксерксом с требованием земли и воды как условия порабощения. Был дан оракул об избавлении их, если будут убиты царем некоторые выбранные лакедемоняне. Тогда Булес и Сперхес прибыли к царю с той целью, чтобы быть убитыми. Тот же, восхитившись их доблестью, отпустил их. В лексиконе же «Суда» под рубрикой «Ксеркс» говорится уже не только в отношении Спарты, но и Афин также, причем действия афинян против персидских глашатаев представляются в совершенно ином ракурсе: Ксеркс после смерти отца Дария и помня рассказ о Марафоне отправился в поход против Эллады и, прежде всего, послал глашатаев с требованием земли и воды. Афиняне же послов изгнали из города, и подавшего совет подчиниться побили камнями, и жену, и детей, спартанцы же в колодец сбросив засыпали землей. Когда бог разгневался он наслал болезнь. Был дан оракул: воздать по справедливости Ксерксу за глашатаев. Булис и Сперхис отправились в Персию, чтобы воздать справедливость. Тот удивился и отпустил их живыми и болезнь прекратилась. Однако, в другом месте под рубрикой «Датис» лексикон «Суда» дает уже отличную информацию в отношении инициатора миссии: Датис и Артаферн, предводители персов, после уничтожения войска Мардония, послали в Элладу, чтобы испытать города, с требованием земли и воды. Островитяне все дали: афиняне же, будучи удрученными, послов прогнали, лакедемоняне и то и другое дать пообещали: и сбросив их в колодец, засыпали их, сказав, что дают требуемое. Итак, несмотря на отличие в том, кто же был отправителем глашатаев, оба сообщения лексикона дают

по существу идентичную информацию: афиняне послов изгнали, а спартанцы их убили, сбросив в колодец и засыпав землей. Создается впечатление, что упоминание Стобеем и лексиконом «Суда» Ксеркса как отправителя глашатаев объясняется тем, что именно к этому царю и совершили свою поездку Сперфий и Булис, о которой обстоятельно рассказывает Геродот. Справедливость этого заключения показывает, что в другом месте лексикограф, используя тот же самый источник, говорит об ответственности за направление послов военачальников Дария – Датиса и Артаферна. Прокомментировать же сообщение Полибия не представляется возможным. Возможно, историк следовал традиции смешения двух персидских дипломатических миссий в Грецию, Дария и Ксеркса. Это является довольно типичной ошибкой античных авторов. Особенно это очевидно, если обратиться к истории послов в Македонию, которые требовали землю и воду. Геродот рассказывает, что послов, убитых македонянами, направил Мегабаз, военачальник Дария I, к царю Аминте I (V, 17–21), однако, в более поздней античной традиции говорится о направлении послов Ксерксом уже к царю Александру I (Speusipp., Ep. ad Philip., 8; Syncell. Chron. 469). И если в отношении судьбы глашатаев в Спарте, все авторы в общем-то сходятся с Геродотом в том, что спартанцы послов сбросили в колодец и засыпали их землей, то в отношении их судьбы в Афинах они дают принципиально отличную от Геродота информацию. По мнению Ю. Белоха, реальным было только посольство в Спарту, отправленное Ксерксом и относящееся к 481 г. до н.э. [4, с. 40, прим. 6]. Эту точку зрения приняли С. Хайгнет и другие [5, с. 87; 6, с. 97–98], однако, подверг аргументированной критики Р. Сили [7, с. 13–20].

Должны ли мы доверять Геродоту в том, что, во-первых, персидские посланцы в Афины были направлены только Дарием, но не Ксерксом, а, во-вторых, то, что они действительно были казнены, а не изгнаны из города, о чем говорит поздняя традиция. Вообще же, как известно, авторитет в древности Геродота был столь велик, что последующие писатели намеренно считали за достоинство дать информацию, отсутствующую в труде «отца истории», скорректировать его, а еще лучше доказать его недостоверность. Одним из первых этот путь избрал Ктесий Книдский (FGrHist. 688.

Т 8; 13; F. 16. 62), по этому пути пошел и Плутарх в своих жизнеописаниях, и особенно, в трактате «De Herodoti malignitate». Поэтому, закономерно считать, что информация о судьбе послов, противоречащая сведениям «отца истории, берет начало из антигеродотовской традиции. Но при этом является ли она недостоверной?

Прежде всего, обратимся к сведениям «отца истории» о персидском посольстве в Афины. Геродот (VII. 133) сообщает, что когда прежде Дарий отправил послов в Афины, требуя покорности, то афиняне сбросили их в баратрон (πρότερον Δαρείου λέμψαντος ἐπ' αὐτὸ τοῦτο, οἱ μὲν αὐτῶν τοὺς αἰτέοντας ἐς τὸ βάραθρον). Вне всякого сомнения, афиняне постановили о казни глашатаев на своем народном собрании. Об этом свидетельствует названный Геродотом (VII. 133) способ казни – бросание в баратрон (τὸ βάραθρον). По одной из интерпретаций, приведенных в лексиконе «Суда» (s. v. τὸ βάραθρον), баратроном называли какую-то яму, подобную колодцу, в которую бросали преступников; в этой же яме были крюки, как наверху, так и внизу. По другой интерпретации, представленной в схолиях к комедии Аристофана «Богатство», в Афинах была какая-то очень глубокая яма, сродни колодцу, по бокам утыканная различными мечами, и вот на эти мечи кидали преступников. Другие свидетельства подтверждают, что бросание в баратрон было именно способом казни афинянами тех, кто был приговорен к смерти (Schol. Ar. Plut.). В том же лексиконе «Суда» встречаются другие сообщения, связанные с баратроном. Так, отмечается, что баратрон – это глубокое место, куда афиняне бросали преступников, сродни кеадской пропасти у лакедемонян, а в другом сообщении очевидно делается привязка к судам по демам: баратрон – это яма, в которую народ Гиппотонтиды бросал приговоренных к смерти. Об аналогичном способе казни, практикуемой спартанцами, сообщает Фукидид (I. 134), когда повествует о смерти спартанского военачальника Павсания: «Тело Павсания хотели сначала сбросить в Кеадскую пропасть, куда обычно бросали преступников, но потом решили зарыть где-то поблизости». Кроме того, то, что казнь путем ввержения в баратрон была распространена в Афинах начала V в. до н.э. свидетельствуют и другие античные авторы. По словам Платона, афиняне первоначально

приговорили к бросанию в баратрон самого Мильтиада, однако, потом отменили это свое решение. Плутарх (Arist. 3. 3) же, общая о соперничестве Фемистокла и Аристида, передает слова последнего, якобы произнесенные в экклесии: «Аристид не сдержался и, уходя из Собрания, сказал, что афиняне до тех пор не будут в безопасности, пока не сбросят их обоих – и Фемистокла, и его самого – в баратрон». Ряд исследователей ставят под сомнение тот факт, что ввержение в баратрон было способом казни, а полагают, что в эту яму кидали уже трупы казненных, таким образом, отказывая им в погребении. Такую точку зрения, отстаивает, например, Д. С. Аллен [8, с. 218]. Основанием же для такого заключения является исследование рукописной традиции Ксенофонта (Hell., I, 7, 20), упоминавшего в контексте своего рассказа об «Аргинусском деле» 406 г. до н.э. псефизму Каннона (τὸ Καννῶν οὐ ψήφισμα), которая предписывала казнь преступников с последующим бросанием тел казненных в баратрон (ἀποθάνοντα εἰς τὸ βάραθρον ἐμβληθέναι). Однако, Д. Уайтхорн полагает, что интерпретация бросания в баратрон как способа казни является верной, и в яму сбрасывали приговоренных к смерти живыми [9, с. 91]. Исследователь далее принимает корректуру к тексту Ксенофонта (основанную очевидно, в том числе, и на ссылке к данному отрывку Ксенофонта в схолиях к Аристофану: Ξενοφῶν δὲ εἰς τὸ βάραθρον ἐμβληθέντα ἀποθανεῖν καὶ τὴν οὐσίαν ἀπολέσαντα), после которой перевод псефизмы Каннона уже выглядит следующим образом: «Если кто-либо нанесет оскорбление афинскому народу, и если он будет признан виновным в том, что он нанес оскорбление, должен быть предан смерти посредством ввержения в баратрон» (ἀποθανεῖν εἰς τὸ βάραθρον ἐμβληθέντα). Данная корректура преследовала цель согласовать сообщение Ксенофонта с информацией о баратроне поздних авторов. Однако, объяснение этого противоречия между различными версиями использования баратрона может быть довольно простым, принимая во внимание, что афинский историк приводит ссылку на псефизму Каннона применительно к концу V в. до н.э., а к тому времени афиняне могли уже по-иному истолковывать смысл этого постановления народного собрания, так что теперь вместо бросания живых людей в баратрон, туда могли скидывать трупы казненных. Аристофан (Escl. 1089–1091) же

упоминает псефизму Каннона в сатирическом контексте [9, с. 97]. Понятно, что о времени появления псефизмы Каннона в источниках ничего не сообщается. По мнению Р. Боннера и Дж. Смит, закон Каннона мог датироваться ок. 508–507 гг. до н.э. В этом случае он мог быть связан с реформами Клисфена [10, с. 208]. Афинские остраконы свидетельствуют, что Каннон, сына Сибиртия из дема Ламптры, предполагался в качестве кандидата на изгнание на одной из остракофорий 480–470 гг. до н.э. [11, с. 57]. Ведь и сам Мильтиад мог быть также обвинен по закону Каннона и приговорен к смертной казни посредством ввержения в баратрон в 489 г. до н.э. Таким образом, ввержению в баратрон по закону Каннона подлежали прежде всего виновные в государственных преступлениях. Не исключено, что требования персидских глашатаев были признаны оскорблением афинского народа.

Альтернативно можно полагать, что появление персидских глашатаев в Афинах в 491 г. до н.э. с требованием земли и воды создало прецедент для принятия соответствующей псефизмы по предложению Каннона. По словам же перизгета Павсания, виновником казни персидских глашатаев стал Мильтиад, сын Кимона (Paus. III. 12. 7): «Гнев этого Талфибия за убийство тех вестников, которые были посланы (персидским) царем Дарием в Элладу с требованием земли и воды (в знак покорности), проявился против всего лакедемонского народа, в Афинах же он обратился на одно лицо и поразил дом одного только человека, Мильтиада, сына Кимона. Виновником убийства афинянами пришедших в Атику послов и был Мильтиад» (ἐγεγόνει δὲ καὶ τῶν κηρύκων τοῖς ἐλθοῦσιν ἐς τὴν Ἀττικὴν ὁ Μιλτιάδης ἀλοθανεῖν αἴτιος ὑπὸ Ἀθηναίων). Однако, можно заподозрить античную традицию, находящую отражение в тексте Павсания, в стремлении приписать все действия, направленные против персов, одному лишь Мильтиаду, будущему «герою Марафона» и возможно уже следующей жертве обвинения по псефизме Каннона. Геродот ничего не сообщает ни о роли Мильтиада в казни персидских посланцев, ни о том, что именно он испытал на себе «гнев Тальфибия». Но если принять во внимание роль Мильтиада в казни персидских глашатаев, то представляется вероятным, что тот мог предложить в экклесии постановление о казни персидских глашатаев согласно псефизме Каннона (которая уже

существовала). Поэтому, не ясно, сам ли Каннон или же Мильтиад предложили в народном собрании афинян законопроект о казни глашатаев, направленных Дарием I в Афины.

Более поздняя традиция, не отраженная в труде Геродота, повествует, что афиняне казнили переводчика (ἑρμηνεύς, δῖγλωστος). Плутарх в жизнеописании Фемистокла сообщает: «Хвалят также поступок Фемистокла с человеком, говорившим на двух языках, который был одним из посланцев персидского царя, требовавших земли и воды, и переводчиком (τὸ περὶ τὸν δῖγλωσσον ἔργον ἐν τοῖς πεμφθεῖσιν ὑπὸ βασιλέως ἐπὶ γῆς καὶ ὕδατος αἰτήσιν, ἑρμηνέα γὰρ ὄντα). Согласно народному постановлению, Фемистокл велел схватить и казнить его за то, что он осмелился пользоваться эллинским языком для передачи приказаний варвара (συλλαβὸν διὰ ψηφίσματος ἀλέκτεινεν ὅτι φωνὴν Ἑλληνίδα βαρβάρους προστάγμασιν ἐτόλμησε χρῆσαι)» (Plut. Them. 6). Информация Плутарха, казалось бы, позволяет датировать казнь переводчика уже временем похода Ксеркса. Однако ряд современных исследователей предположили, что Плутарх излагает эпизод, датируемый 491 г. до н.э., на том основании, что Фемистокл уже занимал должность афинского архонта-эпонима в 493/2 г. до н.э. [12, с. 476–477; 13, с. 64–65; 14, с. 85]. Примечательно, что Плутарх говорит о роли Фемистокла в казни переводчика, однако, ничего не сообщает о казни самих персидских глашатаев, замечая только, что этот переводчик находился среди посланцев царя – ἐν τοῖς πεμφθεῖσιν ὑπὸ βασιλέως. Если мы принимаем традицию казни переводчика, хотя возможно и под вымышленным предлогом, то могла ли расправа над переводчиком и над самими послами принадлежать к одному и тому же событию? В своей статье об убийстве персидских глашатаев Вери доказывала, что рассказ Плутарха отражал афинскую версию и может соответствовать историческим событиям. По мнению исследовательницы, глашатаи Дария не были преданы смерти, а казнен только переводчик. Однако, в своей недавней статье Доминик Ленфан не согласилась с этим мнением и считала, что сообщение Плутарха скорее является изобретением его или авторов его времени [15, с. 23–40]. Исследовательница далее ссылается на другое произведение Плутарха «Об упадке оракулов», в котором говорится следующее: «А во времена Персидских войн многие из них

(оракулов – Э.Р., И.В.) добились высокой репутации, святилище Аполлона Птойского не меньше, чем Амфиарая. Мис, как кажется, испытал их оба. Жрец первого из них, пользовавшийся доселе исключительно эолийским диалектом, по такому случаю принял сторону варваров и изрёк такой оракул, что никто из присутствовавших, кроме самого Миса, не смог его понять; ясно, таким образом, из языка, употреблённого тогда для пророчества жрецом, что не угодно было варварам получать ответ на греческом языке» (Mor. 412a). Этот Мис в тексте Геродота (VIII. 133–135) упоминается как посланец Мардония, направленный персидским военачальником в различные греческие святилища ради получения оракулов, а переводчик, казненный афинянами, также носит имя «Мис». В схолиях к «Персам» Эсхила казнь переводчика-самосца относится ко времени Дария I (Schol. Aesch. Pers., 15): «во второй год с этого события послал [Дарий] афинянам корзину, чтобы туда те дали свою землю и воду и сделали его повелителем земли и моря: они персидских послов живыми в колодец сбросили и побили камнями их провожатых. Миса же, некоего самосца, переведившего афинянам письма перса, по сообщению одних они убили, по другим же, сделали лишенным прав». Элий Аристид же в «Панафинейской речи» рассказывает о казни глашатаев и казни переводчика, относя эти события ко времени обеих царей. Ритор заявляет: «И прежде всего объезд глашатаями, предпринимаемый в Элладе при нем и царем после него в отношении земли и воды начинался с этого города» (καὶ πρῶτον μὲν ἡ τῶν κηρύκων περίοδος ἢ γιννομένη κατὰ τὴν Ἑλλάδα ὑπ’ ἐκείνου τε καὶ τοῦ μετ’ ἐκείνον βασιλέως περὶ τῆς γῆς καὶ τοῦ ὕδατος ἀπὸ ταύτης τῆς πόλεως ἤρχετο). И далее уже автор комментирует о судьбе посланцев царя: «они убили послов, переведившему же письма они предоставили другое голосование, и так как он был эллином, он сверх того мог бы иметь что-то наподобие суда, но они убили и его на том основании, что он пришел служить голосом варваров. Наказание постигло и его: ведь они не считали его достойным поселенцем их города и переводчик естественно стал врагом эллинов. И таким образом они бросили в баратрон с тем, чтобы другие объявили царю об ответе, а от посланных он ничего бы не узнал» (80). Таким образом, даже поздняя античная традиция не поддерживает версии об изгнании афиняна-

ми послов Дария, которая приводится дважды только в лексиконе «Суда». Точно также, если считать появление имени Ксеркса как отправителя персидских посланцев в Афины результатом ошибочного смешения информации о двух посольствах в Грецию, то сведения Геродота не могут быть поставлены под сомнения. Однако, сведения о казни афинянами не только глашатаев, но и сопровождавшего их переводчика (некоторые авторы называют его этническую принадлежность – самосец, или даже имя, очевидно недостоверное – Мис) не должны быть отвергнуты без более тщательного рассмотрения. И здесь обратимся к сведениям оратора Эсхина, опять же не очень надежного информатора в том, что касается событий прошлого. Но в данном конкретном случае ситуация выглядит совершенно иной. Эсхин в речи «Против Ктесифонта о венке» заявляет о Ксерксе (132): «Разве персидский царь, прокопавший Афон, связавший Геллеспонт, требовавший от эллинов земли и воды, в посланиях дерзавший величать себя владыкою всех народов от востока до заката (...ὁ μὲν τῶν Περσῶν βασιλεύς, ὁ τὸν Ἄθω διорύξας, ὁ τὸν Ἑλλάσποντον ζεύξας, ὁ γῆν καὶ ὕδωρ τοὺς Ἕλληνας αἰτῶν, ὁ τολμῶν ἐν ταῖς ἐπιστολαῖς γράφειν ὅτι δεσπότης ἐστὶν ἀπάντων ἀνθρώπων ἀφ' ἡλίου ἀνιόντος μέχρι δυομένου), разве он теперь не бьется не за власть, а за собственную жизнь?». Эсхин сохранил упоминание не только о письмах царя грекам, которые как раз и мог переводить самосец в Афинах, но сохранил выражение из такого письма, которое определенно уже является аутентичным, и едва ли иным образом стало известно оратору, если только не из официального персидского документа. Впрочем, ссылка Эсхина содержит сразу два таких места в письме, которое находит отражение в древневосточной традиции. Во-первых, это упоминание царя как «повелителя всех народов» – δεσπότης ἐστὶν ἀπάντων ἀνθρώπων. Насколько известно, такое определение не встречается более в древнегреческой традиции применительно к Великому царю Персии, однако, в древнеперсидских царских надписях царь Дарий называет себя «царем стран / народов со всеми людьми» – *xšāyaθiya dahyūnām vispazanānām* (DNa 2 D; DSe 2 D; DZc 2 D) [16, с. 208]. Во-вторых, выражение «от востока до заката» (ἀφ' ἡλίου ἀνιόντος μέχρι δυομένου), обозначающее границы власти правителя, находит уже не столько древнеперсидские, но уже и ас-

сиро-вавилонские параллели [17, с. 135–136; 3, с. 510–511]. Таким образом, Эсхин упоминает выражение, которое вероятно было заимствовано Ахеменидами от ассирийцев, а это, таким образом, может предполагать, что письма Ксеркса грекам возможно отражают канцелярский язык вавилонских писцов и могли быть выполнены первоначально на аккадском. Письма, на которые ссылался Эсхин, конечно, не обязательно были адресованы именно афинянам, но, принимая во внимание тот факт, что тексты Ксеркса часто воспроизводят штампы, встречающиеся в текстах его отца Дария, можно предположить, что послания, доставленные в Афины персидскими глашатаями и зачитанные в экклесии переводчиком, идентичны по содержанию письмам Ксеркса. В любом случае присутствие переводчика среди глашатаев Дария выглядело вполне обоснованным с точки зрения их коммуникации с греками, даже в том случае, если письма царя уже были переведены на древнегреческий. В итоге не упоминание Геродотом в кратком сообщении о переводчике еще не позволяет считать эти сведения вымыслом поздних авторов.

Таким образом, основное противоречие в сведения античных авторов о том, кто из персидских царей был ответственен за направление персидских глашатаев в Спарту и в Афины, Дарий или же Ксеркс, находит вполне рациональное объяснение с учетом устойчивой традиции смешения двух персидских дипломатических миссий в Грецию; упоминание же некоторых поздних авторов об изгнании глашатаев из Афин выглядит недостоверной частью античной традиции. Между тем, сообщение ряда авторов о казни афинянами не только глашатаев, но и переводчика, напротив, выглядит вполне достоверным.

Библиография

1. Рунг Э.В. Дипломатическое выражение персидского империализма: Персидские требования земли и воды // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2007. № 6. С. 41–60.
2. Рунг Э.В. Практика предоставления земли и воды в греко-персидских отношениях // Вестник древней истории. 2007. № 4. С. 3–26.
3. Rung E. The Language of the Achaemenid Imperial Diplomacy towards the Greeks: The Meaning of Earth and Water // *Klio. Beiträge zur alten Geschichte.* – 2015. Vol. 97.2. Pp. 503–515.
4. Beloch K.J. *Griechische Geschichte.* Vol. 2.1. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1914. 452 S.
5. Hignett C. *Xerxes' Invasion of Greece.* Oxford: Clarendon Press, 1963. 496 p.

6. Will E. *Le monde grecque et l'Orient*. Vol. 1. Paris: PUF, 1972. 716 p.
7. Sealey R. *The Pit and the Well: The Persian Heralds in 491 BC* // *Classical Journal*. 1976. Vol.22.1. pp. 13–20.
8. Allen D.S. *The World of Prometheus. The Politics of Punishing in Democratic Athens*. Princeton: Princeton University Press, 2002. 464 p.
9. Whitehorne J. *Punishment under the Decree of Cannonus* // *Symposion*. 1988. pp. 89–98.
10. Bonner R.J., Smith G. *The Administration of Justice from Homer to Aristotle*. Vol. 1. N.Y.: Greenwood Press, 1968. 390 p.
11. Brenne S. *Die Ostraka (487 – ca.416 v.Chr.) als Testemonien (T.1.) // Ostrakismos – Testemonien: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v. Chr.) / von P. Siewert (hrsg.)*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002. S. 36–166.
12. Wery L.-M. *Le meurtre des héraults de Darius en 491 et l'inviolabilité du hérault* // *L'Antiquité Classique*. 1966. vol. 35. pp.468–488.
13. Lonis R. *Les usages de la guerre entre grecs et barbares. De guerre mediques au milieu du IV siecle av.J.C*. Paris: Les Belles Lettres, 1969. 174 p.
14. Mosley D.J. *Envoys and Diplomacy in Ancient Greece*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1973. 287 p.
15. Lenfant D. *Crime honteux ou titre de gloire? L'exécution des héraults du roi de Perse face aux jugements de la postérité // L'idéalisation de l'autre. Faire un modèle d'un anti-modèle / Ed. A. Gonzales et M. T. Schettino (eds.)*. Besançon, 2014, P.23–40.
16. Kent R. *Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon*. New Haven: American Oriental Society, 1953. 219 p.
17. Рунг Э.В. Имперская идея в государстве Ахеменидов // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2015. №4. С. 130–140.

Авторы публикации:

Рунг Эдуард Валерьевич – доктор исторических наук, профессор, кафедра археологии и всеобщей истории, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, eduard_rung@mail.ru

Востриков Игорь Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра археологии и всеобщей истории, Институт международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, igor-vostrikov@bk.ru

Diplomatic prehistory of the Greco-Persian Wars: Achaemenid Heralds in Athens and Sparta

Rung E.V., Vostrikov I.V.

Abstract. The aim of this paper is to consider the ancient historical tradition regarding the Persian diplomatic missions to Sparta and Athens and to get the most

reliable interpretation of the diplomatic prehistory of the Persian wars. The issue of the circumstances of the visit of the envoys to Sparta and Athens is being investigated. For the first time in historiography, the diplomatic actions of Darius and Xerxes in relation to Sparta and Athens on the eve of the two Persian invasions of Greece - in 490 and in 480–479 BC are examined in detail. So, first of all, it turns out which the Persian king, Darius or Xerxes, was behind the sending of the heralds in the two leading cities in Hellas, and, in addition, what was the fate of those heralds in each of the two mentioned cities. The main contradiction in the information of ancient authors about which of the Persian kings was responsible for the sending of the Persian heralds to Sparta and Athens, finds a completely rational explanation given the stable tradition of mixing two Persian diplomatic missions to Greece. But the mention of some later authors about the expulsion of the heralds from Athens looks like an unreliable part of the ancient tradition. Meanwhile, the message of a number of authors about the execution by the Athenians not only of the heralds, but also of the translator, on the contrary, looks quite reliable.

Keywords: Persian heralds, Greco-Persian wars, Darius, Xerxes, Sparta, Athens

For citation. Rung E.V., Vostrikov I.V. Diplomatic prehistory of the Greco-Persian Wars: Achaemenid Heralds in Athens and Sparta. *Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography at Kazan university*. 2022;42(1):37–49. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.37-49

Publication authors:

Rung Eduard Valerevich – Doctor of Science in History, Professor, Department of Archaeology and General History, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, e-mail: eduard_rung@mail.ru

Vostrikov Igor Vladimirovich – Candidate of Science in History, Associate Professor, Department of Archaeology and General History, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia, e-mail: igor-vostrikov@bk.ru

Поступила в редакцию / Received 21.01.2022
Принята к публикации / Accepted 17.03.2022

Римская колония Фидены: между Этрурией и Лацием

Людмила Михайловна Шмелева¹

¹*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Россия*

¹*procella@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматривается положение города Фидены в римско-этруском противостоянии. Автор указывает, что причиной войн со стороны римлян была защита Лация от экспансии этрусков, а затем контроль над торговыми путями от этрусков до Кампании и от побережья до внутренних районов Италии. Со стороны этрусков – контроль за торговыми путями из Этрурии в Кампанию. Фидены – древний город Лация, расположенный на холме между Тибром и его левым притоком Аниеной, в районе Сабины, в 40 стадиях (6 километрах) к северу от Рима. Древние авторы отмечают как латинское, так и этрусское происхождение населения города. Дионисий и Ливий писали о восьми случаях военных действий между Фиденами, которые поддерживались Вейями и Римом. Самое последнее столкновение между Римом и Фиденами относится к 426 году до н.э., после этого Фидены уже не упоминаются в источниках как противник римлян. Потеря Кампании для двенадцати этрусских городов стала неактуальной поддержка Вей в их борьбе с римлянами. В результате Риму удалось не только удержать Фидены и устье Тибра, но и победить Вейи, своего давнего соперника.

Ключевые слова: Фидены, Рим, Вейи, латины, этруски, международные отношения

Для цитирования: Шмелева Л.М. Римская колония Фидены: между Этрурией и Лацием // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. 2022. Т. 42. № 1. С. 50–59. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.50-59

Отношения Рима с колониями – один из интересных аспектов международных отношений в Италии в VIII–V вв. до н.э. Эти отношения не регулировались договорами и соглашениями, в тоже время колонии остались в русле римской политики, а самими Римом

рассматривались как ее проводники, особенно на пограничных территориях. При этом колонии оставались самостоятельными *civitas*, что позволяло им проводить также и политику, отличную от римской, во внешней политике.

Особое место в ряду римских колоний в VIII–V вв. до н.э. занимают Фидены – город, находящийся на границе Этрурии и Лация и испытывавший влияние и этрусков и латинов.

Фидены – город латинского происхождения, расположенный на холме между рекой Тибр и его левым притоком рекой Аниен в сабинской области в 40 стадиях (6–8 км к северу) от Рима (Dion. Hal. II.53). По реке Аниен проходила граница между Лацием и страной сабинян, по Тибру – между латинами и этрусками [3; 4]. Население города было смешанным: в нем проживали сабиняне, латины и этруски. Дионисий писал, что город был «основан альбанцами в то же самое время, что и поселения Номент и Крустумерий, тогда выводили колонии три брата, старший из которых основал Фидены» (Dion. Hal. II.53), то есть город был латинского происхождения. Тогда как Тит Ливий отмечал этруское происхождение фиденян (Liv. I.15). После конфликта в правление Ромула между Римом, с одной стороны, и Фиденами и Вейями, – с другой, в Фидены была выведена римская колония, так как в дальнейшем Ливий называет город римской колонией (Liv. I.27). В источниках Фидены упоминаются в связи с войнами с Римом и как правило в связке с этруским городом Вейи. В IV книге своего труда Ливий дает следующее описание расположения города и его укреплений: «Но высоко расположенный и хорошо укрепленный город нельзя было взять приступом, да и в осаде не было никакого смысла, потому что продовольствия не только хватало, но благодаря обильному подвозу было даже с избытком. Тогда, потеряв надежду как на захват, так и на добровольную сдачу города, диктатор, которому вследствие близкого соседства знакома была местность, приказал сделать подкоп под крепость с противоположной стороны города, которую оставили без всякого внимания, потому что она была, казалось, вполне защищена самой природой» (Liv. IV.22).

Рим был основан вокруг поселений у брода через реку Тибр, на пересечении торговых путей. Согласно археологическим свидетельствам, Рим был основан как деревня, вероятно, в IX веке до

н. э. двумя центрально-италийскими племенами, латинами и сабинянами (сабинами), на холмах Палатинском, Капитолийском и Квиринале. Рим в этот период также был небольшим городом-государством и постоянно нуждался в земле, поэтому с ближайшими полисами он вел интенсивные войны с целью захвата их земельных владений. Такие задачи обусловили военный характер отношений Рима и этрусских городов. В частности, на протяжении длительного времени велись войны с этрусским городом Вейи, находившемся недалеко от Рима на левом берегу Тибра.

Вейи находились вблизи современного *Isola Farnese* (на Тибре) на высоком туфовом плато, которое почти со всех сторон омывалось ручьями и представляло собой естественную крепость. Помимо этого, Вейи были укреплены стенами [6, с. 170]. Дионисий и Плутарх описывают удачное расположение города и его богатства (Dion. Hal. XII. 15 (21); Plut. Camillus. II). Вейи были этрусским городом и входили в этрусское двенадцатиградье.

В VIII–IV вв. до н.э. Рим постепенно расширял свою территорию за счет захвата ближайших земель, поэтому Фидены и Вейи достаточно рано попали в орбиту внимания Рима. Все три города находились на торговых путях и хотели получить в свои руки возможно большие территории, по которым проходили торговые пути от соляных варниц в устье Тибра до внутренних районов и из Этрурии в Кампанию и далее в Южную Италию. К этому же периоду относится и этрусская колонизация в Северной Италии и Кампании. Н.Н. Залесский отмечает, что примерно до V в. до н.э. этруски владели сухопутным торговым путем в Кампанию через Лаций [8, с. 74–75]. В этой связи становится понятным желание Рима и Вейи контролировать важный торговый пункт – Фидены.

Вейи воспринимали Фидены как свой опорный пункт в Лации и возможность контролировать торговые пути по Тибру и в Кампанию [3, с. 211; 4, с. 326–327]. Дионисий отмечал, что вейянам «представлялось, что город этот станет для них оплотом для ведения войны против римлян» (Dion. Hal. III. 55). Между двумя городами существует прямая речная дорога, так как Вейи стоят на Кремере – правом притоке Тибра, впадающем в него как раз напротив Фиден.

Если учесть тот факт, что сам Рим в VIII в. до н.э. был основан как военное поселение, направленное против попыток этрусков проникнуть в Лаций (Dion. Hal. III. 3.1; 5.1), то становится понятным желание Рима установить контроль над Фиденами в VIII–VII вв. до н.э., тем самым, не дав этрускам укрепиться на левом берегу Тибра.

Чаще всего Фидены упоминаются у Дионисия, так же присутствуют у Ливия. Из их сообщений можно выделить 8 случаев военных столкновений, в этом контексте почти во всех случаях присутствовали Вейи, либо как инициаторы войны, либо как участники:

1. При Ромуле
2. При Тулле Гостилии
3. При Анке Марции
4. При Тарквинии Приске
5. В 504 году до н.э.
6. В 500 году до н.э.
7. В 438 году до н.э.
8. В 426 году до н.э.

Однако Дионисий и Ливий писали о семи случаях, исключая начальное завоевание Фиден Ромулом. В этой связи И.В. Нетушил выдвигал предположение, что возможно легенда о завоевании Фиден при Ромуле вымышлена для того, чтобы Рим мог ближе подойти к городу Вейи. Свою мысль, он подтверждал археологическими данными, по которым территория Рима при Ромуле составляла небольшой участок земли, которые при Сулле числился за городской общиной [9, с. 589]. Так, И.В. Нетушил считал, что захват Фиден вписан только ради доступа к Вейям [9, с. 589]. При этом не возникает вопроса об изначальной освоенности римлянами «салин» нижнего устья Тибра. Войны с этрусским городом Вейи всегда ведутся за отстаивание принадлежности «салин» Риму. Связка Вейи–Фидены является типичной для античных источников, и может указывать на тот факт, что римляне воспринимали Фидены как оплот этрусков на левом берегу Тибра и угрозу римским интересам в данном регионе.

В этой связи интересен сюжет об отпадении Фиден при Тулле Гостилии, когда Альба-Лонга была завоевана римлянами (Liv. I. 27). И.В. Нетушил считал, что это было реальное выступ-

пление фиденян против римлян, а Вейи приписаны по традиции [9, с. 590]. В данном случае Фидены восстают за Альба-Лонгу. История с начальным вмешательством Вей, посредством Фиден кажется вымышленной. Таким образом, история с этой войной «обеляется» и Фидены выступают не как город-боец за независимость, состоявший в альбанском религиозном союзе, а как один из «общих недругов» римлян (Dion. Hal. III.28).

Дионисий упоминал еще две войны с Веями-Фиденами при Анке Марции (Dion. Hal. III. 39) и Тарквинии Приске (Dion. Hal. III. 57–58), однако, кроме как у Дионисия, об этих войнах упоминания нет. В первом случае, по сообщению Дионисия Галикарнасского, «после того как многие жители при взятии города погибли, Марций приказал остальным фиденянам сдать оружие и, объявив через глашатаев, чтобы они собрались все в одно место, немногих из них, виновных в отпадении, распорядился наказать плетью и предать смерти и позволил воинам разграбить все жилища и, оставив в городе значительный гарнизон, повел войско на сабинян» (Dion. Hal. III. 39.4). При Тарквинии Приске «город был захвачен силой, и его гарнизон вместе с прочими тирренскими пленниками был заключен под стражу, а тех из фиденян, кого сочли виновными в отпадении, одних публично подвергли позорному избиению плетью и казнили отсечением головы, а других наказали вечным изгнанием; имущество же их получили по жребию оставленные здесь колонисты из числа римлян» (Dion. Hal. III. 58.4).

Новый этап отношений с Фиденами наступает после установления Римской республики.

После падения царской власти в Риме латинские города разорвали с Римом союзные отношения, а Латинский союз восстановился под главенством Тускулла, который определял ход событий между изгнанием Тарквиния и битвой при Регильском озере. Поэтому Фидены как латинский город отсоединяются от своей метрополии Рима. По данным Дионисия, в конце VI в. до н.э. Фидены попали под власть сабинян (Dion. Hal. IV. 51). Также Ливий и Дионисий писали о переселении в этот период в Рим рода Клавдиев, которому были выделены земли между Фиденами и Пицетией (Dion. Hal. 5.40; Liv. II.16.4). Поселение целого рода с клиентами и рабами в непосредственной близости от Фиден должно было по-

ставить ситуацию в городе под римский контроль и дать римлянам возможность быстро реагировать на действия фиденян.

В то же время Фидены, видимо, оказались втянуты в войну с Римом, которая была начата Аррицийской федерацией под руководством Тарквиния Гордого и его зятя Октавия Мамилия (Dion. Hal. IV. 52). По данным Дионисия Галикарнасского, в 505/504 г. до н.э. сабиняне были побеждены и в 499 г. начата осада Фиден (Dion. Hal. V. 40–43; Liv. II.19). Далее Дионисий указывает на важность Фиден в Латинской федерации, так как на собрании в Ферентинской роще представители Ариции предложили пойти войной на Рим из-за захвата Фиден (Dion. Hal. V. 61.6; 3, 211). Фидены были захвачены римлянами в 498 г. до н.э., и туда были выведены колонисты (Liv. IV.17.1).

В ходе Первой вейгентской войны (483–474 г. до н.э.) опять встал вопрос о Фиденях. Война представляла из себя серию небольших сражений и набегов на территории противника. В ходе этой войны римляне уничтожили сообщение между Веями и Фиденями, построив на речке Кремер, втекающей в Тибр близ Фиден, замок и поставив там гарнизон, состоящий из представителей рода Фабиев. Однако римляне потерпели поражение (Dion. Hal. IX.15–16, 24; Liv. II. 49.9–12; 50.1; 51.2–3). По сообщению Дионисия Галикарнасского было заключено перемирие на 40 лет (Dion. Hal. IX. XXXVI. 1–3). Ливий также сообщает о сорокалетнем перемирии, а также пишет, что вейян «обязали поставлять зерно и платить дань» (Liv. II. 54.1). В целом итог войны не совсем ясен. Дионисий и Ливий не упоминали о захватах или потерях территории, однако исследователи указывали, что ситуация могла сложиться не совсем в пользу римлян. Так, Т. Корнелл указывает, что этруски могли иметь перевес в этой войне [10, с. 297], а И.В. Нетушил полагал, что Рим потерял большую часть своих территорий за Тибром, в том числе и соляные разработки [9, с. 595]. Т. Моммзен считал, что этот мир был выгоден для римлян в том отношении, что он, по крайней мере, восстановил то положение дел, какое существовало во времена царей: этруски отказались от обладания Фиденями и от территории, приобретенной ими на правом берегу Тибра [11, с. 350]. В целом можно считать, что Рим сохранил контроль за торговыми путями.

В 438–435 гг. до н.э. происходила вторая вейентская война, причиной которой послужило отпадение от Рима Фиден (Liv. IV. 17–22). Ливий писал, в связи с этим, что фиденяне убили римских послов, выяснявших причины перехода Фиден на сторону Вей (Liv. IV. 17.2), что Ливий характеризует как еще большее преступление, чем отпадение от метрополии (Liv. IV. 17.2), «гнусный способ» развязывания войны (Liv. IV. 17.6). Военные действия начались в 437 г. до н.э. В 435 г. до н.э. Фидены были взяты римлянами (Liv. IV. 22.6). Римляне заключили с вейянами перемирие. В 434 г. до н.э. Вейи и Фидены попытались получить поддержку у остальных этрусских городов для борьбы с Римом (Liv. IV. 23. 4–6). Однако на общем собрании этруски отказали в этом, так как не были заинтересованы в войне с Римом.

В 428 г. до н.э. «на владения римлян совершали набеги вейяне. Прошел слух, что в этих грабежах принял участие и кое-кто из фиденян... Тех, о ком не было точно известно, почему в указанные дни они отсутствуют в Фиденах, выслали в Остию. Было увеличено число поселенцев, и им была передана земля погибших на войне», – писал Ливий (Liv. IV. 30.4).

В 427 г. до н.э. римляне отправили в Вейи фециалов с предъявлением претензий, но военные действия не были начаты по религиозным соображениям (Liv. IV. 31). Военные действия начались в следующем 426 г. до н.э. Вейи призвали на помощь остальных этрусков, однако на их призыв откликнулись только Фидены (Liv. IV. 31. 1–3). По словам Ливия, это было решение народа: «Только фиденский народ постановил возобновить войну, и, как будто бы нечестиво не осквернить начало войны преступлением, фиденяне обагрили свое оружие кровью новых поселенцев (как прежде – послов) и присоединились к вейянам» (Liv. IV. 31.7). Под новыми поселенцами следует понимать тех римских колонистов, которые прибыли в Фидены в 428 г. до н.э. Базой для войск служили в этом столкновении Фидены (Liv. IV. 31. 9). В результате Фидены были взяты, пленных фиденян римляне продали в рабство (Liv. IV. 34.4). В Фидены были поселены римские граждане (Liv. IV. 34).

В третьей Вейентской войне (406–396 гг. до н.э.) Фидены уже не упоминаются Ливием как союзники Вей, и тем приходилось бо-

роться с Римом практически в одиночку, так как остальные этрусские города решили не выступать против Рима.

Необходимо отметить, что в V в. до н.э. этруски и их союзники карфагеняне потерпели ряд поражений от греков, что изменило ситуацию в Западном Средиземноморье. В это же время на Кампанию совершают набеги самниты, которые этруски не смогли отразить и в конечном итоге потеряли эти земли. В этой связи становится понятным нежелание этрусков ввязываться в конфликт с Римом, занимавшим к этому времени ведущие позиции в Лации.

Говорить о полном разрушении города нельзя, так как упоминания о городе еще присутствуют, но уже ни слова об «отсоединениях». Франческо ди Дженнаро считает, что в IV–II в. до н.э. Фидены являются административным центром [3, с. 220]. В более позднее время Фидены упоминаются только в правление императора Тиберия, когда в городе произошло обрушение наскоро построенного амфитеатра. Это привело к многочисленным жертвам (Tac. Ann. IV.62; Suet. Tiberius.62).

Таким образом, основанный этрусками город Фидены при Ромуле был превращен в римскую колонию. Она сохраняла самостоятельность, а ее расположение на торговых путях делало ее объектом завоеваний со стороны этрусков и римлян. При этом в самом городе ощущалось влияние и Этрурии и Лация. Фидены проводили самостоятельную внешнюю политику, в которой ориентировались больше на крупный этрусский город Вейи, чем на интересы соевой метрополии – Рима. Борьба за город Фидены между Римом и Вейями была обусловлена желанием поставить под свой контроль торговые пути от соляных варниц в устье Тибра до внутренних районов Италии и от Этрурии в Кампанию. С потерей последней для этрусского двенадцатиградья стала неактуальной поддержка Вей в этой борьбе. В результате Риму удалось не только оставить за собой Фидены и устье Тибра, но и разгромить Вейи – своего давнего соперника.

Библиография

1. Дионисий Галикарнасский. Римские древности. М.: Рубежи XXI, 2005. Т. 1. 271 с.
2. Дионисий Галикарнасский. Римские древности. М.: Рубежи XXI, 2005. Т. 2. 274 с.

3. Di Gennaro F., Ceccarelli L. FIDENAE. Santuari Urbani e del Territorio // Proceedings of the Conference Sacra Nominis Latini. I santuari del Lazio arcaico e repubblicano. Rome, 19-21 February 2009 / Marroni E. (ed.). Napoli: Loffredo Editore, 2012. P. 211–226.

4. Barbina P., Ceccarelli L., Dell’Era F. e di Gennaro F. Il Territorio di Fidenae tra V e II secolo A.C. // Suburbium II. Il suburbio di Roma dalla fine dell’eta monarchica alla nascita dell’ville (V–II secolo A.C.) / V. Jolivet et alii (eds.). Rome, 2009. P. 325–345.

5. Ливий Т. История Рима от основания города: в 3 т. М.: Ладомир, 2002. Т. 1, кн. I–X. 702 с.

6. Немировский А.И. История Раннего Рима и Италии. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1962. 302 с.

7. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. / Изд. подг. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. Отв. ред. С. С. Аверинцев. (Серия «Литературные памятники»). 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука. 1994. Т.1. 704 с.

8. Залесский Н.Н. К истории этрусской колонизации Италии в VII–IV вв. до н.э. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1965. 124 с.

9. Нетушил И.В. Порсена и Веентские войны // Журнал министерства народного просвещения. 1907. Часть XII. Ноябрь. С. 517-602.

10. Cornell T. J. Rome and Latium to 390 B.C. // The Cambridge Ancient History. Vol. 7, part. 2. The Rise of Rome to 220 B.C. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 243–308.

11. Моммзен Т. История Рима: в 5 т. М.: АСТ: Фолио, 2001. Т. 1, кн. 1, 2. 523 с.

12. Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том I. «Анналы. Малые произведения». М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1993. 736 с.

13. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М: Изд-во «Наука», 1993. 368 с.

Автор публикации:

Шмелева Людмила Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Института международных отношений Казанского федерального университета, г. Казань, Россия

The Roman colony of Fidenae: between Etruria and Latium

Shmeleva L.M.

Abstract. The article examines the position of the city of Fidenae in the Roman-Etruscan confrontation. The author points out that the reason for the wars on the part of the Romans was the protection of Latium from the Etruscan invasion, and then control over the trade routes from the Etruscans to Campania and from the coast to the interior of Italy. From the Etruscan side - control of trade routes from Etruria to Campania.

Fideni is an ancient city of Latium, located on a hill between the Tiber and its left tributary Aniena, in the Sabine region, 40 stadia (6 kilometers) north of Rome. Ancient authors note both the Latin and Etruscan origin of the city's population. Dionysius and Livy wrote about eight cases of hostilities between the Fidenae, which were supported by Veii and Rome. The most recent clash between Rome and the Fidenae dates back to 426 BC, after which the Fidenae are no longer mentioned in the sources as an opponent of the Romans. The loss of the Campaign for the twelve Etruscan cities made the support of the Wei in their fight against the Romans irrelevant. As a result, Ri-mu managed not only to hold the Fidenae and the mouth of the Tiber, but also to defeat Veii, his long-time rival.

Keywords: Fidenae, Rome, Veii, Latins, Etruscans, international relations

For citation. Shmeleva L.M. The Roman colony of Fidenae: between Etruria and Latium. *Proceedings of the Society of Archaeology, History and Ethnography at Kazan University*. 2022;42(1):50–59. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.50-59

Publication author:

Shmeleva Ljudmila Mihajlovna – PhD in History, Associate Professor, Kazan Federal University. Kazan, Russia

Поступила в редакцию / Received 22.01.2022
Принята к публикации / Accepted 22.02.2022

Научная статья

Исторические науки

УДК 94(38)

DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.60-72

Образ женщины-лидера: Юдифь в англосаксонской литературе раннего Средневековья

Диана Эдуардовна Базяева¹,
Наталья Анатольевна Шадрина²

*^{1,2}Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Россия*

¹diana_bazyeva@mail.ru

²shadrina_nata@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности трактовки образа Юдифи, героини библейского мифа, в англосаксонской литературной традиции периода раннего средневековья, где она предстает в роли спасительницы своего народа. Подобная репрезентация женского персонажа была не свойственна ранне-средневековой традиции, где женщина чаще представлялась в образе матери, жены, сестры или дочери. В традиционном ранне-средневековом обществе героизм и лидерство являлись прерогативой мужчин. Однако, в поэме «Юдифь» неизвестный автор явно отходит от данной тенденции. Героиня самоотверженно вызывает остановить Олоферна, чтобы спасти родную Ветилую, затем, проявив мудрость и хитрость, жестоко убивает лидера захватчиков. Пройдя череду испытаний и вернувшись домой с головой злодея, Юдифь становится истинным лидером для своих соотечественников. Кульминацией развития образа женщины-лидера становится речь Юдифи, в которой она, держа в руках голову побежденного Олоферна, призывает граждан Ветилуи взяться за оружие и дать отпор врагу. Как истинный герой Юдифь берет на себя функции лидера и руководит действиями своих сограждан. Таким образом, в контексте поэмы создается своеобразная модель святости: женщина – святая воительница, лидер, освободительница своего народа от язычника-ассирийца. Анонимный автор, выводя героиню из традиционной роли, в которой женщина служит только поддержкой мужчине, создает новый героический и лидерский идеал. Подобная трактовка образа Юдифи, вероятно, уходит корнями в прошлое англосаксов. В конце X века им пришлось столкнуться с угрозой в облике норманнов. Подобные трансформации библейского образа были связаны с необходимостью вооруженной борьбы с завоевателями, и художественная культура, отвечая на запрос общества, создает своеобразный образец для подражания, образ героини, которая при похожих обстоятельствах смогла преуспеть вопреки традиционному образцу поведения в рамках собственной гендерной роли.

Ключевые слова: Юдифь, женщина-лидер, англосаксонская литература, раннее средневековье, библейский сюжет, героический эпос

Для цитирования: Базяева Д. Э., Шадрина Н.А. Образ женщины-лидера: Юдифь в англосаксонской литературе раннего Средневековья // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. 2022. Т. 42. № 1. С. 60–72. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.60-72

Главная героиня Ветхозаветной «Книги Юдифь» – одна из наиболее значительных женских фигур в европейской культуре. В зависимости от идей, господствующих в обществе на различных этапах его развития, образ Юдифи претерпевал разнообразные трансформации, тем самым отражая культурные особенности определенного периода.

В этой связи представляется интересным изучение трактовки образа Юдифи в англосаксонской литературной традиции периода раннего Средневековья, где библейская героиня предстает как отважная спасительница своего народа. Подобная трактовка особенно интересна, поскольку такая репрезентация женского персонажа была не свойственна раннесредневековой английской традиции. В представлениях раннесредневековой английской поэзии героический поступок является исключительно прерогативой мужчин. Безусловно, женщины играют важную роль в героическом мире, что отражено в таких поэмах как «Беовульф», «Видсид» и «Вальдере», но, как правило, эта роль не включает какие-либо активные действия со стороны героини [1, с. 5]. Женщины чаще представляются в образе матери, жены, сестры или дочери, хоть и занимая одно из центральных мест в повествовании, но играют, как правило, исключительно пассивную роль. Они не совершают героических поступков, а проявляют себя иными способами. В ситуациях опасности они вносят свой вклад не физическими действиями, а словами, мудростью, дельным советом [1, с. 5].

Высокий культурный авторитет «Книги Юдифи» на Западе подтверждается фактом ее включения в Вульгату, переведенную на латынь в начале V века Св. Иеронимом версию Библии. Можно сказать, что влияние Иеронима было определяющим в развитии вопроса о месте Юдифи в христианском богословии. Юдифь была признана им как святая и образец для других религиозных женщин (и даже мужчин) [2]. Именно данную интерпретацию и унаследо-

вала литературная традиция англосаксов. Продемонстрировать уникальность образа Юдифи в англосаксонской литературе можно, обратившись к поэме «Юдифь» из манускрипта Cotton Vitellius A XV, который был написан на староанглийском языке и датирован концом IX началом X века (манускрипт содержит эпическую поэму «Беовульф», поэму «Юдифь» и различные прозаические произведения) [3, с. 51]. Согласно содержанию древнеанглийской поэмы, молодая вдова, благочестивая израильтянка Юдифь спасла родной город Ветилу от осаждающих его войск Олоферна, посланных Навуходоносором, ассирийским царем, для покорения Иудеи. Очарованный красотой женщины, грозный воин пригласил ее в свой шатер. Опьяненный вином и страстью, он погрузился в глубокий сон, и тогда Юдифь отрубила ему голову. Вернувшись в Ветилу с головой Олоферна, вдова восхваляется за доблесть и добродетель. Граждане же Ветилуи, вдохновившись её поступком, вооружаются и разбивают ассирийцев, застигнутых врасплох без предводителя. Так Ветилу была спасена.

Образ Юдифи как женщины-лидера развивается с самого начала повествования. Однако, для начала необходимо упомянуть о тех различиях, которые присутствуют в изображении Юдифи в англосаксонской поэме и Вульгате, на которую, скорее всего и опирался неизвестный автор. Возможно, самое разительное отличие между древнеанглийской версией «Юдифь» и версией Вульгаты заключается в самой интерпретации всей истории героини. В версии Вульгаты граждане Ветилуи показаны более религиозными, нежели воинственными, а также ведомыми священниками и старейшинами, а не полководцами: «А Иоаким, великий священник, и все предстоящие пред Господом священники, служители Его, препоясав вретischem чресла свои, приносили непрестанные всесожжения, обеты и доброхотные дары народа. На кидарах их был пепел, и они от всей силы зывали к Господу, чтобы Он посетил милостью весь дом Израиля» [4, с. 374]. Особое внимание уделяется тому, что евреи не смогли бы победить огромные и могучие армии ассирийцев без божественного вмешательства. Обезглавливание Олоферна, повлекшее за собой страх его воинов, благодаря которому израильтяне смогли одолеть врага тоже, отчасти, результат божественного вмешательства: «Тогда они, взяв все свое

оружие, пойдут в свой стан, разбудят вождей войска Ассирийского, и сбегутся к шатру Олоферна, но не найдут его; оттого нападет на них страх, и они побегут от вас» [4, с. 408].

Англосаксонский поэт сознательно отклоняется от канона и помещает Юдифь в военную обстановку. В тексте не упоминаются священники, а только «Всевышший», «всеславный Создатель», который оберегает героиню. Юдифь играет центральную роль в победе евреев не только в символическом смысле. Она разрабатывает стратегию, обезглавливает Олоферна, призывает народ к битве. Её роль как посредника, действующего от имени Бога, не ставится под сомнение, но имеет меньшую значимость по сравнению с текстом Вульгаты. В поэме уже не действия Юдифи обеспечивают победу израильтян, а, скорее, реакция, вызванная ими. Именно с этой целью англосаксонская Юдифь показывает гражданам Ветилуи голову Олоферна, «знак кровавый», олицетворяющей то, как она преуспела в сражении с врагом [5]. Столпотворение и беспорядок после обнаружения ассирийцами бездыханного тела своего предводителя уходят на второй план в пользу личной значимости героини и доблести её воинов. Таким образом, кажущийся парадокс женщины как лидера и полководца для своего народа – это не просто результат сложности адаптации библейской истории к германской героической традиции, а сознательный выбор автора.

Одним из ярких знаков, указывающих на намерения поэта изобразить Юдифь как военачальника, является использование им контраста в образах Юдифи и Олоферна – главного антагониста и предводителя ассирийцев. На протяжении всей поэмы автор изображает Олоферна как воплощение зла: «презрительный мерзавец», «муж постылый», «пес поганый» [5]. Его чрезмерное увлечение вином знаменует деградацию его людей как воинов: «Так исчадие ада весь день до заката своих совоителей вином потчевал, злосердый злата даритель, пока знать захмелевшая в забытии не попадала, словно смертью сраженная, лишённая радостей» [5]. Также стоит упомянуть и «завесь из чистого злата», с помощью которой Олоферн поддерживает социальную дистанцию со своими войнами: «Там из чистого злата завесь москитная вокруг ложа вождя свисала, так что злосчастный видеть мог сквозь нее, военачальник всякого внутри входящего из сыновей героев, его же – из племени

людского – ни один узреть не мог» [4]. Покров скрывает Олоферна от его людей и открывает ему их секреты. Слабости Олоферна: вино и женщины как таковые, не являются явно фатальными для любого человека. Но эти недостатки становятся большой проблемой, если встречаются у предводителей, потому что они влияют на стиль его управления [6, с. 26]. Таким образом, проблема Олоферна не в том, что у него есть пороки, а в том, что они отрицательно влияют на его роль как лидера. Юдифь же, напротив, изображается как чистая добродетель: «женщина чистая», «дева пречистая», «Господня раба» [5]. Она не подвержена порокам, отважна и мудра, когда отдает приказ ветулианцам отправляться в бой. Можно сказать, что она сотрудничает со своими людьми ради достижения общей цели – победы над ассирийцами. Два персонажа находятся в прямой оппозиции друг к другу. Олоферн изображается как воплощение всего, чем не должен быть полководец, и поэтому вполне естественно, что мы должны видеть в Юдифи всё то, что должен олицетворять собой предводитель [6, с. 30]. Таким образом, изображая антагониста в лице Олоферна как непригодного полководца, автор ставит Юдифь на место главного лидера в поэме.

Как уже упоминалось, образ Юдифи как женщины лидера развивается практически с самого начала повествования. Героиня, принимая на себя ответственность за свой народ, самоотверженно вызывает остановить Олоферна и уходит во вражеский лагерь, чтобы спасти Ветилую. Затем, проявив мудрость и хитрость, жестоко убивает лидера захватчиков. Олоферн не в силах сопротивляться, так как «распластавшись, вином опьяненный», он находится в бессознательном, а, следовательно, в уязвимом состоянии. Именно эта ошибка лидера завоевателей и дает возможность Юдифи, находящейся в ясном уме и уповающей на Бога, поразить его: «взяла она язычника покрепче за волосы, притянула презрительно мерзавца низложенного к себе дланями, да распростерла проворно мужа постылого так, чтобы с ним, окаянным, без усилий особых справиться можно было бы» [5]. Акт обезглавливания помещает Юдифь в традиционно мужское пространство. Она вынуждена взять на себя мужскую роль, чтобы совершить насилие. Здесь женщина совершает акт насилия над мужским телом, а не наоборот. Таким образом, теперь она занимает доминантное поло-

жение по сравнению с Олоферном, который представлен в поэме как сильный и грозный воин. Убийством Юдифь узурпирует роль воителя.

Способность героини убить Олоферна наглядно показывает, что недостаточно иметь власть. Главное — это уметь сохранить свои позиции [7, с. 403]. В противном случае власть будет насильственно отобрана, что и продемонстрировала Юдифь, отрубив голову захватчику: «Хватила зломыслного изверга заклётого дева с заплетенными косами мечем окровавленным, рассекла ему выю до половины, отчего от раны зияющей бражник в беспмятство впал, однако ж не преставился, не прервал дыхания. Тут женщина отважная вдарила раз второй уже поживее – покатила голова пса поганого прямо на пол» [5]. Можно предположить, что автор намеренно делает акцент на то, что Юдифь справляется с врагом именно со второго раза, давая возможность Олоферну противостоять смерти. Но он не в силах воспользоваться этой возможностью, так как слишком опьянен. Таким образом, автор не только преувеличивает жестокость сцены обезглавливания, но и, в назидание читателям, показывает губительность пороков для предводителей. В данном случае тяга Олоферна к вину сыграла с ним злую шутку, а трезвый взгляд героини на ситуацию позволил ей преуспеть.

Пройдя череду испытаний и вернувшись домой с головой злодея, Юдифь становится истинным лидером для своих соотечественников. Дабы продемонстрировать свой успех как предводителя, она просит служанку показать жителям Ветилуи голову Олоферна: «Приказала премудрая, златом прибранная, служанке своей, деве смышленной, воестранника из мешка голову вызволить, да показать градожителям знак кровавый, как, мол, в сраженье она преуспела» [5]. Демонстрация людям окровавленной головы олицетворяет её доминирование над врагом и желание вести за собой народ [8, с. 12]. Кульминацией развития образа женщины-лидера становится речь Юдифи, в которой она, держа в руках голову побежденного Олоферна, призывает ветулиан взяться за оружие и дать отпор врагу. Этот момент разнится с Вульгатой. Если в Вульгате Юдифь просто пророчествует о том, что предопределил Бог, а голова Олоферна висит на городских стенах, то в англосаксонской поэме именно Юдифь, демонстрируя таким образом свой

успех как лидера, держит в руках голову врага, именно Юдифь своей речью побуждает граждан Ветилуи на битву с захватчиками. Как истинный герой она берет на себя функции лидера и руководит действиями своих сограждан и дает указания: «И теперь у щитоносцев, у мужа каждого – из горожан – я вопрошаю, готовы ли выступить они на ратище? Лишь Бог Оснующий, Великодушный, пошлет с востока луч яркий света, несите щиты липовые, нагрудники, рубахи кольчатые, шлемы сверкающие на полчище вражье, рубите вождей их мечами багряными, воеводчиков обреченных. Враги ваши на смерть осуждены, вы же – на славу в сече, так указал вам десницей моею Отец Всемогущий» [5]. Она дает воинам подробные и конкретные инструкции о том, что им следует делать, скорее, как военачальник, который составляет план битвы [9, с. 9]. Она не просто говорит им выйти и убить всех ассирийцев, которых они встретят на своем пути, а лишить жизни именно вождей и воевод. Подобная речь демонстрирует наличие у Юдифи определенной военной стратегии. Также стоит отметить, что говорит лишь она одна, а ее люди, включая мужчин-воинов, представляют собой пассивную аудиторию, ожидающую ее указаний [9, с. 10]. Автор явно подчеркивает тот факт, что Юдифь ведет свой народ. Именно её слова являются катализатором последующих действий, о чем также свидетельствует отсутствие активности со стороны ветилуанцев до ее прибытия: «Стояли воины, мужи на страже, защиту несли, стерегли твердыню, (так народу этому веками скорбящему, в дорогу пускаясь, Юдифь повелела, дочь прозорливая, дева бесстрашная)» [5].

Несмотря на храбрость и доблесть Юдифи, стоит сказать, что героиня в полной мере не соответствует каноничному образу лидера, представленному в подобных англосаксонских эпических поэмах [6, с. 30]. Во-первых, вдова полагается в первую очередь на свою хитрость, чтобы обезглавить врага, так как она не может победить его собственными силами. Во-вторых, героический поступок Юдифи происходит в спальне, в частном пространстве. В этой традиционно домашней сфере контроль принадлежит женщинам [10, с. 85]. «Сражение» против Олоферна происходит не на публичном поле, не на поле боя, как это традиционно происходит в героических эпосах между мужчинами, а в шатре, без посторон-

них глаз. В-третьих, Юдифь не присоединяется к своим воинам в битве и не участвует в заключительном сражении против ассирийцев. Хотя действия Юдифи и проводят граждан Ветилуи к победе над врагами, автор поэмы всё же не полностью погружает героиню в образ англосаксонского эпического лидера. Это несколько не умаляет лидерской роли Юдифи как таковой, а лишь усложняет наше понимание этой роли. Она действует с женских позиций, оставаясь в частной сфере и давая мудрые советы [9, с. 10].

Но здесь стоит сказать о том, что не вполне справедливо сравнивать лидерские качества Юдифи с лидерскими качествами мужских персонажей англосаксонских поэм. В отличие от любой другой женщины в англосаксонской литературе, Юдифь самоотверженно убивает врага во имя Бога, для своего блага и для блага своего народа, поэтому отрицать очевидный героизм в её поступке нельзя. Юдифь действительно не в полной мере соответствует канону мужского эпического героя, но нельзя сказать, что её действия не являются действиям лидера. Возможно, в её образе формируется такой сложный и интересный феномен, как женское лидерство в представлении англосаксов. Поэтому принимая во внимание специфику сюжета, вполне возможно воспринимать Юдифь как лидера. Эта характеристика будет основана на тех качествах, которые она проявляет: её женской силе, её героическом и храбром поведении, награждении её военными трофеями. Отсюда исходит героизм Юдифи, который не определяется отсутствием или присутствием тех качеств, которые характерны для мужских персонажей. Чтобы понять этот героизм, нужно исходить из её собственных достоинств. Возможно, Юдифь и нельзя в полной мере назвать эпическим воином, но её вполне возможно назвать женщиной-лидером, воинствующей героиней, Святой, которая ради себя и своего народа одолела врага в лице Олоферна. Поэтому в стихотворении Юдифь одновременно святая, полагающаяся на Бога, и воинствующая героиня, которая делает все ради защиты своего народа.

Очевидно, что и сами ветулианцы считают, вдову своим предводителем, поскольку после победы над ассирийскими захватчиками, они вручают ей военные трофеи в виде меча Олоферна и его окровавленного шлема (по сути, это символы лидерства ассирий-

ского захватчика): «Все это герои ратные, неистовые под стягами, доблестью добыли в бою бранном, следуя Юдифи, девы дерзостной, наказу прозорливому. Ей в награду за поход памятный преподнесли вожди, владельцы копий крепких, меч Олофернов, шлем, кровью сочащийся, кольчугу широкою, чистым золотом украшенную, да те богатства несметные, чем владел воевластитель зломыслый» [5]. Помимо прочего, автор на протяжении всей поэмы выводит на первый план такие качества героини как храбрость и мужество, что, опять-таки, характеризует ее как лидера. Таким образом, в контексте поэмы создается своеобразная модель святости: женщина-святая воительница, уповающая на Бога, лидер, освободительница своего народа от язычника-ассирийца.

Англосаксонская поэма Юдифь уникальна в ряду других произведений древнеанглийской поэзии не только тем, что в центре сюжета здесь находится женщина, но и тем, что Юдифь в трактовке англосаксов – это совершенно новый образ святой. Сочетая в себе героизм и лидерство, она олицетворяет собой не просто воина, который проявляет отвагу и доблесть, а полководца, берущего на себя основную работу и мудро командующего войсками. Таким образом, автор поэмы вписывает женщину в героическую обстановку, которая являлась прерогативой мужчин.

Анонимный автор, выводя героиню из традиционной роли, в которой женщина служит только поддержкой мужчине, создает новый героический и лидерский идеал. В образе Юдифь святость героизируется, в ней появляются мотивы воинственности. Подобная трактовка образа Юдифи, вероятно, уходит корнями в прошлое англосаксов. На протяжении всего англосаксонского периода своей истории Англия непрерывно сталкивалась с угрозами захвата территорий и военными столкновениями. Сначала, в результате миграций германских племен, на Британском полуострове был сформирован единый уникальный культурный пласт и англосаксонская этническая общность [11, с. 17–19]. Затем англосаксонское государство на протяжении нескольких столетий подвергалось практически непрекращающимся набегам со стороны викингов, что оставило глубокий след в истории Англии [12, с. 61–62; 90–91]. К этому можно добавить и сложные процессы распространения на данных территориях христианства, которое сосуществовало здесь

с язычеством. Адаптируясь под жизненные реалии, меняется и образ Юдифи.

Изменения образа героини Вулгаты приобретают большее значение, когда мы рассматриваем политическую ситуацию в Англии в период, когда, вероятно, и была сочинена поэма. Самый ранний текст поэмы о Юдифи анонимного автора относится к правлению Этельреда II Неготового, правившего Англией с 978 по 1016 год. Так совпало, что этот период был очень печальным временем для англосаксов. Хотя датчане периодически нападали на Англию ещё с VIII века, во время правления короля Этельреда II ситуация стала особенно сложной [12, с. 61–62]. Нанеся англичанам сокрушительное поражение в битве при Мэлдоне в 991 году, в последующие десятилетия датские захватчики собирали непомерные суммы дани, опустошая сельскую местность [12, с. 99]. Апогей английского отчаяния можно увидеть в кодексе, принятым королем Этельредом II в 1009 году. В нём король призывал каждого внести свой вклад в победу над врагом, предписывая публичные молитвы и покаяния [13, с. 73]. Видимо, ситуация была настолько мрачной, что только божественное вмешательство могло спасти англосаксонскую Англию.

Когда в конце X века англосаксам пришлось столкнуться со своими собственными «ассирийскими» врагами в облике норманнов, особую актуальность приобрела ветхозаветная история о Юдифи. Адаптированный анонимным автором для англосаксов сюжет, образ и подвиг вдовы олицетворяли собой призыв взяться за оружие против захватчиков. А сама Юдифь выступала в образе воинствующей святой, которая, следуя Божьему плану, проявляла лидерские качества, храбрость, мужество и доблесть на своем пути, чтобы защитить свой народ. Анонимный автор, выводя героиню из традиционной роли, в которой женщина служит только поддержкой мужчине, создает новый героический и лидерский идеал. Здесь обществу представляется некий образец для подражания, героиня, которая при похожих обстоятельствах смогла преуспеть вопреки всему, когда другие отчаялись. Также можно предположить, что образ «карающей врагов» героини выступил тогда в качестве прообраза Церкви, которая представляла всех христиан в их борьбе с язычниками [3, с. 52]. Юдифь отражала отчаянную на-

дежду англосаксов, которые чувствовали себя на грани уничтожения. Необходим был лидер, который защитит народ и возглавит его в борьбе с врагами. Или же это просто призыв к добродетельной жизни по примеру Юдифи, которая не сдалась, противостояла Олоферну и сохранила свое благочестие. Возможно, что поэма задумывалась как пример для англосаксонских женщин, которые сталкивались во времена войн с угрозой насилия и должны были не бояться противостоять этому [3, с. 52]. Но, определенно, художественная культура, отвечая на запрос общества, создает образец для подражания, образ героини, которая при похожих обстоятельствах смогла преуспеть вопреки всему, даже когда все остальные опустили руки. А предполагаемая дата сочинения поэмы (конец IX начало X века) делает любую из этих интерпретаций возможной.

Библиография

1. Magennis H. Gender and Heroism in the Old English Judith. *Essays and Studies*, 2002. V. 55. P. 5-17.
2. Прологи к книгам Ветхого Завета // Азбука веры: тематическая онлайн библиотека. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ieronim_Stridonskij/prologi-k-knigam-vethogo-zaveta/ (дата обращения: 21.02.2022).
3. Болдырева И.И. Ветхозаветное предание о Юдифи в книжной традиции раннесредневековой Англии // *Известия Саратовского университета. Новая серия, Серия: История. Международные отношения*. 2014. №2. С. 48-54.
4. Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: в 7 т. Т. 3.: Исторические книги / под ред. А.П. Лопухина. 4-е изд., М: Дар, 2009. 1056 с.
5. Билингва: Англосаксонская поэма Юдифь // *Britanniae*. Режим доступа: http://britanniae.ru/poem/OE_Judith.htm (дата обращения: 21.02.2022).
6. Bartz, E. Female Heroism and Leadership in the Anglo-Saxon Judith. *North Dakota*, 2014. 45 p.
7. Fee, C. Judith and the rhetoric of heroism in Anglo-Saxon England. *English Studies*, 1997. V. 78(5). P.401-406.
8. Herbison, I. Heroism and Comic Subversion in the Old English Judith. *English Studies*, 2010. V.91(1) P.1-25.
9. Guenther, K. The Old English Judith: Can a Woman be a Hero? *York medieval yearbook*. 2002. V.1. P. 1-16.
10. Рябова Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья. Иваново, 1999. 212 с.
11. Мельникова Е.А. Меч и лира: героический мир англо-саксонского эпоса. СПб.: Наука, 2018. 335 с.

12. Англосаксонская хроника. / Пер. с др.-англ. Метлицкая З.Ю. СПб.: Евразия, 2010. 284 с.

13. O'Brien H. Queen Emma and the Vikings: A History of Power, Love and Greed in 11th-century England. N.Y.: Bloomsbury Publishing. 2005. 264 p.

Авторы публикации:

Базяева Диана Эдуардовна, магистрант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. dbazyueva@gmail.com.

Шадрина Наталия Анатольевна, канд. ист. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. shadrina_nata@list.ru

The image of a female leader: Judith in the Anglo-Saxon literature of the early Middle Ages

Bazyeva D.E., Shadrina N.A.

Abstract. The article discusses the features in the interpretation of the image of the heroine of the biblical myth Judith in the Anglo-Saxon literary tradition of the early Middle Ages, where the biblical heroine appears as the savior of her people. What is especially interesting, since such a representation of a female character was not characteristic of the early medieval tradition, where it was more often presented in the form of a mother, wife, sister, or daughter. In the traditional early medieval society, heroism and leadership were the prerogative of men. But in the poem "Judith" the unknown author clearly departs from this trend. The heroine selflessly volunteers to stop Holofernes to save Bethulia, then, having shown wisdom and cunning, brutally kills the leader of the invaders. After going through a series of trials and returning home with the head of a villain, Judith becomes a true leader for his compatriots. The culmination of the development of the image of a female leader is the speech of Judith, in which she, holding the head of the defeated Holofernes in her hands, calls on the citizens of Bethulia to take up arms and repulse the enemy. As a true hero, Judith assumes the functions of a leader and directs the actions of his fellow citizens. Thus, in the context of the poem, a peculiar model of holiness is created: a woman is a holy warrior, a leader, a liberator of her people from a pagan Assyrian. The anonymous author, taking the heroine out of the traditional role in which the woman serves only as a support for the man, creates a new heroic and leadership ideal. Such an interpretation of the image of Judith is probably rooted in the past of the Anglo-Saxons. At the end of the 10th century, they had to face the threat of the Normans. Such transformations of the biblical image were associated with the need for an armed struggle against the conquerors, and artistic culture, responding to the request of society, creates a kind of role model, the image of a heroine who, under similar circumstances, was able to succeed despite the circumstances, even when everyone else gave up.

Keywords: Judith, women's leadership, Anglo-Saxon literature, early Middle Ages, biblical story, heroic epic

For citation: Bazyayeva D.E., Shadrina N.A. The image of a female leader: Judith in the Anglo-Saxon literature of the early Middle Ages. *Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University*. 2022;42(1):60–72. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.60-72

Publication authors:

Bazyayeva Diana Eduardovna, master student, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia. dbazyayeva@gmail.com.

Shadrina Nataliya Anatol'evna, PhD, associate professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia, shadrina_nata@list.ru

Поступила в редакцию / Received 13.02.2022
Принята к публикации / Accepted 18.03.2022

УДК 94(38)

DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.73-83

К вопросу о «лучших мирянах» в позднесредневековой Англии

Антон Олегович Мулеев¹*¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Россия**¹antmurray300@gmail.com*

Аннотация. В данной статье исследуется вопрос, посвящённый понятию «лучшие миряне», а именно, при каких обстоятельствах употребляется это словосочетание в работах современных историков, а также в некоторых документальных источниках. Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием обобщающих работ и отсутствием унифицированных критериев, согласно которым жителей позднесредневековой Англии можно было бы отнести к указанному понятию. В данной статье ставится проблема унификации не только критериев отнесения людей к «лучшим», но и проблема унификации обозначения. Целью данного исследования является изучение использования понятия «лучшие миряне» и вопроса об обоснованности его применения. В процессе написания данной работы были использованы как общенаучные методы, такие как анализ и синтез, так и лингво-исторический метод. В качестве результатов данного исследования можно сообщить, что в разных работах как русскоязычных, так и англоязычных авторов понятие «лучших» встречалось при разных обстоятельствах и было выражено с использованием разных слов. Поэтому трудной является задача по их сопоставлению и приведению к общему. Ключевыми выводами данной статьи можно назвать определение некоторых критериев, позволяющих отнести человека к числу «лучших», к которым можно отнести и имущественный ценз, а также чёткое понимание, что к этому понятию относились только миряне.

Ключевые слова: миряне, позднее средневековье, город, Англия, фригольд, историография

Для цитирования: Мулеев А.О. К вопросу о «лучших мирянах» в позднесредневековой Англии // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. 2022. Т. 42. № 1. С. 73–83. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.73-83

Введение. Интерес к данному вопросу возник при столкновении с упоминанием понятия «лучшие миряне» (англ. “the better sort

of laity”) в нескольких работах. Актуальность темы данного исследования вызвана отсутствием упорядоченного толкования этого понятия. Действительно, при анализе как литературы на русском, так и на английском языке, было отмечено отсутствие единообразного толкования подобного термина. Поэтому, нами была поставлена проблема унификации определения. Целью данной статьи является определение понятия «лучшие миряне». Для этого необходимо выполнить такие задачи, как анализ литературы, чтобы уточнить, в какой формулировке встречается это понятие; сформулировать критерии, по которым можно отнести людей к этому понятию, понять, кого именно следует относить к «лучшим». **//

Методы, использованные при проведении исследования, соответствуют принципу историзма. В работе использованы такие общенаучные методы как сравнительно-сопоставительный анализ и синтез полученных результатов, так и лингво-исторический метод, бывший необходимым при работе с литературой на двух и более языках, который позволяет проследить использование тех или иных лингвистических единиц в конкретных исторических условиях.

В качестве результатов исследования хочется выделить следующие моменты, связанные с анализом работ историков, так или иначе затронувших проблему данного исследования.

Интересно проанализировать употребление термина в работе английского историка Ральфа Алана Гриффитса, посвящённой правлению Генриха VI. Например, он пишет, что в тех обстоятельствах, когда казне требовались большие финансовые поступления, правительство могло воспользоваться обязанностью все подданных короля, которое было признано со времён Эдуарда I, помочь ему при экстренной необходимости. Поэтому, 23 июля 1426 года были назначены уполномоченные для быстрого сбора займов у «лучших мирян» (англ. “the better sort of laity”; курсив здесь и далее наш – А.М.) по всему королевству; они должны были быть погашены в течение года за счёт таможенных, тоннажного сборов и процента, отчисляемого с фунта стерлингов (при расчётах). Комиссаров даже назначили в независимых палатинатах, таких, как Честер. Но этот традиционный способ сослаться на нужду и ожидать, что *каждый подданный* ответит, был явным провалом.

Королевским агентам были предложены особо правдоподобные оправдания, так что сумма была собрана лишь скромная – точно несравнимая с крупными займами отдельных лиц или групп. Религиозные представители страны возможно тоже не проявили интереса, поскольку в епархии Вустера четырнадцать религиозных домов собрали совместно всего 295 фунтов стерлингов. У крупных городов и сити тоже выпрашивались деньги, как и у общин торговцев [1, с. 112]. Таким образом, мы видим упоминание этих «лучших мирян», после чего можно предположить, если у них планировалось взятие займов, что речь идёт о тех, у кого средства вообще имеются, тем более для имения возможности дать кому-либо в долг. После этого даётся утверждение, что каждый подданный не смог бы ответить помощью, что может запутать, ведь, каждый житель – подданный, но не у каждого есть средства и право быть причисленным к числу «лучших». В любом случае, историк явно отделяет мирян от религиозных представителей. А тот факт, что упоминаются города и общины торговцев, учитывая разность критериев, лишь даёт дополнительную информацию, поскольку «лучшие миряне» могли входить и в них.

Если говорить непосредственно о «лучших мирянах», то можно заметить, что термин *laicus* (курсив здесь и ниже наш – А.М.), обозначавший именно их, принял в средневековой Европе более юридическое, институциональное значение. Будучи антонимом к термину *clerus* он стал означать того, кто «находится под управлением» или кто «был неосвящён» в противоположность к освящённым представителям власти, клерикам [2]. Следовательно, речь должна пойти только о тех, кто не имел тот или иной священный сан. Проверим, соблюдается ли эта тенденция в остальных исследованиях.

Определение «лучшим людям» попытался дать в своей работе Г.А. Завалько. В своей работе об общих аспектах культуры феодального средневекового общества он приводит следующую стратификацию: в низшей части этого общества беднота, составлявшая полукриминальную среду, выше которых стоят цеховые ремесленники, а над цехами – купцы, которые вышли из цеховой верхушки, выше которых подлинными хозяева города, которых некоторые историки называют патрициями, хотя, согласно исследователю, себя они называли «лучшие люди», или «праздные люди».

Получается, это богатейшая верхушка города, а также городской правящий слой. Учёный относит к ним правителей, домовладельцев, ростовщиков, откупщиков налогов – тех, кто обладал крупными суммами финансовых средств, и которые жили в особых районах того или иного города, имея средства на собственную стражу. Однако, по мнению исследователя для того, чтобы стать на равне с сеньорами, им необходимо было владеть земельной собственностью, поскольку земля – ресурс, который ценнее денег [3, с. 106].

Если допустить, что под «лучшими мирянами» подразумевались рыцари, то можно найти факты, подтверждающие некоторое, если не негативное отношение, то, как минимум, «определенную отстраненность, а то и неприязнь по отношению если не к христианству, то по меньшей мере к церкви, что проявлялось в отвержении её культурных моделей, предпочитая поклонение святым – феям [4, с. 198]. То, насколько рыцари в средневековье были на самом деле религиозны, может говорить строчка из произведения одного из поэтов-рыцарей: «Бог требует, чтобы человек заботился о своей славе» [3, с. 106]. Идею о том, что «лучшими» являются именно рыцари можно отчасти подтвердить сообщением, что в образах феодального быта рисуется и день Страшного суда, когда господь со своими «лучшими людьми» соберет свой двор и будет судить правых и виноватых, как это делает феодальный сеньор [5, с. 143]. Однако, снова стоит отметить, что в данном случае речь не идёт непосредственно о Англии и о более раннем периоде, нежели исследуемом в данной работе, поскольку допускается изменение смысла понятия.

В работе ещё одного российского медиевиста О.В. Яблонской об отражении представителей аристократии и ремесленников, написанной по рассказам Джеффри Чосера, тоже можно обнаружить попытку интерпретации понятия «лучших» людей. Непосредственно указано, что в период Столетней войны и после её окончания стало очевидно, что рыцарство утратило монополию на воинскую доблесть и славу, поскольку высокий статус аристократии и связанные с ним привилегии уже не подтверждались их ролью в войне, следовательно аристократия лишилась своей основы: идеологического оправдания. Это привело исследователя к выводу, что события Столетней войны подтвердили деградацию «лучших»

людей страны [6, с. 324]. Соответственно, это может означать, что историк причисляет к «лучшим» именно рыцарей – представителей земельной аристократии.

Открытым остаётся вопрос, есть ли взаимосвязь между понятием «лучшие миряне» и «благородный фригольд», о котором, в частности, пишет в одной из своих работ российская исследовательница М.В. Винокурова, исследуя такой феномен, как «город-манор». Историк выделяет «благородных» держателей фригольда из числа остальных по критерию размера земельного участка, которым они обладают. Однако, отмечаются и те случаи, когда и при маленьком размере владения, человек мог быть считаться «благородным». В таких случаях автор отмечает, приводя примеры, кем именно были эти личности, в частности это были эсквайры и джентельмены. Примечательно, что «благородные» держатели фригольдов если не противопоставляются, то, как минимум, отделяются от фригольдеров-горожан «крестьянского типа» (кавычки автора – А.М.). При упоминании этих отличий, исследовательница отмечает, что «благородные» (в принципе, как и должно быть, если рассмотреть этимологию слова) являются такими по происхождению (дворянскому) [7].

Другой российский историк А.Г. Праздников в одной из своих работ, посвящённой восприятию английскими горожанами короля, представил другую информацию. В частности, когда Генрих V в 1415 г. вернулся домой в Англию «мэр Лондона и все олдермены, со всеми ремесленниками Лондона, поехали верхом в красных или белых капюшонах, и встретились с королем на Блекхит, прибывшим к городу Лондону». После этого упоминается, что на «утро, в воскресенье и 24 день ноября, мэр и все олдермены, с двумя сотнями *лучших общинников* (курсив наш – А.М.) Лондона, пришли в Вестминстер к королю, и подарили ему 1000 фунтов, в двух чашах из золота ценой 500 фунтов» [8, с. 22–23]. Если рассмотреть сам источник, в нём это понятие на языке оригинала (английский язык позднего средневековья – среднеанглийский) – “the beste comoners” [9, с. 103] – то есть, указана превосходная степень слова good, в отличие от сравнительной, которая была указана в работе Гриффитса. Снова, можно лишь предположить, какой критерий применялся к определению «лучших», однако, если учесть, что

этим людям пришлось собрать определённую денежную сумму, да к тому же, если они могли позволить себе носить одежду (халат – сред.-англ. *gowne* [9]) красного или белого цвета может говорить об определённом имущественном цензе.

Кажется понятнее, что имела в виду историк Т.А. Леонова в своём исследовании, посвящённом средневековому студенчеству в Западной Европе. В том сюжете, когда речь идёт о студентах в позднее средневековье, исследователь сообщает о том, что их наиболее безобидным развлечением до начала XVII века, в монастырской среде, были танцы, для которых в городах с конца XIV века строили специальные помещения и находящиеся, как правило, в их центральных частях, рядом с ратушей или же рядом с церковью; а также некоторые университеты открывали свои танцхоллы. Например, в университете Лейпцига с конца XV века организовывались балы, которые посещали дочери *лучших семей* (курсив наш – А.М.) города в сопровождении наиболее учтивых студентов [10, с. 121]. Однако неизвестно, совпадали ли критерии объявления «лучшими» в английских и германских городах, и неизвестно, какие именно семьи подразумевались в данном случае, однако, можно предположить, что подобное понятие использовалось и при описании групп населения по всей Европе.

Интересным является вообще факт использования понятия «лучший». Например, согласно одному исследованию С.П. Марковой, посвящённом завещаниям в средневековом Йорке, можно отметить следующее. Когда человек распоряжался относительно места захоронения, формы и материала надгробий, он обычно вносил священнику традиционную для Йорка погребальную пошлину, которая называлась *мортуарий* (сред.-англ. *mortuary*). Как указывается, для представителя феодального класса этот взнос мог быть передачей *самого лучшего* (курсив здесь и ниже наш – А.М.) боевого коня в полном боевом уборе, который ещё и возглавлял погребальную процессию. Городские жители в качестве *мортуария* вносили *лучшую* верхнюю одежду или вообще *лучшую* вещь в доме. Почти каждое завещание горожанина имеет такую фразу: «в качестве моего *мортуария* *самое лучшее* мое платье с самым лучшим капюшоном» [11, с. 32]. Таким образом, сложно понять, какой именно критерий применялся к выбору «лучшего», напри-

мер, предмета быта, мы можем лишь предположить, что критерий был ценовой, хотя, опять же, как оценить тот или иной предмет, хватит лишь сравнения с другими подобными предметами.

«Лучших» горожан могла упомянуть в своих трудах Л.Н. Чернова, например в статье о правящей элите Лондона в период позднего средневековья. В частности, она указывает, что лондонских олдерменов избирали на *probi homines* – собрании фрименов каждого округа в основном из числа советников, которые входили в так называемый «Совет избранных». Избранниками становились, конечно же, «самые достойные и знающие горожане» в количестве четырех человек. Эти собрания уже представляли в свою очередь мэру и другим олдерменам, которые имели право выбрать одного из предложенных претендентов и либо утвердить его в должности, либо отвергнуть все кандидатуры [12, с. 53].

В исследовании историка также упоминается, что рикордера (высшего судебного чиновника горожан для рассмотрения уголовных и гражданских дел в суде магистрата и передачи наиболее серьезных из них в суды высших инстанций), утверждал чаще всего лорд-канцлер из числа «наиболее достойных» [12, с. 55]. Возникает вопрос, не является ли это указанием на тех самых, кто в других текстах встречается под наименованием «лучших»?

А.В. Астафьева в своей историографической работе о представительной системе средневековой Англии, изучая работы английского историка XIX века Вильяма Стеббса (Стаббса – *А.М.*) сделала вывод, что, по мнению Стеббса, задолго до того, как юристы ввели в свой оборот слово «представительство», оно уже существовало долгое время как очевидный и общественно значимый механизм решения постоянно возникающих проблем в Англии. Это было необходимо потому, что развитие феодализма в Англии ещё в XI–XII веках требовало отнесения в ведение графств королевского правосудия и взимание налогов, очевидно для более грамотного управления. Стеббс, согласно Астафьевой, рассматривал институт жюри как один из важнейших шагов в направлении становления представительной системы. Он выделял в качестве причин следующие моменты: «во-первых, сам институт присяжных базировался на идее представительства, во-вторых, английский метод расследования имел тесную связь с процедурой

shire-moot (собрание графства), и в-третьих, применение особых способов расследования указывало путь к системе графского представительства в парламенте». Хочется добавить, что в работе российского историка упоминается несколько раз такое понятие, как «лучшие люди» (только без кавычек – *А.М.*), например, при описании приемлемости избрания их с конца XIII в. для вызова в национальное собрание, о старой представительной идеи о лучших людях графств и городов, являвшихся в shire-moot [13, с. 44–45]. Однако, если обратиться непосредственно к труду Стеббса, то можно заметить, что, хотя в качестве перевода подобное словосочетание приемлемо, однако непосредственно Стеббсом были использованы другие словосочетания. Например, когда речь шла о предписаниях, адресованных к шерифам и ведущим членам (общины; англ. leading members – *А.М.*) [14, с. 424]. Или, в той части, где английский историк писал про представительство, где указывал о распоряжении в направлении шерифов, чтобы они выбрали четырех *ответственных мужчин* (курсив здесь и далее наш; англ. discreet men – *А.М.*), которые поговорили бы с королём от лица их графства, и что это был похож на старую идею представительства в лице *хороших мужчин* (англ. good men) городского поселения для shire-moot. [14, с. 666].

Таким образом, если делать вывод, что под «лучшими людьми» в русскоязычной историографии английского средневековья понимаются люди, относящиеся к рыцарству, что говорит о важности имущественного ценза. Вместе с тем, хочется отметить, что в период позднего средневековья к «лучшим» начинают относить и начинающих появляться и развиваться из среды купечества представителей джентри. Причём, эти основные черты можно выделить, несмотря на то, что у многих авторов приводятся разные критерии.

Помимо этого, если говорить об англоязычных авторах, то тут можно выделить абсолютно разные словосочетания, подбираемые авторами. Выделить критерии, по которым выделяются эти группы населения, является трудным, поскольку они не прописываются в текстах, следовательно, можно только высказать предположение, что основным признаком «лучших» является

имущественный ценз, который непосредственно связан с уважением к имущим людям.

Определённо можно выразить тот факт, что определение это точно относится к мирянам, то есть, ни высокопоставленных представителей духовенства, ни их менее знатных по сану коллег на местах в число «лучших» в тестах, связанных с Англией позднего средневековья, не включали, несмотря на то, что они занимали видное положение в обществе вплоть до секулярных реформ середины XVI века. В дальнейших исследованиях можно глубже исследовать роль этих «лучших» людей во взаимоотношении королевской власти и городских общин.

Библиография

1. Griffiths R. A. The reign of King Henry VI: the exercise of royal authority, 1422-1461. Berkeley: University of California Press, 1981. 968 p.
2. "Laity in the Middle Ages". New Catholic Encyclopedia. URL: <https://www.encyclopedia.com/religion/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/laity-middle-ages>
3. Завалько Г. А. Культура феодального общества / Г. А. Завалько // Философия и общество. 2015. № 1-2(76). С. 92-115.
4. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / Перев. с франц. С. В. Чистяковой и Н. В. Шевченко под ред. В. А. Бабинцева. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 328 с.
5. Ястребицкая А. Л. Западная Европа XI–XIII веков: эпоха, быт, костюм. М.: Искусство, 1978. 169 с.
6. Яблонская О.В. Порочная аристократия и добродетельные труженики Джеффри Чосера // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2018. №3. С. 323-327. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/porochnaya-aristokratiya-i-dobrodetelnye-truzheniki-dzheffri-chosera> (дата обращения: 17.03.2022).
7. Винокурова М. В. Феномен "манор-город" в Англии раннего нового времени / М. В. Винокурова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2006. № 1. С. 5-15.
8. Праздников А.Г. Королевская власть в восприятии английских горожан XIV-XV веков // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2002. №3. С.22-29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korolevskaya-vlast-v-voSPIriyatii-anglijskih-gorozhan-xiv-xv-vekov> (дата обращения: 20.03.2022).
9. Harris N., Tyrell Ed. A Chronicle of London from 1089 to 1483; written in the fifteenth century, and for the first time printed from MSS. in the British museum: to which are added numerous contemporary illustrations, consisting of royal letters, poems, and other articles descriptive of public events, or of the manners and customs of the metropolis. London: Longman, Rees, Orme, Brown and Green, 1827. 292 p.

10. Леонова Т.А. Повседневная жизнь средневекового студенчества // Педагогический журнал Башкортостана. 2013. №5 (48). С. 112-122. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnyaya-zhizn-srednevekovogo-studenchestva> (дата обращения: 16.03.2022)

11. Маркова С. П. Тестаменты из архива Йоркского архиепископства эпохи классического средневековья / С. П. Маркова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2007. № 1. С. 30-39.

12. Чернова Л.Н. Правящая элита Лондона XIV-XVI вв.: иерархия статусов и власти // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2015. №3. С. 49-56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravyaschaya-elita-londona-xiv-xvi-vv-ierarhiya-statusov-i-vlasti> (дата обращения: 17.03.2022).

13. Астафьева А.В. Представительная система средневековой Англии в освещении британской историографии последней трети XIX в. - начала XX в. (по постановке вопроса) // Вестник ОмГУ. 2002. №4. С. 44-47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavitel'naya-sistema-srednevekovoy-anglii-v-osveschenii-britanskoj-istoriografii-posledney-treti-xix-v-nachala-xx-v-postanovka> (дата обращения: 17.03.2022).

14. Stubbs W. The Constitutional History of England. Oxford, 1891. V. I. 652 p.

Автор публикации:

Мулеев Антон Олегович, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, Институт международных отношений, antmurray300@gmail.com

To the question of “best sort of laity” in late medieval England

Muleev A.O.

Abstract. In this article the question devoted to the concept of "best sort of laity" is researched, and especially under what circumstances this phrase in the works of some Russian-speaking and English-speaking historians, as well as in some documentary sources is used. The relevance of the topic of research is due to the lack of generalizing works and the lack of unified criteria according to which residents of late medieval England could be attributed to this concept. In this article the problem of unifying not only the criteria for classifying people as "best," but also the problem of unifying the designation is stated. The aim of this research is to study the use of the concept of "best sort of laity" and the question of the validity of its use. While writing this work, both general scientific methods, such as analysis and synthesis, and the linguistic-historical method, were used. As the results of this study, it can be reported that in different works of both Russian-speaking and English-speaking authors, the concept of "best" was encountered under different circumstances and was expressed with the use of different words. Therefore, the task of allocating them and bringing them into general is considered as difficult. As the key conclusions of this article the definition of

some criteria that make it possible to classify a person among the "best," which include a property qualification, as well as a clear understanding that only lay people belonged to this concept can be named.

Keywords: laity, later Middle Ages, city, England, freehold, historiography.

For citation: Muleev A.O. To the question of “best sort of laity” in late medieval England. *Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University*. 2022;42(1):73–83. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.73-83

Publication author:

Muleev Anton Olegovich, post-graduate student, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia, Institute of International Relations, antmurray300@gmail.com

**Поступила в редакцию / Received 01.02.2022
Принята к публикации / Accepted 10.02.2022**

Научная статья

Исторические науки

УДК 94(38)

DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.84-97

Представления о «борьбе двух королев» в современной французской исторической беллетристике

Наталья Юрьевна Бикеева¹*¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Россия**¹Natalia.Bikeeva@ksu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности образов и представлений о меровингских королевах Фредегонде и Брунгильде в современной французской исторической беллетристике. Автор рассматривает особенности современных трактовок этих персонажей, выявляет их отличие от предшествующих взглядов. Также выявляются причины интереса к данным героиням и событиям, связанным с ними, со стороны создателей художественных произведений. Делается вывод о важности современных проблем и вопросов для понимания обращения к сюжетам далекого прошлого. Также в статье обращается внимание на влияние развития феминизма и гендерной истории на популярность обращения к образам женщин далеких эпох.

Ключевые слова: Брунгильда, Фредегонда, эпоха Меровингов, раннее средневековье, историческая беллетристика.

Для цитирования. Бикеева Н.Ю. Представления о «борьбе двух королев» в современной французской исторической беллетристике // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. 2022. Т. 42. № 1. С. 84–97. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.84-97

«Борьба двух королев» Брунгильды и Фредегонды 568–584 гг. – один из интереснейших эпизодов эпохи Меровингов. Данный исторический период характеризуется переходом от язычества к христианской культуре и зарождением будущей Франции. Бесспорно, эта переходная эпоха, сопровождающаяся большим числом драматических событий, привлекала и продолжает привлекать большое внимание. Особое значение эта эпоха имеет для

французов. Она связана не только с конкретными событиями, но и «встроена» в национальный миф, общественное сознание. История при этом получает новое содержание, обретает современные смыслы и значения.

Уже с начала XIX в. французские историки не просто старались объективно описать исторические события тех далеких времен, а делали их частью широкой общественной полемики о роли и месте Франции в контексте современной им эпохи.

Основой для изучения событий второй половины VI в. стали труды галло-римского епископа Григория Турского, современника тех событий. Сохранились и другие, более поздние труды раннесредневековых авторов, которые повлияли на зарождение так называемой «черной легенды» о жестокой правительнице Брунгильде и коварной соблазнительнице Фредегонде. Этот сюжет, конечно, прекрасно подходит для написания исторического романа.

«Рассказы из времен Меровингов» (“*Récits des temps mérovingiens*” [1]) – одно из первых исторических сочинений, в котором была представлена красочная картина событий «борьбы» двух королей. Книга была опубликована в 1840 г. французским историком Огюстеном Тьерри. Автор настолько ярко и эмоционально описал эпоху, что его работа читалась как художественный роман. Задача историка, по мнению О. Тьерри, – «рассказывать, а не доказывать» [Цит. по: 2, с. 87]. На страницах его книги королевы Фредегонда и Брунгильда представлены как типичные представительницы своего «темного» времени, воплощения жестоких и грубых нравов франкского общества VI в., пролившие немало крови своих современников. Соперничеством двух этих женщин традиционно объяснялись нестабильность, хаос и междоусобицы в этом королевстве во многих исторических и популярных работах XIX – первой половины XX вв.

Хотя уже в тот период встречались и другие подходы. Например, французский историк К. Пфистер, автор одной из глав книги «История Франции в раннее Средневековье», вышедшей в 1893 г. под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо [3], писал: «Какова была настоящая причина войн второй половины VI в. между внуками Хлодвига? Объясняли ее соперничеством двух женщин, Брунгильды и Фредегонды. Быть может, их взаимная ненависть обо-

стрила эту долгую распрю, но трудно думать, что она ее создала» [4, с. 355]. В целом, сюжет борьбы двух королей в научном и популярном дискурсах рассматривался в русле взглядов, сложившихся в первой половине XIX в., примерно до 80-х гг. XX в.

За последние три десятилетия понимание истории Брунгильды и Фредегонды переживает определенные трансформации. На смену относительно однообразию пришла более объемная картина изображения этих событий в исторических исследованиях, но более явно это прослеживается на страницах художественных произведений. В данной статье рассмотрим наиболее показательные примеры.

Королев Брунгильду и Фредегонду мы встречаем на страницах художественных произведений, относящихся к различным жанрам исторической беллетристики, таким как, например, исторический роман, исторический любовный роман, исторический детектив, исторический комикс, биография.

В 1987 г. во Франции был опубликован исторический роман Ж. Катусhevского и А. Терон «Предательство Фредегонды» [5]. В аннотации к книге написано, что «Фредегонда, женщина, добившаяся всего сама, одновременно и Рокфеллер, и Аль Капоне». Здесь явно прослеживается новая интерпретация этого персонажа. Теперь она не просто «коварная соблазнительница» – один из традиционных гендерных стереотипов. Она активный участник событий, не боится вмешиваться в войну, которую ведут члены династии Меровингов, чтобы присвоить себе всю полноту королевской власти. Авторы романа балансируют между исторической реконструкцией и художественной литературой. Им удается достаточно реалистично представить кровавую судьбу Фредегонды в те темные времена, когда страна уже не была Галлией и еще не стала Францией. Авторы не имеют специального исторического образования, однако, во Франции историки традиционно активно взаимодействуют с обществом через научно-популярную историческую литературу, телевидение и другие каналы публичной истории. Поэтому научное историческое знание во Франции доступно широкому кругу населения.

Другой интересный пример современного французского исторического романа – биография «Брунгильда. Первая королева

Франции» Роже-Ксавье Лантери [6]. Книга вышла в 1995 г. Автор получил историческое образование, позднее работал журналистом. Был послом по иностранным делам французского агентства Франс Пресс, главным редактором известных журналов и газет, в частности «Antenne 24» [7]. Книга написана на стыке двух жанров – биографии и исторического расследования.

Р.-К. Лантери в предисловии к книге указывает, что не намерен следовать взглядам О. Тьерри, чьи «Рассказы из времен Меровингов» долгое время были практически единственной книгой о франкских королевах. Но если О. Тьерри в своем сочинении безжалостен к Брунгильде и Фредегонде, то Р.-К. Лантери, наоборот, превозносит свою героиню. Он называет её первой королевой Франции, чье главное стремление – построить уникальную и неделимую Францию. Красивая, скромная, любезная, умная, щедрая, добрая, впечатляющая своим остроумием, чертами лица и благородством – такая Брунгильда предстает перед нами на страницах книги Р.-К. Лантери. Автор здесь отходит от отрицательного образа кровожадной ведьмы, воительницы, опьяненной властью, который был создан в раннесредневековых источниках после гибели Брунгильды, когда к власти пришли её враги. Однако при жизни о королеве писали вполне благожелательно такие авторы-современники Брунгильды, как Венанций Фортунат и Григорий Турский. Но этот образ на долгие века был забыт, и только в наше время он снова возрождается, когда историки и писатели отходят от однозначных оценок и стараются создать более разносторонний портрет. Р.-К. Лантери стал на защиту этой оклеветанной женщины. По его мнению, обладая большой политической дальновидностью, Брунгильда вдохновила своего мужа короля Сигеберта на ряд стратегически важных и правильных решений. Р.-К. Лантери своим романом пытается доказать читателю, что главной целью жизни королевы было создание сильного целостного государства. Писатель считает, что после её смерти в 613 г. начался долгий период упадка и разложения. Здесь мы видим, что на создание художественного образа королевы оказала воздействие политическая ситуация во Франции в конце XX в. Также влияние оказали феминизм и гендерные исследования, пробудившие интерес к роли и месту женщины в обществе и истории. Французское общество

стало больше интересоваться женщинами, которым в учебной и научной литературе уделялось до сих пор мало внимания.

Образ Брунгильды, созданный Р.-К. Лантери, хотя и преувеличено комплементарен, тем не менее, соответствует современным взглядам историков на политическую роль королевы, пытавшейся установить правило передачи власти одному наследнику, а не делить её между несколькими претендентами. Очарованный своей героиней, Р.-К. Лантери провел много лет в библиотеках и архивах, проведя настоящее журналистское расследование. В XXI в. появились труды историков, посвященные Брунгильде, но, пожалуй, первым создателем новой интерпретации образа Брунгильды был не историк, а журналист. До выхода этого исторического эссе королева не привлекала большого внимания специалистов по эпохе Меровингов. Необходимо отметить, что журналист Р.-К. Лантери преувеличивает, когда пишет, что Брунгильда изобрела французскую модель государства противоположную германской модели.

Книга «Брунгильда. Первая королева Франции» Р.-К. Лантери оказала большое влияние на повышение интереса к этой героине. Интересно, что вскоре после выхода книги Р.-К. Лантери, комиссары полиции во Франции стали отмечать профессиональный праздник, привязав дату к появлению в 596 г. «Указа Хильдеберта», сына Брунгильды. Указ затрагивал проблемы правосудия, запрещал кровную месть. Также в этом документе появляются такие должностные лица как тунгины, которых современные французские комиссары полиции считают своими далекими предшественниками. Но, настоящим автором этого указа историки считают Брунгильду. Не случайно во время празднования даты 1400-летия профессии комиссара полиции, Союз комиссаров и старших должностных лиц полиции (SCHFPN) почтил память Брунгильды [8].

В 1997 г. появился комикс, посвященный Фредегонде. Он открыл серию исторических комиксов «Чистокровные» (*Les Sanguinaires*) [9]. Автором был французский писатель Патрик Коттиас. С начала 1980-х по 2004 г. он создал множество исторических комиксов. Комикс относится к жанрам, рассчитанным на массового читателя. Поэтому герои здесь представлены упрощенно,

основываясь на традиционных, хорошо узнаваемых или понятных чертах, стереотипах.

В 2007 г. известный французский писатель, автор произведений в жанре фэнтези Жан-Луи Фетжен издал два исторических романа из серии «Пурпурные королевы» – «Вуали Фредегонды» [10] и «Слёзы Брунгильды» [11]. Писатель является историком по образованию, он изучал средневековую философию и историю, имеет степень магистра по средневековой истории [12]. В двух романах, посвященных Фредегонде и Брунгильде, автор рассказывает историю их жизни и конфликта с точки зрения каждой героини по очереди. Ж.-Л. Фетжен максимально старается придерживаться научных фактов, известных исторических деталей и событий, добавляя собственную психологическую интерпретацию персонажей и заполняя пробелы в средневековых хрониках придуманными историями. В двух книгах серии «Пурпурные королевы» автор рассказывает о событиях, хорошо известных из сочинения Григория Турского. В одном из интервью писатель рассказал, что планировал написать продолжение о дальнейшей жизни своих героинь, о чем из раннесредневековых источников нам известно намного меньше. Но исторический роман, по мнению Ж.-Л. Фетжена, ограничивает воображение, потому что «вы не можете изобрести историю, иначе это уже не исторический роман, и вы постоянно ищите факты... То есть нельзя придумать, как были одеты люди, нельзя придумать, что они ели». Будучи профессиональным историком, французский писатель не смог чувствовать себя комфортно в жанре исторического романа. Этим он объясняет своё нежелание продолжать писать третий из задуманных романов о Фредегонде и Брунгильде. Поэтому он предпочел снова работать в жанре фэнтези, где чувствует себя свободнее [13]. Необходимо отметить, что романы Ж.-Л. Фетжена (не только серия «Пурпурные королевы», но и произведения в жанре фэнтези) переведены на русский язык [14; 15].

Хотя в сочинении Григория Турского Фредегонда представлена в качестве отрицательного персонажа, коварной соблазнительницы и жестокой отравительницы, современные писатели относятся к ней с гораздо большей симпатией. В последнее время появилось несколько художественных произведений, посвященных именно этой женщине. В 2012 г. выходит роман «Фредегон-

да, варварская королева» [16]. Его автор Клод Валле – бывший учитель, впоследствии дипломат, большую часть своей карьеры он проработал в префектуре Сен-Пьер и Микелон. Работая префектом, он интересовался взаимосвязями между древним миром и ранним средневековьем, а также вопросом, как осуществлялась власть на территориях, завоеванных так называемыми варварскими народами. Фредегонда на страницах романа К. Валле изображена как выдающаяся женщина, которая сумела из самых низких слоев общества подняться на вершину и остаться там.

В следующем 2013 г. выходит новый роман «Прекрасная Фредегонда. Железная королева» Клода Фарну [17]. Жанр романа – историческая биография. Автор, юрист по образованию, специалист по истории и повседневной жизни в эпоху Меровингов. Он публиковал статьи в исторических и археологических журналах и участвовал в конференциях. По мнению К. Фарну, королева Фредегонда остается одной из зловещих фигур прошлого Франции для традиционной истории. Писатель старается исправить эту ситуацию. Он реабилитирует королеву, которая была супругой правителя франков Нейстрии. Ей приходилось постоянно бороться с опасностями и угрозами своей жизни. Роман представляет своего рода психологическое исследование характера женщины, которая родилась служанкой, но пленила сердце короля, и благодаря своим качествам, оставшись вдовой и регентом при маленьком сыне, способствовала тому, что её ребёнок в дальнейшем стал правителем.

Важным событием, свидетельствующим о росте интереса французов к своей истории и влиянии гендерной повестки в обществе, стало издание серии исторических биографий, посвященных французским королевам «Histoire des Reines de France» [18]. По мнению издателей, в истории Франции женщины, и прежде всего королевы, часто руководствовались сердцем и умом ради своего народа, хотя они не всегда обладали реальными возможностями осуществлять власть: «Если короли создали Францию, мы можем сказать, что королевы, несомненно, любили ее больше». С 1998 г. по настоящее время вышло 27 книг, принадлежащих перу известных французских писателей, публицистов, историков. Не обошли вниманием и таких королей, как Фредегонда и Брунгильда. Автором биографий раннесредневековых героинь является Анн Берне,

французский биограф, журналист, писательница и публицист. Она написала множество романов и исторических очерков, изучала право и историю, занималась журналистикой и общественной деятельностью. По своим взглядам она близка к роялистским кругам французского общества, произведения писательницы проникнуты традиционным католицизмом. В 2013 г. она была одним из инициаторов беатификации отца Мишеля Герена, в 2015 г. участвовала в программе «Секреты истории» на телеканале France 210 [19]. Кроме того, А. Берне – специалист по ранней истории церкви и эпохе Меровингов. В серии «История королей Франции», издаваемой издательством «Пигмалион», она опубликовала книги «Радегунда» (2007 г.), «Фредегонда» (2012 г.) [20], «Клотильда» (2013 г.) и «Брунгильда» (2014 г.) [21]. В книге о Фредегонде А. Берне, используя все доступные источники, рисует портрет необычайно сильной женщины, которая использовала все возможные средства для защиты своей семьи с умением и решимостью, вызывающими восхищение.

Что касается Брунгильды, то эта королева, с одной стороны, более известна по историческим источникам, но, с другой стороны, во многих традиционных исследованиях она была представлена тенденциозно и предвзято. Но в своей книге А. Берне показывает королеву Брунгильду сильным и мудрым правителем в эту жестокую эпоху Меровингов, дипломатом, покровителем и опорой папства. Её правление внесло большой вклад в формирование новой Франции (Франкии) в процессе отхода от римской имперской модели на рубеже VI-VII вв. Созданный А. Берне портрет франкской королевы интересно сопоставить с её образом в монографии «Королева Брунгильда» (2008 г.) Брюно Дюмезиля, современного французского историка, известного специалиста по раннему средневековью [22]. Исследование Б. Дюмезиля – первая научная монография, посвященная Брунгильде. Автор, опираясь на источники, историографию и современные методы исследования создает новый, более объемный образ своей героини. Интересно, что читатели, знакомые с этими двумя книгами о Брунгильде – научной Б. Дюмезиля и историко-популярной А. Берне – считают их лучшими исследованиями по данной теме.

Книга о Брунгильде А. Берне не случайно была издана в 2014 г. Этот год – 1600-летие со смерти королевы. Эта дата не могла не привлечь внимание к Брунгильде, а также к другим персонажам эпохи Меровингов. В этом же году появляется новый роман о Фредегонде Лауры-Шарлотты Феффер [23]. Автор по образованию юрист и историк средневекового искусства, медиевист, была сотрудником Центра исследований раннего средневековья в Парижском университете X-Нантер, секретарь Французской археологической ассоциации по исследованию эпохи Меровингов, главный хранитель её наследия. Л.-Ш. Феффер неоднократно руководила музеями и выставками, посвященными поздней античности и раннему средневековью. Сейчас она работает в Министерстве культуры и коммуникаций. Действие её романа происходит спустя два десятилетия после смерти Фредегонды и вскоре после казни Брунгильды. О событиях, связанных с борьбой двух королев, вспоминают два человека. Л.-Ш. Феффер пишет свой роман в русле «истории женщин». Она акцентирует внимание на том, что многие раннесредневековые авторы, как и историки XIX в. создавали мизогинистские портреты женщин. Автор отходит от таких негативных трактовок и создает портрет Фредегонды через её различные социальные и гендерные роли – любовницы, жены, матери, королевы, регентши. Главной заслугой Фредегонды, как следует из романа, является то, что героиня смогла не только сохранить свою власть в неблагоприятных условиях, но и передать её своему сыну. В художественном произведении автор, опираясь на своё историческое образование и профессиональные навыки, создает достаточно сложную, но не противоречащую современным историческим исследованиям картину уходящего римского мира под воздействием германского. Не смотря на жанр исторического романа, данная книга основана на исторических фактах, что позволяет сделать историческое знание более доступным широкому кругу читателей.

В этом же 2014 г. вышел альбом комиксов, также посвященный Фредегонде [24]. Этот альбом является частью серии «Кровавые королевы». Как уже упоминавшийся выше комикс Патрика Котиаса 1997 г., новый комикс «Кровожадная Фредегонда» также характеризуется упрощенным и поверхностным изображением

персонажа. В основном портрет королевы в комиксе основывается на утрированных чертах характера, присутствующих в массовом сознании. Сценарист комикса о Фредегонде В. Грейнер подчеркивает все пикантные и самые одиозные подробности её жизни, демонизируя героиню. Но в целом, сюжет комикса не слишком отличается от созданного в сочинении О. Тьерри. При этом Фредегонда оказывается интересной во многих отношениях благодаря ее сильной воле и инстинкту выживания. Все ошибки и пороки, приписываемые ей современниками и историками, принимаются сценаристом, который, не смотря на это, по-видимому, испытывает к Фредегонде симпатию. Красавица в комиксе опасна, жестока, и достигает своих целей, используя все возможные средства – соблазнение, слезы, гнев и т.п. Большое внимание в комиксе уделяется одежде и интерьеру, которые представлены в основном достоверно. Но в изложении событий есть немало фактических ошибок. Несомненно, история в комиксах – явление, принадлежащее не литературе, а, скорее, массовой культуре.

Еще один роман, посвященный событиям, связанным с Фредегондой и Брунгильдой, был написан в жанре исторического детектива в 2019 г. Автор романа «Дважды ты умрешь» [25] – французский писатель Эрик Фуассье, доктор права и фармацевтики, профессор университета и член Национальной фармацевтической академии. Критики сравнивают книгу Э. Фуассье с знаменитым романом «Имя розы» Умберто Эко. Роман «Дважды ты умрешь» по замыслу автора представляет первую часть трилогии о Фредегонде и Брунгильде, двух самых известных королевах эпохи Меровингов. Читатели романа отмечают эрудицию автора и интересный стиль. Правда автор не столько рассказывает о жизни Брунгильды и Фредегонды, сколько использует известный исторический сюжет, чтобы создать собственную историю с вымышленными персонажами. Однако эти придуманные герои распутывают реальные исторические загадки. Они связаны с разгадкой убийства сестры Брунгильды – Галсвинты, браком Брунгильды с пасынком Фредегонды Меровеем. Ответы на эти вопросы специалисты не всегда могут дать ввиду отсутствия достаточной информации в источниках. Но автор художественного произведения более свободен в своих выводах и суждениях. Обращает на себя внимание, что главный

герой романа «Дважды ты умрешь» не франк, а галло-римлянин по происхождению. Именно галлов историческая память современных французов считает своими предками (вспомним популярность во Франции галлов Астерикса и Обеликса). Также стоит отметить, что автор приводит в книге небольшой список трудов современных историков, в их числе работы Б. Дюмезиля. В целом книга Э. Фуассье оценивается как хороший исторический роман, который показывает сложность эпохи, переплетение различных культур и обществ. Автор заставляет задуматься над тем, что мы понимаем под «варварскими вторжениями». В 2021 г. вышел второй роман трилогии «Ярость Фредегонды» [26].

Наконец, стоит упомянуть роман Кристин Мачуро «Брунгильда. Первая королева Франции» [27], изданный в 2021 г. К. Мачуро увлечена историей средневековья. Много времени она уделяет изучению исторических документов и археологических данных. Критики отмечают ее внимание к деталям, атмосфере описываемой эпохи и человеческой психологии. Роман о Брунгильде – своеобразный портрет династии Меровингов, гибнущей в преддверии рождения нового (средневекового) мира.

Таким образом, можно видеть, что не слишком широко известная историческая эпоха Меровингов благодаря ярким королевам Брунгильде и Фредегонде стала популярным сюжетом в современной французской исторической беллетристике. Романы об этих королевах написаны в различных жанрах – исторический роман, исторический любовный роман, историческая биография, детектив и комикс. При этом каждый автор, как бы глубоко ни уходил в прошлое, говорит, прежде всего, о современности, обращая внимание на проблемы и вопросы своего времени, истоки которых он видит в далёком прошлом. Интересно, что многие из указанных в статье авторов имеют историческое образование или по-настоящему увлечены историей. Этим объясняется их уважительное отношение к историческому прошлому, факты которого они стараются не искажать, несмотря на то, что автор художественного произведения не ставит своей целью историческое просвещение и создание объективной картины прошлого.

Среди причин популярности Брунгильды и Фредегонды в качестве героинь современных романов, необходимо также отметить

важность современной гендерной повестки, влияние феминизма, интерес к малоизученным событиям прошлого, появление новых интересно и увлекательно написанных исторических исследований, основанных на недавних археологических находках и современных междисциплинарных методах исторических источников. Благодаря последним научным достижениям и современной исторической беллетристике мы открываем людей и события прошлого по-новому, более многопланово, чем во времена Огюстена Тьерри.

Библиография

1. Thierry Augustin. *Récits des temps mérovingiens*. Paris, 1842. 911 p. URL: <https://books.google.fr/books?id=h2UOAAAAQAAJ&printsec=frontcover&hl=fr#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 17.03.2022).
2. Сашина Е., Лыско Н. М. Дрюон и Т. Готье: игра в историю // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. №1. С. 86-91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-dryuon-i-t-gotie-igra-v-istoriyu> (дата обращения: 17.03.2022).
3. Histoire générale du IVe siècle à nos jours, V. 1 // Ed. Ernest Lavisse, Alfred Rambaud. Paris, 1893. 816 p.
4. История Франции в раннее Средневековье / Э. Лависс [и др.]; под редакцией И.М. Гревса; переводчик О.А. Добиаш-Рождественская. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 634 с.
5. Katuszewski J., Théron A. *La Trahison de Frédégonde*. Paris: Grasset, 1987. 261 p.
6. Lantéri R.-X. *Brunehilde. La première reine de France*. Paris: Perrin, 1995. 419 p.
7. Serandour M. *La première reine de France* // L'Express. 16.11.1995. URL: https://www.lexpress.fr/informations/la-premiere-reine-de-france_610825.html (дата обращения: 17.03.2022).
8. Johannes F. Commissaire, le plus vieux métier de France. Le syndicat majoritaire fête la création de la profession, en 596, par la reine Brunehilde // Liberation. 1 mars 1996. URL: https://www.liberation.fr/france-archiv/1996/03/01/commissaire-le-plus-vieux-metier-de-france-le-syndicat-majoritaire-fete-la-creation-de-la-profession_167110/ (дата обращения: 17.03.2022).
9. Cothias P., Dufossé B. *Frédégonde*. Tome 1. 1997. 48 p.
10. Fetjaine J.-L. *Les voiles de Frédégonde*. 2007. 343 p.
11. Fetjaine J.-L. *Les Larmes de Brunehilde* Broché. 2007
12. Биография Ж.-Л. Фетжена. URL: <https://www.babelio.com/auteur/Jean-Louis-Fetjaine/6461> (дата обращения: 17.03.2022).
13. Интервью с Ж.-Л. Фетженом. URL: <http://www.fantasy.fr/interviews/view/168> (дата обращения: 17.03.2022).
14. Фетжен Ж.-Л. *Вуали Фредегонды* / Пер. Т. Источникова. Рипол классик, 2009. 368 с.

15. Фетжен Ж.-Л. Слезы Брунгильды / Пер. Т. Источникова. Рипол классик, 2009. 352 с.
16. Valleix C. Frédégonde, la reine barbare (Roman historique) Format Kindle. 2012. 248 p.
17. Farnoux C. Les Mérovingiens. Ravissante Frédégonde. Reine de fer. Paris, Amalthee, 2013. 112 p.
18. Информация о серии книг: URL: <https://www.mollat.com/Recherche/Collection/0-29890/histoire-des-reines-de-france#> (дата обращения: 17.03.2022).
19. Информация об А. Берне: URL: <https://www.babelio.com/auteur/Anne-Bernet/28448> (дата обращения: 17.03.2022).
20. Bernet A. Frédégonde, épouse de Chilpéric I / Histoire des reines de France. Paris: Pygmalion, 2012. 367 p.
21. Bernet A. Brunehaut, épouse de Sigebert I / Histoire des reines de France. Paris: Pygmalion, 2014. 477 p.
22. Dumézil B. La reine Brunehaut. Paris, Fayard, 2008, 559 p. На русс. яз.: Дюмезиль Б. Королева Брунгильда. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 560 с.
23. Feffer L.-C. Frédégonde reine. Arles, 2014. 720 p.
24. Greiner V., de Vincenzi A. Les Reines de sang. Frédégonde, la sanguinaire. T. 1. 2014. 56 p. URL: <https://www.bedetheque.com/serie-44738-BD-Reines-de-sang-Fredegonde-la-sanguinaire.html> (дата обращения: 17.03.2022).
25. Fouassier E. Par deux fois tu mourras (Les Francs Royaumes, #1). 2019. 485 p.
26. Fouassier E. La Fureur de Frédégonde (Les Francs Royaumes, #2). 2021. 504 p.
27. Machureau C. Brunhilda première reine de France: La Gloire et le Sang. 2021. 340 p.

Автор публикации:

Бикеева Наталья Юрьевна, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, Институт международных отношений, кафедра всеобщей истории. E-mail: Natalia.Bikeeva@ksu.ru

Representations of the “struggle of two queens” in contemporary French historical fiction

Bikeeva N. Yu.

Abstract. The article deals with the features of images and ideas about the Merovingian queens Fredegond and Brunhild in contemporary French historical fiction. The author examines the features of modern interpretations of these characters, reveals their difference from previous views. It also reveals the reasons for the interest of the historical fiction’s authors to these heroines and the events associated with them. The conclusion is made about the importance of modern problems and issues for understanding the appeal to the subjects of the distant past. The article also draws

attention to the influence of the development of feminism and gender history on the popularity of appealing to the images of women of the past.

Keywords: Brunhild, Fredegond, Merovingian Epoch, Early Middle Ages, Historical Fiction.

For citation: Bikeeva N.Yu. Representations of the “struggle of two queens” in contemporary French historical fiction. *Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University*. 2022;42(1):84–97. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.84-97

Publication author:

Bikeeva Natalya Yurievna, docent, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia, Institute of International Relations, department of World History. E-mail: Natalia.Bikeeva@ksu.ru

**Поступила в редакцию / Received 13.11.2021
Принята к публикации / Accepted 15.12.2021**

Имперский дискурс внешней политики императора Фердинанда II

Лариса Львовна Норден¹, Сергей Олегович Гафуров²

^{1,2}Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Россия

¹nordenll@mail.ru

²maiasters@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена истории международных отношений в эпоху Тридцатилетней войны и роли Австрийской монархии Габсбургов при императоре Фердинанде II в конфликте. Авторы стремятся через рассмотрение Габсбургского универсализма выйти на проблему развития международных отношений и формирования системы европейских государств в раннее Новое время. Акцентуализируется внимание на проблеме недостаточной теоретизации истории раннего Нового времени с точки зрения развития международных отношений. Для анализа поставленной проблемы применяется конструктивистский подход А. Вендта. Авторы ставят перед собой задачу охарактеризовать принципы взаимодействия государств в династический период развития международных отношений. Затем следует попытка реконструировать имперское дискурсивное поле Австрийских Габсбургов, формировавшееся к началу XVII века. На основании ряда источников выявляются основные черты имперской идеи при Фердинанде II и рассматривается ее реализация. Авторы приходят к выводу, что династический универсализм имел свое место в политической мысли династического периода развития международных отношений. Однако его характер не подразумевал конкретных геополитических задач, которые можно было реализовать в военном конфликте. Универсализм рассматривается, таким образом, в рамках соперничества монарших родов, не имеющих реальной возможности добиться геополитического преобладания.

Ключевые слова: Фердинанд II, Габсбурги, Священная Римская империя, Тридцатилетняя война, Австрийский дом, История международных отношений, государство раннего Нового времени

Для цитирования: Норден Л.Л., Гафуров С.О. Имперский дискурс внешней политики императора Фердинанда II // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. 2022. Т. 42. № 1. С. 98–112. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.98-112

Глобальный пересмотр многих представлений о международных отношениях (далее – [МО]), господствующих в историографии до конца XX века, является основной причиной усиления внимания к данной проблематике. Еще почти столетие назад в центр политической истории раннего нового времени учеными был поставлен Вестфальский мир. Создателями этих представлений являются юрист Лео Гросс, политолог Ганс Моргентау и международник Хедли Булл [6, с. 40]. Вестфальский мир был обозначен как начало новой системы взаимодействия государств. Как пишет А. В. Куприянов, «утверждение, что Вестфальский мир положил конец претензиям Габсбургов на создание общеевропейской монархии и не позволил им ликвидировать зарождающиеся национальные государства, является одним из столпов “Вестфальского мифа”» [6, с. 41]. Концепция, согласно которой политика Габсбургов характеризовалась идеей Универсальной монархии, для большинства отечественных историков стала основой для анализа событий Тридцатилетней войны. Первым эти идеи в своих работах стал продвигать Б. Ф. Поршнев: «вся Европа стояла перед угрозой осуществления универсалистских замыслов Габсбургов» [8, с. 415]; «Сверхнациональная европейская власть Габсбургов родилась как оплот против народных революционных сил в Европе, пробужденных зарей новой, капиталистической эры» [9, с. 364]. По мнению М. П. Беляева, Австрийские Габсбурги «выступали за универсальную европейскую монархию» [1, с. 98]. Подобные положения присутствуют и во многих трудах Е. Ю. Иволина: «После окончания Тридцатилетней войны и заключения Вестфальского мира 1648 года габсбургская имперская политика пошла по руслу не воссоздания универсальной католической империи, а формирования централизованного государства...» [3, с. 185]. В контексте противостояния Габсбургов и Франции идею об Универсальной монархии, которая переживала «настоящий ренессанс», выделяет и А. Ю. Прокопьев [10, с. 30]. Анализ международных отношений сквозь призму Габсбургского универсализма по-прежнему остается актуальным для российской исторической науки. Тем не менее, ряд западных ученых на рубеже XX–XXI веков подвергли обоснованной критике концепцию Вестфальского миропорядка. Соответственно, под удар попали и представления об универ-

сальных претензиях Габсбургов. К наиболее важным работам по этой теме можно отнести монографию Ф. Босбаха «*Monarchia universalis: ein politischer Leitbegriff der frühen Neuzeit*» (1988), статья Й. Буркхардта «*Imperiales Denken im Dreißigjährigen Krieg*» (1999), статья А. Осияндра «*Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth. International Organization*» (2001). Эти ученые, детально проработав источники, пришли к выводу, что представления об универсалистских притязаниях Габсбургов в Тридцатилетней войне преувеличены или даже ошибочны.

Так, через рассмотрение Габсбургского универсализма мы можем выйти на проблему развития международных отношений и формирования системы европейских государств в раннее Новое время. Для этого необходимо дать несколько определений. Мы понимаем дискурс как некоторый образ мышления, который можно проследить посредством источников, идеологию и то, как он проявляется словесно. Имперский дискурс – дискурс, определенный некоторой имперской идеей. Имперская идея – это (чаще всего) конструкт, выводимый исследователем, который включает в себя цель имперской политики, проводимой государством, и комплекс обоснований государством имперской политики (т.е. разного рода экспансии, политика в рамках межэтнических отношений и т. д.). В данной работе в качестве имперской идеи рассматривается универсализм. В контексте истории международных отношений универсализм – это политика, направленная на создание единого политического пространства, объединяющего крупные социальные группы (в нашем случае по религиозному признаку) или занимающего конкретные географические регионы (в нашем случае Европа).

История международных отношений этого периода ставит перед исследователем большую методологическую проблему. Это связано с тем, что зачастую методы и подходы, которые предлагает современная теория международных отношений для изучения данного периода истории оказываются неактуальными. Эта проблема возникает потому, что основные принципы и дефиниции различных направлений и школ, изучающих теорию международных отношений часто оказываются вообще неприменимыми к истории международных отношений раннего Нового времени. Для боль-

шинства ученых, занимающихся историей международных отношений очевидна проблема отсутствия крупных теоретических работ, посвященных анализу средневековых или ранненовременных межгосударственных контактов. Наиболее часто применяемая методология для этого периода – реализм и марксизм. В данном исследовании за методологическую основу берется работа Андреаса Вендта «Social Theory of International Politics». Теория конструктивизма Вендта предполагает, что политические интересы определяются идеями, поэтому социальные системы структурируются распределением знаний [33, с. 189]. Власть и интересы оказывают то воздействие, которое они оказывают, в силу идей, которые их составляют. Когда «неореалисты предлагают многополярность в качестве объяснения войны, следует искать дискурсивное поле, которое определяет враждующие стороны. Когда либералы предлагают экономическую взаимозависимость в качестве объяснения мира, следует исследовать дискурсивные условия, которые создают государства с идентичностями, заботящиеся о свободной торговле и экономическом росте. Когда марксисты предлагают как объяснение капиталистические отношения, следует искать дискурсивные условия, которые составляют капиталистические производственные отношения» [33, с. 135–136]. Социальные системы основаны на двух уровнях: микро- и макро-. На первом мы можем рассматривать отдельных индивидов, составляющих правительство. В нашем случае это приближенные к монаршей персоне деятели: духовник императора Вильгельм Герман Ламормен, глава тайного совета Ганс Ульрих фон Эггенберг, некоторые участники тайного совета: Гундакер фон Лихтенштейн, Максимилиан фон Траутмансдорф и др. Второй уровень – это «временные и экзистенциальные непрерывности», определяемые структурами коллективного знания, посредством которых индивиды социализируются и впоследствии воспроизводят их. [33, с. 217–218]. Индивиды принимают на себя обязательство действовать совместно от имени коллективных убеждений независимо от того, разделяют они их лично или нет. Корпоративный агент обеспечивает сотрудничество людей на основе чувства лояльности и отождествления с корпоративными нормами [33, с. 219–220]. Государство в период Раннего Нового времени персонализируется в личности монарха. Австрий-

ский дом – хороший пример в этом плане. Как правители композитарной монархии Австрийские Габсбурги скрепляли разнородные политические образования, среди которых были крупные королевства Венгрия и Чехия, в единое политическое поле, в котором они являлись институтом, организующим, направляющим и контролирующим действия субъектов. Монарх издает законы, от его имени заключаются договоры, он воплощает государство. Формирование коллективного знания, определяющего традиционную политику, идеологию, происходит в дискурсивном поле династии, к которой принадлежит монарх. Идентичность и интересы династии формируются в том числе за счёт взаимодействия государств [33, с. 245]. Династия обеспечивает будущему монарху соответствующее воспитание, образование. Таким образом для того, чтобы проанализировать макроуровень социальных структур государства, необходимо воссоздать дискурсивное поле династии Габсбургов. Поэтому мы должны привлекать в качестве источникового материала не только документы, относящиеся к деятельности императора Фердинанда, но и источники, касающиеся жизни его предшественников, документы, раскрывающие отношения между членами династии.

В контексте истории международных отношений ряд исследователей стали обозначать династический период, который непосредственно связан со становлением абсолютизма. Он обладает собственной сложной спецификой природы конфликтов и международных отношениях, которые еще в значительной степени определялись религиозно-церковным фактором. В этом плане нужно выделить концепцию конфессионализации, которая включает в себя, в том числе, и конкуренцию религиозно-культурных сообществ. Период 1580-е–1620-е годы немецкий историк Х. Шиллинг называл «высшей точкой конфессионализации» Империи, после которого начался завершающий этап этого явления [30, с. 274–275]. Поэтому в эпоху Тридцатилетней войны религиозный аспект неотделим от политического. Династический период развития международных отношений также характеризуется следующими особенностями: происходит отождествление государства и династии; международные конфликты возникают по причине пересечений интересов различных монарших семей;

война в придворной культуре воспринимается как необходимость героического деяния; развитие международных отношений неразрывно связано с франко-габсбургскими отношениями [18, с. 11; 15, с. 183–184; 13, с. 336; 32, с. 26]. Внешняя политика европейских государств того времени сводилась исключительно к династической политике и военно-политической деятельности. Ведение войн являлось важнейшим признаком субъекта международных отношений в эту эпоху [4]. При этом армии преимущественно оставались небольшими, имели наемную основу. Это объясняет два важных момента в развитии международных отношений: если государство (монарх) могло получить из любого источника финансовые средства, оно оставалось способным вести самостоятельную внешнеполитическую деятельность [2, с. 138]; ограниченность воинского контингента создавала ситуацию, при которой одно государство не имело возможности оккупировать, подчинить другое (особенно в случае с крупными монархиями). Эти моменты обосновывали систему отношений между династиями, которая сводилась к удовлетворению претензий для одних и сатисфакции для других. В условиях, когда возможность для военного захвата фактически отсутствовала, соперничество между монаршими родами принимало разнообразные формы. В первую очередь, это борьба за гегемонию. Здесь мы предлагаем воспользоваться определением И.И. Рогова, согласно которому гегемония в международной геополитической конфигурации «связана как с контролем над узловыми точками пространства – проливами, торговыми путями, так и с преимуществом в производящей экономике и банковской сфере» [11, с. 145]. Тридцатилетнюю войну вполне можно интерпретировать как борьбу за гегемонию, так как борьба за контроль над узловыми точками пространства прослеживается на всем протяжении конфликта. Достижение гегемонии определяется достижением её в трех сферах: экономической, геополитической, военной. Безраздельное превосходство во всех сферах на определенном промежутке времени можно определить как гегемонию [11, с. 154]. Рогов справедливо замечает, что гегемония могла также проявляться «в сфере духа и быть критерием легитимности» [11, с. 145]. В этом контексте следует обратить внимание на титулатуру европейских монархов и их статус. В ситуации, когда император с точки зре-

ния его геополитического положения не соответствовал своему возвышенному над остальными правителями Европы статусу, наиболее могущественные короли стали искать особые титулы для себя. Король Испании был «католическим королем», король Франции – «наихристианнейшим». Огромный интерес вызывают также иерархические списки. Иерархическая лестница монархов определялась по рангу титула, древности титула, форме правления [12, с. 49]. Известно, что с наиболее важными списками при дворах Европы были хорошо ознакомлены. Их рассматривали как универсальный регулирующий принцип европейской политики [12, с. 50].

Исходя из анализа династического периода развития международных отношений, можно утверждать, что Тридцатилетняя война не могла иметь под собой глобальную цель объединения Европы силой одного лишь Габсбургского оружия. Почему же эта концепция получила такое распространение в науке? Создавшие её ученые опирались на обширный источниковый материал. Как показывают в своих работах А. Осиандер, Ф. Босбах, С. Пинкус, идеи об универсальной монархии находят широкое распространение в имевших важное политическое значение документах, относящихся к деятельности противоборствующих Габсбургам государств [28, с. 251–287; 18, с. 87–90; 7, с. 422–425]. Проиллюстрируем это положение двумя примерами. В 1627 году французский дипломат Франсуа Лангуа де Фанкан писал: «Таким образом вся Германия, если она будет подчинена Габсбургам, поможет возвыситься последним и станет для них прочным пьедесталом для того, чтобы воздвигнуть на нем их монархию и восторжествовать над всем христианским миром» [14, с. 137–138]. Обвинения Габсбургов в тайном сговоре содержались в манифесте шведского короля Густава Адольфа, которым он оправдывал вступление в войну: «Всем народам и государствам христианского мира очевидно намерение Габсбургов достигнуть Всеобщей монархии» [18, с. 87]. В современной западной исторической литературе принято рассматривать подобные документы как часть антигабсбургской пропаганды, не имевшей ничего общего с геополитическими реалиями. Обвинения в универсализме использовались чаще всего для оправданного вступления в конфликт. Угроза свобод импер-

ских сословий, например, интерпретировалась французскими политиками как угроза свобод для любого государства. Таким образом интервенция объявлялась средством собственной защиты [18, с. 101–102]. Ф. Босбах в этом контексте пришёл к убедительным выводам о том, что идея об универсальной монархии актуализируется в ситуации перевеса власти в международных отношениях; представления об универсальной монархии формировались в значительной мере под влиянием Римского государственного опыта и структуры церкви с универсальной властью папы; политика универсализма в определяющей степени способствовала развитию межнациональных династических отношений в Раннее Новое время [18, с. 125–128]. Можно предположить, что именно такой подход к рассмотрению универсализма в международных отношениях нужно развивать.

Дискурсивное поле Австрийских Габсбургов складывалось под влиянием испанской ветви династии и представлением о преемственности власти (с властью древних императоров). Империя Запада в возрожденном виде просуществовала более 800 лет к началу Тридцатилетней войны. За этот длительный период она несколько раз видоизменялась, но всегда сохраняла преемственность. Карл Великий не делил империю (*imperium*), между сыновьями делились королевства (*regnum*). Император – это скорее должность, чем титул [27, с. 27]. Без императора империи не могло существовать. Западный универсализм устанавливал христианский законопорядок, который регламентировался императором и папой [31, с. 10]. Универсализм в риторике средневековых императоров актуализировался и деактуализировался в зависимости от геополитических реалий, но полностью никогда не исчезал. Не существовало единой имперской линии и представлений об империи. Император не обладал универсальной юрисдикцией, но он обладал статусом, превосходящим любого правителя, который включал в себя ответственность за христианский мир [27, с. 42–45]. Габсбургский универсализм в исторической литературе непосредственно связывают с воззрениями канцлера императора Карла V Гаттинаро Ди Меркурино. Гаттинаро фактически руководил государством в годы становления Испанской империи. Он предлагал покончить с бедствиями войны, сократив число правителей

во всем мире до одного, а именно – до Карла V. Он неоднократно утверждал, что постоянное проливание христианской крови закончится, когда правящие главы христианского мира подчинятся власти императора [17, с. 11]. Гаттинара использовал многочисленные библейские источники, чтобы создать повествование, в котором Иисус Христос назначил испанского короля и императора Священной Римской империи мировым монархом, который объединит все Христианство, победит неверных и положит начало тысячелетию [17, с. 11]. После распада державы Карла V политическая деятельность Австрийских Габсбургов была нацелена на налаживание управления новообразованной композитарной монархией. Тем не менее, императорский титул остался за австрийской линией, что имело большое международное значение. Как указывал в своей работе Митчелл Уэсс: «В самой сущности идеи Австрии как необходимости – то, что монархия была, в каком-то смысле, стражем интернациональной системы, что, в свою очередь, подразумевает некоторую степень беспомощности ее лидеров в вопросах обеспечения безопасности для государства» [34, с. 25]. К началу XVII века имперская идея Австрийских Габсбургов заключалась в формировании единого политического полиэтнического пространства внутри своих владений и в обеспечении стабильного функционирования Священной Римской империи на фоне турецкой экспансии. Также важно отметить, что религиозные вопросы решались компромиссно. При Максимилиане II по религиозной концессии сословиям было разрешено выкупать религиозное вероисповедание [21, с. 48–50]. По Венскому миру 1606 года свобода вероисповедания была объявлена на территории Венгрии [25, с. 123–125].

Обратимся к определению имперского дискурса внешнеполитической деятельности Фердинанда II. Будущий монарх был студентом Ингольштадтского университета, где получил «государственное» образование [22, с. 26]. Его родители – эрцгерцог Карл II и Мария – ревностные католики, старательно стремились восстановить католицизм во всех своих владениях [23, с. 31]. Придя к власти, Фердинанд заявил штирийским сословиям, что он не *princeps modificatus* (ограниченный монарх), а *princeps absolutus* (абсолютный монарх) [5, с. 150]. Это означало стремление не

только усилить центральную власть в наследственных землях, но и привести их к религиозному единообразию. Первое было традиционным для Австрийских Габсбургов политическим курсом. Фердинанд осознавал необходимость единства территорий, о чем писал в своем завещании [16, с. 225]. Он добавил к этой политической линии важную деталь. Ереси в государстве ведут «к крушению духовного и мирского строя» [16, с. 229]. Принципы внешней и внутренней политики не разделялись. Имперский дискурс в период правления Фердинанда II характеризовался подчеркнутой религиозностью, что не было свойственно для императоров второй половины XVI века. Ключевой идеей являлось распространение католической религии во имя «триумфа небесной славы» [26, с. 188; 29, с. 6–7]. В защите и расширении божественной чести заключалась истинная политика правителя [26, с. 120]. Прагматическая «макиавеллистическая» политика для представителей династии определялась как неприемлемая [29, с. 14]. Хороший политик должен был придерживаться христианских принципов [29, с. 14]. Фердинанд являл собою пример такого политика. Правитель должен позаботиться о том, что он сможет представить на Божий суд [26, с. 124]. Ламормен писал, что именно этот принцип определял деятельность императора [26, с. 124]. Возвышенное положение династии на международной арене обеспечивалось не только императорским титулом, но и «героической кровью», «волей предков» [22, с. 151; 16, с. 230]. При этом важно было сделать акцент на мирном статусе династии, что было свойственно для политической риторики того времени [16, с. 230]. Ламормен писал: «У Фердинанда было столько врагов, что он никогда не объявлял себя врагом кого-либо» [26, с. 130]. Это, конечно, не соответствовало действительности. Фердинанд объявлял войну за Мантуанское наследство 1 апреля 1628 года [8, с. 259]. Тем не менее, в популярном при австрийском дворе трактате *Princeps in Compendio* предписывалось, что если невозможно договориться мирным способом и войне способствуют определенные обстоятельства, то можно воевать во имя Бога [23, с. 36; 29, с. 122–124]. На собрании советников во время решения вопросов войны и мира Фердинанд повелевал зачитывать заповеди [26, с. 124]. Бог рассорит врагов христианского правителя [26, с. 176]. Помимо этого, монарх должен всегда находить

компромисс с сословиями, чтить права и свободы для обеспечения общественной безопасности и справедливости [26, с. 188; 16, с. 230]. При этом правитель не должен идти на уступки в вопросах истинной религии [26, с. 172]. Кроме турок главным врагом Австрийского дома являются протестанты, которые ненавидят католическую веру и свою страну (империю) [26, с. 2]. Однако правитель и к ним должен относиться уважительно [26, с. 173]. Об универсальной монархии речь не идет. Напротив, «верховная и абсолютная империя» возвышается над правителями, которые не должны во имя личных амбиций незаконно устанавливать свою власть [29, с. 133–134].

Как писал Д. Альбрехт, Фердинанд II в полной мере обладал чувством политической и конфессиональной перспективы [6, с. 150]. Для определения значения имперского дискурса во внешнеполитической деятельности Фердинанда II необходимо рассмотреть два документа: Эдикт о реституции 1629 года и Пражский мир 1635 года. Имперская линия Австрийских Габсбургов наиболее явно выразилась в Реституционном эдикте. Этот документ отражает принципы имперской политики: император должен защитить, восстановить и расширить католическую религию; он стремится добиться компромиссного положения в отношениях с сословиями; влияние иностранных государств следует максимально ликвидировать [19, с. 270–276]. Эдикт о реституции был результатом успехов Габсбургов в войне. Он имел ключевое значение для династии. В соответствии с практикой в наследственных землях попытка установить религиозное единообразие подготавливала почву для политического усиления позиций династии. Фактическим итогом внешней политики Фердинанда II стал Пражский мир. Он был заключен в условиях осложнившейся геополитической обстановки. §10 Пражского мира предусматривал приостановление Эдикта на 40 лет [20, с. 345]. Однако от реституции не отказались. Пражский мир был вынужденным шагом назад. Габсбурги нуждались в передышке, чтобы в будущем продолжить свою экспансию. В этих документах подчеркивалась идея о невмешательстве в дела империи иностранных государств [20, с. 343; 19, с. 270]. Мы также не находим в тексте договора упоминаний об

Универсальной монархии. Не обозначены и очертания универсалистских амбиций в планах императора на войну в 1636 году.

Й. Буркхардт выделял двойную имперскую проблему в контексте Тридцатилетней войны [24, с. 68]. Идея об универсальной империи и Институциональная имперская идея (*Die institutionelle Reichsidee*) – империя в рамках Германии – наиболее актуальны для 1629 года [24, с. 65]. Однако уместно говорить о втором варианте. Общеευропейский контекст имперских амбиций Габсбургов в большей степени связан с испанской ветвью Габсбургов. Ключевое значение в имперском дискурсе Австрийских Габсбургов имеют религиозность и региональность. В последнем аспекте нужно выделить два направления экспансии: в наследственных землях и в Священной Римской империи. В первом случае миссия императора заключалась в том, чтобы избавить страну от ересей, оскорбляющих Бога [26, с. 5–6]. Во втором – император должен был защищать и распространять католицизм, но уважать сословия. Общеевропейские планы в австрийской риторике теряются. Хотя торжество католического мира и установление Божьего царства оставалось итоговой целью, она не оказывала решающего значения на политические реалии. Династический универсализм имел свое место в политической мысли династического периода МО. Он был невозможен как политическая задача в военном конфликте. Однако при достижении крупных геополитических успехов у различных европейских правителей универсализм актуализировался в имперской риторике. Так, мы можем обратиться к «Великому замыслу» Сюлли, к шведской идее о первом народе [24, с. 62]. Соперничество среди монарших семей подпитывало эти идеи, что в значительной степени определяло развитие международных отношений.

Библиография

1. Беляев М. П. Французская и имперская дипломатия в поисках мира: из истории Вестфальского мирного конгресса. М.: ИВИ РАН, 2000. 112 с.
2. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории: в 4 т. Т. 3. М.: Наука, 2017. 416 с.
3. Ивонин Ю. Е. Глобализация в XVI веке? Имперская идея и проблема государственности в Западной Европе и Германии // Известия Смоленского государственного университета. Смоленск. 2013. 1(21). С. 171-189.

4. Ивонин Ю. Е. Священная Римская империя и формирование европейской системы государств / Ю. Е. Ивонин // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Выпуск 3 (11).

5. КАЙЗЕРЫ / под ред. А. Шиндлинг, В. Циглер; пер. с нем. Е. С. Самойловича. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 640 с.

6. Куприянов А. В. «Вестфальский миф»: история и критика // Журнал ИМЭМО РАН, М., 2019. № 3. С. 37-50

7. Пинкус С. 1688 г. Первая современная революция: научно популярное издание / С. Пинкус; пер. с англ. Н. Я. Тартаковская. М.: АСТ, 2017. 928 с.

8. Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства. М.: Наука, 1976. 437 с.

9. Поршнев Б. Ф. Франция, английская революция и европейская политика в середине XVII в. М.: Наука, 1970. 384 с.

10. Прокопьев А. Ю. Тридцатилетняя война. СПб.: Наука, 2020. 385 с.

11. Рогов И. И. Теория империологии. М.: Книжный мир, 2017. 992 с.

12. Рукописный трактат "О коронах" начала XVIII в: памятник русско-венгерских культурных связей / сост. М. Алешин. М.: Институт российской истории РАН, 2013. 256 с.

13. Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 416 с.

14. Французский дипломат Фанкан о международном положении в европе в 1627 г. // Хрестоматия по истории средних веков Т. 3. / под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина – М.: Учпедгиз, 1950. С. 137-138.

15. Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени / пер. с англ. А. А. Палламарчук. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.

16. Aus dem Testament Kaiser Ferdinand II // Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung: B.4 Gegenreformation und Dreißigjähriger Krieg 1555-1648. B. Roeck. – Stuttgart: Reclam, 1996. S. 223-231

17. Boone R. A. Mercurino di Gattinara and the Creation of the Spanish Empire. London: Pickering and Chatto, 2014. 178 p.

18. Bosbach F. Monarchia universalis: ein politischer Leitbegriff der frühen Neuzeit. Göttingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1988. 184 s.

19. Das Restitutionensedikt // Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung: B.4 Gegenreformation und Dreißigjähriger Krieg 1555-1648 / B. Roeck. Stuttgart: Reclam, 1996. S. 267-276.

20. Der Prager Frieden // Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung: B.4 Gegenreformation und Dreißigjähriger Krieg 1555-1648 / B. Roeck. Stuttgart: Reclam, 1996. S. 341-359.

21. Die Religionskonzession Kaiser Maximilians II. von 1568 // Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung: B.4 Gegenreformation und Dreißigjähriger Krieg 1555-1648 / B. Roeck. Stuttgart: Reclam, 1996. S. 47-50.

22. Eggenberg an Erzherzog Ferdinand, Leibnitz. 1615, 6 october, Radkersburg (VII) // Zwiedenek-Südenhorst H. Hans Ulrich Ūrnst von Eggenberg. Wien: Wilhelm Braumüller K. K. Hof- und Universitätsbuchhändler, 1880. 236 s.

23. Fichtner P. S. The Habsburg Monarchy 1490-1848: attributes of empire. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2003. 246 p.

24. Imperium / Empire / Reich: Ein Konzept politischer Herrschaft im deutsch-britischen Vergleich / bearbeitet von Franz Bosbach, Hermann Hier. GmbH & Co KG, 2019. 227 s.

25. Habsburgs Staatskrise und der Bocskai-Aufstand. Der Wiener Frieden (1606) // Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung: B.4 Gegenreformation und Dreißigjähriger Krieg 1555-1648 / B. Roeck. Stuttgart: Reclam, 1996. S. 121-128.

26. Lamormaini W. Ferdinandi II. Romanorum imperatoris virtutes a Gulielmo Lamormaini Societatus Iesu sacerdote conscriptae / Viena: recusae sumptibus Venerandae Sodalitatis Dominorum sub titulo B. M. Virginis Assumptae, 1638. 234 p.

27. Mooldon J. Empire and Order: The Concept of Empire, 800-1800. New York: St. Martin's press, 1999. 218 p.

28. Osiander A. Sovereignty, International Relations, and the Westphalian Myth. International Organization, 2001, vol. 55, iss. 2, pp. 251-87.

29. Princeps In Compendio: Hoc est, Puncta aliquot compendiosa, quæ circa gubernationem Reipubl. observanda videntur / Viena: Typis Agheleanis, 1755. – 135 p.

30. Schilling H. Konfessionskonflikt und Staatsbildung: Eine Fallstudie über das Verhältnis von religiösem und sozialem Wandel in der Frühen Neuzeit am Beispiel der Grafschaft Lippe. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus Mohn, 1981. 443 s.

31. Schmidt G. Geschichte des alten Reiches: Staat und Nation in der Frühen Neuzeit ; 1495-1806. München: Beck, 1999. 459 s.

32. The Holy Roman Empire, 1495-1806: a European perspective / edited by R.J.W. Evans and Peter H. Wilson. Boston: Brill, 2012. 433 p.

33. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge University Press, 1999. 452 p.

34. Wess A. M. The Grand Strategy of the Habsburg Empire. New Jersey: Princeton University Press, 2018. 423 p.

Авторы публикации:

Норден Лариса Львовна, канд. ист. наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт международных отношений, г. Казань, Россия. nordenll@mail.ru

Гафуров Сергей Олегович, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт международных отношений, г. Казань, Россия. maiasters@mail.ru

The imperial discourse of Ferdinand II and his foreign policy

Norden L.L., Gafurov S.O.

Abstract. This is a paper on the history of international relations during the Thirty Years War, and on the role which Habsburgh's Austrian monarchy played in the conflict during the reign of Ferdinand II. It is the authors' intent to reach the topic of the international relations and the formation of the community of European state powers in the early modernity, which is accomplished through an examination of Habsburgh universalism. The focus is put onto the period which hitherto wasn't properly examined through the lense of international relations theory. For that purpose the Wendt's constructivistic method is adopted. The first goal is to describe the principle tendencies of interstate relations of the dynastic period of international relations. The second goal is to reconstruct the imperial discursive field of the early XVII century's Austrian Habsburghs. A certain selection of historical sources allow to show the main characteristics of the imperial idea of Ferdinand II and it's realisation. It is concluded that dynastic universalism had a particular niche in the political philosophy of the dynastic period of international relations, yet it was not enough to warrant any particular geopolitical program, particularly that which could be achieved through military conflict. Thus, universalism can be seen as an instrumental concept used in ideological conflicts of the dynasties which could not pursue a geopolitical leadership.

Keywords: Ferdinand II, House of Habsburgs, House of Austria, Holy Roman Empire, Thirty Years' War, early modern state

For citation: Norden L.L., Gafurov S.O. The imperial discourse of Ferdinand II and his foreign policy. *Proceedings of the Society for Archeology, History and Ethnography at Kazan University*. 2022;42(1):98–112. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.98-112

Publication authors:

Norden Larisa Lvovna, Candidate of historical sciences, Kazan Federal University, Institute of International Relations, Kazan, Russia, nordenll@mail.ru

Gafurov Sergey Olegovich, Student, Kazan Federal University, Institute of International Relations, Kazan, Russia, maiasters@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 10.03.2022
Принята к публикации / Accepted 25.03.2022

**«Идея А. Линкольна»:
принципы конструирования образа исторической
личности в мемориально-декоративной скульптуре**

Владислав Игоревич Юртаев¹,

Наталья Анатольевна Шадрина²

*^{1,2}Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Россия*

¹richard.thompson@yandex.ru

²shadrina_nata@list.ru

Аннотация. Авраам Линкольн – одна из самых противоречивых фигур американской истории. Оказавшись президентом в переломный период для США, он принял большое число судьбоносных для страны решений, повлиявших на ее развитие на многие годы вперед. Образ президента надежно вписан в общий исторический нарратив, сложенный, в свою очередь, из множества биографических фактов, идей и веяний, которыми была наполнена эпоха Гражданской войны, а позднее время Реконструкции Юга. Преодоление национального кризиса принудило весьма тщательно разрабатывать историческую политику, связанную, в том числе, с самой фигурой президента. Публичное пространство наполнилось различными штампами и мифами, связанными с этой фигурой. Современная ревизия множества демократических идей, некогда заложенных в общий образ «Президента-освободителя», привела к разнообразным противоречиям в его трактовке. Здесь особенно интересно проследить тот путь, который был пройден при формировании образа, являющегося «каноничным» для публичного пространства Соединенных штатов. Немаловажным, в этой связи, является исследование образа Авраама Линкольна, запечатленного в мемориально-декоративной скульптуре.

Ключевые слова: Авраам Линкольн, скульптура, памятник, образ исторической личности, публичная история, историческая политика.

Для цитирования: Юртаев В.И. Шадрина Н.А. «Идея А. Линкольна»: принципы конструирования образа исторической личности в мемориально-декоративной скульптуре // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. 2022. Т. 42. № 1. С. 113–124. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.113-124

Проблемы создания материального образа той или иной исторической личности в искусстве достаточно активно изучаются, как в отечественной, так и в западной исторической и искусствоведческой науке. К примеру, весьма репрезентативны исследования на тему соотношения образа Александра Невского в искусстве и его исторического прототипа [1; 5]. Отдельного внимания заслуживает проблематика реконструкции образов исторических личностей в кинематографе разных эпох [2; 4]. В этой связи также можно отметить работы, сделанные на материале всестороннего изучения образа В.И. Ленина в контексте визуальных репрезентаций: портрета, фотографий, кино, скульптуры [3]. В американской историографии также имеется широкая исследовательская база, так или иначе затрагивающая проблематику конструирования образа исторической личности в искусстве. Для примера здесь уместно отметить большой объем исследований, посвященных образу Теодора Рузвельта [7; 10].

Такой широкий исследовательский интерес можно объяснить весьма специфическими особенностями репрезентаций образов исторических персонажей в искусстве. Безусловно, нужно сразу уточнить большую методологическую разницу в самом процессе конструирования образа в рамках того или иного жанра искусства. Автор, к примеру, портрета будет руководствоваться своими принципами в процессе конструирования образа, тогда как, например, режиссер, оператор или актер будут опираться на свой индивидуальный набор инструментов, которые позволят наиболее органично представить ту или иную персоналию на экране. Некоторые принципы будут схожими, как то же выстраивание композиции или поиск «удачной» перспективы, но все же разные жанры искусства, по причинам их технических и даже семантических различий, совершенно по-разному подходят к самому процессу работы на образом.

Своим особым набором конструирования образа обладает мемориально-декоративная скульптура. Здесь автором выступает скульптор, обладающий специфическими навыками в изображении человеческого тела, расположении его в пространстве, а также попытке соотношения статуи с тем набором представлений и ассоциаций, которые бытуют в культуре в связи с тем или иным исто-

рическим персонажем. Фигура автора здесь очень важна, так как именно руками автора создается тот образ, который будет затем существовать в рамках публичного исторического пространства. При этом важно отметить, что сам образ, придуманный и воплощенный художником в скульптуре, может иметь некоторые различия или вовсе отличаться от *образа публичного*, закрепленного в массовом сознании. Конечно, сам автор здесь, отчасти, выступает некоторым выразителем публичной среды, но скульптор – это, в первую очередь, художник, а значит, он имеет свой творческий взгляд на персонажа, которого изображает.

Поскольку данное исследование имеет своим источником такой сложный материал, как художественное произведение, необходимо заранее очертить круг вопросов, которые станут базовыми для последующих рассуждений.

Что из себя представляет «скульптурный» исторический образ? Какие характерные черты могут отличать скульптуру от исторического образа?

Каковы авторские методы создания исторической скульптуры? Чем руководствует художник в процессе создания памятника исторической личности? Каким образом «идея» превращается в скульптуру?

На основании этих вопросов предлагается проанализировать наиболее значимые скульптурные памятники, посвященные Аврааму Линкольну, 16-му президенту США. Причины, по которым именно данная фигура станет объектом рассмотрения, несколько.

Первой причиной является та историческая значимость, которую эта фигура имеет в рамках прошлого Соединенных штатов Америки. Без сомнения, Линкольн стал весомым персонажем, без которого многие исторические процессы в США могли пойти отнюдь не так, как они пошли в итоге. Дело здесь заключается в самом характере времени, в котором жил Линкольн. 50-60-ые годы XIX в. оказались для Америки переломными, как в политическом и культурном, так и социально-экономическом плане. Страна испытывала серьезный кризис, в котором разные политические силы пытались завоевать влияние и направить государство в нужную им сторону. И те решения, которые принимались Линкольном, опре-

делили тот вектор, по которому США продолжили движение в конце XIX века и позднее.

Второй причиной обращения к исследованию образа данного исторического персонажа является то место, которое Линкольн занимает в современном пространстве публичной истории США. Линкольн – один из ключевых персонажей истории Америки, которого американское общество воспринимает как героя [6, с. 12]. При этом его образ, во многом, складывался не только из самого факта отстаивания президентом прав чернокожих или защиты конституционного порядка, а из биографических фактов жизни Линкольна, соотносимых с идеей «American Dream». По мнению многих историков, Линкольн во многом был воплощением этой самой идеи [6, с. 11-12; 11, с. 135]. Человек из низов, сын фермера из глубинки, он без чьей-либо помощи сумел выстроить карьеру адвоката, а затем и политика, добившись успеха в обоих видах деятельности, как юридической, так и политической. В характере биографического нарратива, посвященного Линкольну, можно проследить черты *Self-made man*, т.е. человека, сделавшего себя самостоятельно. Именно это и является корневым элементом общей идеи американской мечты: ничто не помешает сыну фермера, родившемуся в деревянной лачуге, стать президентом целой страны. Конечно же, сама идея *seld-made man* в этой связи сильно этноцентрична. Иными словами, следуя канону прочтения смысла *American Dream*, сама реализация такой мечты возможна только в Соединенных штатах Америки. И Линкольн здесь выступает образцом, примером, на который остальным необходимо ровняться.

Невозможно не заметить наслоение мифологического, как в самом биографическом нарративе, освещающем факты жизни Линкольна, так и том влиянии, которое оказывает эта фигура, встраиваясь в общую картину американской истории. Безусловно, некоторые факты жизни президента не могут быть поставлены под сомнение, и во многом то, что можно прочесть о нем в американских учебниках, соотносится с историографической оценкой значимости данной личности. Однако, нельзя забывать о самом поле, в котором неизбежно рассматривается Авраам Линкольн. В данном случае, речь идет о поле публичного, национального, мифологического нарратива, а в рамках этого поля никто не ставит своей

целью поиск объективной исторической истины. Важен непротиворечивый образ, формирующийся из представлений, собранных в коллективной памяти. Доминирующим здесь становится конвенциональное восприятие, соотносящееся с общим характером господствующих в обществе ценностей и культурных ориентиров. В связи с этим, можно говорить о весомой значимости Линкольна, как весьма важной части этого национального нарратива.

Третьей причиной выбора фигуры Линкольна, скульптурный образ которого избран в качестве объекта исследования, можно считать ту совокупность биографических особенностей, которые в общей перспективе позволяют называть его «национальным героем Соединенных штатов». Говоря о «героях», нужно отметить, что сама характеристика героичности проистекает отнюдь не из историографической оценки, а из проводимой правительством США исторической политики. В частности, 3 июля 2020 года президентом Дональдом Трампом был подписан особый указ о формировании «списка американских героев», включающий 31 персоналию, памятники которым должны быть установлены в Национальном парке американских героев, созданном специально для этого. 18 января 2021 года, за два дня до ухода с поста президента, Трамп подписал новый указ, включавший в себя уже 244 имени героев. Однако, следующий президент, Джозеф Байден, отменил оба указа, что послужило причиной полного сворачивания проекта. Данный прецедент в контексте исторической политики США можно рассматривать с разных сторон, в данном же исследовании важно то, что в список национальных героев была помещена фигура Авраама Линкольна [12]. Особенно важным представляется процесс и причины «героизации» персонажа, а также те черты мемориальных скульптур, которые эту героизацию отражают.

Скульптурных памятников, посвященных личности Авраам Линкольна достаточно много по всему миру, только в США их насчитывается более 30 [14]. Один памятник, например, находится в Москве в саду дома Бурганова и называется «Авраам Линкольн жмет руку Александру II». Фигура Линкольна в разных памятниках предстает самых разных ипостасях. Он может быть представлен в образе адвоката, освободителя рабов, президента или даже простого юноши, однако существуют определенные

черты, которые безошибочно позволяют зрителю определить, кто перед ним.

Все скульптуры следуют одному четко устоявшемуся канону в изображении внешности политика. Высокий (около 1 метра 90 сантиметров) и худой мужчина, с вытянутым лицом, обрамляющей это лицо бородой и выступающими скулами. Существует достаточное количество прижизненных фотографий президента, на которых его внешность представлена во всех деталях. Особенно широко известна фотография Линкольна 1863 года, на которой он запечатлен как раз на пике своей политической карьеры [13]. Эту фотографию помещают в американские учебники истории, исторические брошюры или документальные фильмы. Именно таким представляется Линкольн в пространстве коллективной памяти.

Проблемы возникают, когда скульптор задумывает изобразить президента в юности. Самой ранней его фотографией считается фото, сделанное в 1846 или 1847 году, фотографом Николасом Х. Шепардом. Считается, что этот ранний дагерротип был сделан после того, как Линкольн был избран в Палату представителей Соединенных штатов [15]. На подобных, менее известных, изображениях молодой Авраамом Линкольном, в целом, похож на свой канонический образ высокого худого мужчины, но без бороды.

Скульптор Пол Мэншип, несмотря на отсутствие фотографических изображений юного Авраама, решает в 1929 году воплотить в скульптуре свое собственное видение раннего периода жизни великой исторической личности, так появляется работа «Авраам Линкольн: юность Индианы» (*Abraham Lincoln: The Hoosier Youth*) по названию города, в котором жил Линкольн в юности [11]. Внешность Авраама, которую создает Мэншип в скульптурной композиции – вымысел самого автора. Скульптор пытается изобразить мечтательного молодого человека, погруженного в свои мысли. Сам автор говорит о том, что он хотел отойти от образа молодого Линкольна, как «человека фронта», стремился добавить «поэтическую составляющую» в исторический нарратив [9]. Но сам этот памятник, имеющий в своей основе попытку отхода от «каноничной» внешности Линкольна, является скорее исключением из правил.

Еще одним скульптором, воплотившим собственное видение внешности молодого Линкольна, стал Дэвид К. Рубинс. В 1962 году он создал скульптуру «Молодой Эйб Линкольн» [16]. Интересно то, что пишет об этом произведении сам автор:

«То, что меня беспокоило больше всего при создании этой статуи, была необходимость изобразить жизненную энергию, худую физическую силу и древовидный рост, наводящий на мысль о сильных корнях характера, которые росли и проявлялись уже в его детские годы жизни в Индиане. В довольно узловатых и активных формах тела я попытался выразить это, а также грубую теплоту его фронтальной человечности и неуклюжесть костлявого тела.

В простом, но грубоватом пьедестале и в тихой, затененной, задумчивой голове я хотел предложить очень простой, классический характер его ума, а также одиночество и трагедию его жизни.

В причёске я старался передать мальчишество и задор. Мне казалось неважным выдумывать чисто воображаемый портрет того, как Линкольн мог выглядеть в двадцать один год. Мы знаем о его внешности, на которой основан популярный образ Линкольна, по фотографиям, сделанным после его сорокалетия. Таким образом, мой скульптурный образ является компромиссом между неизвестным молодым человеком из Индианы и адвокатом из Иллинойса до своего президентства.

Истинный облик Линкольна в годы его Индианы так же неважен, как историческая точность его одежды. Чтобы наилучшим образом представить его характер и его современное значение, я подчинил все буквальные элементы, кроме книги. В свете всей жизни Линкольна, топор не так важен, как книга.

Расположение фигуры было выбрано по двум причинам: я чувствовал, что Линкольн должен быть помещен среди деревьев на площади, так как лес был его жизненным опытом, полученным в Индиане; и было бы трудно конкурировать по масштабу с открытой площадью и зданием, если бы фигура была размещена на открытом воздухе. Слишком большая фигура в скульптуре, в свою очередь, производит нечеловеческий и нереальный эффект [11] ».

Иными словами, автору важнее всего передать образ, эмоцию, характер и настроение, нежели чем запечатлеть подлинный облик исторической фигуры. Но образ не может совершенно выпадать

из исторического контекста, что понимает и сам автор. Дабы избежать этого, он пользуется интересным приемом наслоения узнаваемых черт на совершенно выдуманный образ, созданный его воображением. Причем, эти узнаваемые черты скульптор черпает, как он пишет, из исторических источников, ранних фотографий Линкольна.

Но внешность – лишь один из элементов совокупного, цельного образа исторической личности, которую скульптор хочет запечатлеть в камне. Помимо внешности, какой бы узнаваемой она не была, авторы, зачастую, прибегают к привнесению различных деталей, отличающих скульптурный портрет Авраама Линкольна от портретов других президентов. Немаловажным в этой связи можно считать стиль одежды персонажа.

Здесь прослеживается весьма специфическая однообразность, характеризующаяся элегантно, но в меру простой одеждой американского джентльмена конца XIX века. Это весьма символично в контексте проблематики изображения президента США. Ведь, если вспомнить XVIII-XIX в., то можно отметить, что никакого изначального канона изображения президента страны не было. В целом, скульпторы разных стран прекрасно понимали канон изображения главы самодержавного государства или парламентской монархии, но вот правил изображения президента не существовало. Эти затруднения решались за счет создания так называемого «демократического костюма». Поскольку президент США является главой демократической республики, ему не престоало быть изображенным в богатой, изысканной аристократической или монаршей одежде. Исключения для этого канона в истории Соединенных штатов было сделано только для Джорджа Вашингтона, одна из памятных статуй которому изображает его в образе римского патриция с монаршим жезлом в руках [18].

В скульптурных портретах Линкольн представлен в той одежде, в которой он чаще всего изображен на фотографиях. Она включает в себя простой плащ, жилетку, длинные брюки, его рубашку украшает платок или бабочка. В совокупности этот стиль никак нельзя называть вычурным. И именно отсутствие этой вычурности, которая была так присуща памятникам крупным политиче-

ским деятелям, созданным в XIX в., отличает образ американских президентов.

Еще одним важным художественным элементом скульптуры является поза персонажа или «художественная ситуация». Тут необходимо отметить, что некоторые статуи Линкольна отличает намеренное создание трагичности этой самой «художественной ситуации», что, вероятно, должно отражать трагичность судьбы самого президента. Подобный эффект создается за счет сидячей позы с наклоненной головой, создающей образ «мрачных размышлений». В памятниках Линкольну невозможно найти конных скульптур с подтянутой спиной, гордо обозревающих горизонт, как это встречается повсеместно в памятниках Уильяму Генри Гаррисону или Закари Тейлору (оба являлись героями войн). Хотя Линкольн также считается победителем в одной из самых кровопролитных войн в истории США, но сам характер этой войны нивелирует ее значение в общем историческом нарративе. Гражданская война являлась национальной трагедией, тогда как Англо-американская война 1812-1814 года (У. Г. Гаррисон, Закари Тейлор) или Американо-мексиканской война 1846-1848 года (Закари Тейлор) были конфликтами, целью которых являлось подавление иностранного влияния или приобретение новых территорий. Художественная бравада в случае с Гражданской войны мало возможна или даже неуместна. Поэтому Линкольн нигде не изображается в качестве «Бога войны» или даже простого полководца.

Его образ очень спокойный, лишенный присущей любой войне агрессивности. Не отражено в скульптурных памятниках и политических конфликтов, без которых не обходилось ни одного месяца президентской жизни Линкольна. Зато в скульптурной композиции Томаса Болла, созданной в 1876 году, можно увидеть Линкольна-освободителя. Автор создал характерный образ, в котором президент выступает таким «разрушителем оков» для темнокожего раба, который склонился перед ним. При этом в руках Линкольн держит Прокламацию об освобождении рабов. Интересно и то, что создание данной скульптуры было профинансировано исключительно за счет бывших рабов [8].

Подводя итог, можно сделать несколько выводов. Скульптурный образ Линкольна вбирает в себя как совершенно выдуман-

ные черты, созданные скульптурами, так и детали, почерпнутые из исторических источников. Больше всего фантазии авторы приносят в облик исторической фигуры при работе над образом его детства и юношества по причине отсутствия достоверной информации о внешности Линкольна в эти периоды. Атрибутика скульптуры, как правило, передает лишь основные исторические этапы жизни Авраама Линкольна, в частности, момент подписания им Прокламации об освобождении рабов. При этом художники намеренно стараются избегать какого-либо военного контекста образа президента, стоявшего у руля государства во время Гражданской войны. Вместо «воинствующего и бескомпромиссного» Линкольна перед нами предстает весьма спокойный, задумчивый человек, лишенный черт агрессии. Характерно прямое связывание посредством художественного высказывания исторической фигуры Авраама Линкольна и факта освобождения рабов. Скульптурный Линкольн, таким образом, становится не военным деятелем, а президентом-освободителем, без демонстрации каких-либо противоречий его политики. Это прямой признак нарративизации истории Гражданской войны и истории США в целом, то есть, исключение из образа противоречивых фигур любых проблемных «мест». Важным является то внимание, которое уделяют художники детству и юношеству Линкольна. Как уже отмечалось, образ Линкольна тесно взаимодействует с идеей об Американской мечте. Простое происхождение, в этой связи, притягивает авторов, желающих запечатлеть «воплощение» той самой мечты в реальности. Нельзя сказать, что скульпторы тут серьезно искажают исторический контекст, однако сам факт связки «Линкольн – Американская мечта» очень точно передает мифологизированный характер биографии президента.

Таким образом, миф об исторической личности реализуется посредством скульптуры. Скульпторы весьма вольно обращаются с историческим контекстом или историческими источниками, зачастую, пользуясь в своей работе, скорее, образом уже мифологизированным. Очевидно, что задачи скульптура и историка разные, но скульптуры или художественные образы исторических деятелей в целом, оказывают весьма значительно влияние на публичное пространство.

Библиография

1. Бычков С.П. Александр Невский: исторический прототип и экранный образ / Вестник Омского университета, 2004. №1. – С. 60-63.
2. Венков А.А. Образ В.И. Ленина и его трансформация в советском художественном кинематографе. / Новое прошлое. New past. №1, 2019. – С. 32-47.
3. Москвин Д.Е. «Долгая Лениниана»: эволюция образа Ленина в отечественной визуальной культуре. / Символическая политика. Сборник научных трудов. Сер. «Политология». Москва, 2014. – С. 128-145.
4. Озерский А.В. Репрезентация правителей России в исторической науке и кинематографе сталинской эпохи. / Культурная жизнь Юга России. №4 (19), 2008. – С. 151-152.
5. Регинская Н.В. Александр Невский как символ национальной идентичности в современном искусстве. / Вестник русской христианской гуманитарной академии, 2011. № 12 (1). – С. 121-122.
6. Donald D. H. Lincoln. Simon and Schuster, 1995. – 714 p.
7. Greenberg D. Theodore Roosevelt and the Image of Presidential Activism. / Social Research. Vol. 78. No. 4. The Image, 2011. – pp. 1057-1088.
8. Murray, Freeman Henry Morris (1916). Emancipation and the Freed in American Sculpture; A Study in Interpretation. Washington, DC: The Author. pp. 26–30.
9. Rand H. Paul Manship. Smithsonian, 1989. – 214 p.
10. Saveth E. S. Theodore Roosevelt: Image and Ideology. / New York History, Vol. 78, No. 1. – pp. 45-68.
11. Warkel H. G. The Herron chronicle / Bloomington: Herron School of Art, IUPUI, in association with Indiana University Press, 2003. – 283 p.
12. White R. C. A. Lincoln: A Biography. Random House Publishing Group, 2009. – 816 p.
13. List of American heroes. URL: <https://www.doi.gov/american-heroes/heroes> (Дата обращения 21.02.2022).
14. List of Statues of Abraham Lincoln in Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Category:Statues_of_Abraham_Lincoln (Дата обращения: 21.02.2022)
15. Photo of President Abraham Lincoln, National Archive in Washington, 1863. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/a/ab/Abraham_Lincoln_O-77_matte_collodion_print.jpg/800px-Abraham_Lincoln_O-77_matte_collodion_print.jpg (Дата обращения 21.02.2022).
16. Photo of young Lincoln, National Archive in Washington, 1843-1844. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/4/47/Abraham_Lincoln_by_Nicholas_Shepherd%2C_1846-crop.jpg/800px-Abraham_Lincoln_by_Nicholas_Shepherd%2C_1846-crop.jpg (Дата обращения 21.02.2022).
17. Photo of Statue of Abraham Lincoln, The Hoosier Youth. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/7/7b/Manship%27s_Lincoln_1.jpg (Дата обращения 21.02.2022).
18. Photo of Statue of Young Abe Lincoln. URL: <https://www.presidentsusa.net/lincolnindianapolis2.jpg> (Дата обращения 21.02.2022).
19. Photo of Statue of George Washington, Greenough. https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/3/36/George_Washington_Greenough_statue.jpg (Дата обращения 21.02.2022).

"The idea of A. Lincoln": principles of constructing the image of a historical person in memorial and decorative sculpture

Yurtaev V.I. Shadrina N.A.

Abstract. Abraham Lincoln is one of the most controversial figures in American history. Being president at a critical time for the United States, he made a large number of fateful decisions for the country that influenced its development for many years to come. The image of the president is securely inscribed in the general historical narrative, composed, in its turn, of a variety of biographical facts, ideas and trends that were filled with the era of the Civil War, and later the Reconstruction of the South. Overcoming the national crisis forced a very careful development of historical policy related, among other things, to the figure of the former president himself. The public space was filled with various strains and myths associated with this figure. The modern revision of many democratic ideas once embedded in the general image of the "Liberator President" has led to multiple contradictions. However, the work that resulted in the formation of the image that is "canonical" for the public space of the United States is interesting. Important, in this regard, is the study of the image of Abraham Lincoln, imprinted in a memorial and decorative sculpture.

Keywords: Abraham Lincoln, sculpture, monument, image of a historical personality, public history, historical politics

For citation: Yurtaev V.I. Shadrina N.A. "The idea of A. Lincoln": the principles of constructing the image of a historical figure in memorial and decorative sculpture. *Proceedings of the Society for Archeology, History and Ethnography at Kazan University*. 2022;42(1):113–124. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.113-124

Publication authors:

Yurtaev Vladislav Igorevich, master's student; Kazan Federal University, Institute of International Relations Kazan, Russian Federation; richard.thompson@yandex.ru

Shadrina Nataliya Anatol'evna, PhD, associate professor, Kazan Federal University, Institute of International Relations Kazan, Russia Federation, shadrina_nata@list.ru

Поступила в редакцию / Received 10.03.2022
Принята к публикации / Accepted 25.03.2022

Либерализм и внешняя политика: опыт В. Жискара д'Эстена

Дмитрий Викторович Шмелев¹

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Россия

¹DVShmelev@kpfu.ru

Аннотация. В статье анализируется проблема соотношения либеральной идеологии и внешней политики. Автор ставит вопрос о том, как проявляется либерализм в международных отношениях, какие дискуссии ведутся и каковы принципы либеральной внешней политики. В качестве примера используется опыт президентства Валери Жискара д'Эстена (1974–1981). Это был период ярко выраженного либерального реформизма во Франции, который в то же время оказал влияние на внешнеполитические ориентации страны. В период глобального энергетического кризиса и стагнации экономики Франция в наибольшей мере ощутила взаимозависимость от своих партнеров и потребность в адаптации к стремительно меняющимся условиям. В статье последовательно анализируются идеологический дискурс В. Жискара д'Эстена, сформулированный им в его книге «Французская демократия» (глава «Французская демократия в мире»), европейская политика президента и инициативы в деле продвижения интеграции, африканская политика и отношение к проблемам Севера / Юга как издержкам мондиализации и мирового экономического кризиса. Автор отметил изменение стиля, методов и подходов французской дипломатии к ключевым вопросам международных отношений, а также практическую реализацию идеи взаимозависимого мира, активизацию политики разрядки международной напряженности, более сбалансированные действия Франции в Африке. Тем не менее, либерализм во внешней политике имел свои границы, сталкиваясь с требованиями *realpolitik* и необходимостью преемственности линии в военно-политической сфере.

Ключевые слова: либерализм, внешняя политика, Франция, Пятая республика, Валери Жискара д'Эстен.

Для цитирования: Шмелев Д.В. Либерализм и внешняя политика: опыт В. Жискара д'Эстена // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете. 2022. Т. 42. № 1. С. 125–136. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.125-136

Современный либерализм обычно фигурирует в дискуссиях о внутренней политике, нежели в спорах о международных отношениях (затрагивая главным образом их экономические аспекты). В области внутренней политики либерализм как правило соотносится с моделями рыночной экономики, минимальным государственным вмешательством, свободным торговым обменом, модернизацией, политической, социальной и экономической демократией, правами человека. В международных отношениях идеология проявляется опосредованно, а сам либерализм представляется крайне изменчивым и лишенным четких доктринальных контуров. Определить ясные критерии либеральной внешней политики, по сути, маловероятно, поскольку государства часто действуют на международной арене исходя из собственных интересов, различных мотивов и сложившейся конъюнктуры. Это дает возможность правительствам и правящим элитам принимать внешнеполитические решения в различных вариантах, даже оставаясь при необходимости в рамках либеральной парадигмы. Не случайно главной задачей либералов является устранение противоречий между внутренней и внешней политикой, достижение демократического и бесконфликтного мира и единства внутри отдельно взятой нации.

В области теории международных отношений либерализм чаще коррелируется с политическим идеализмом и с некоторыми тезисами политического реализма. Поэтому на разных исторических этапах теоретические дискуссии касались таких аспектов как формирование благоприятной для государства внешней (окружающей) среды, соблюдение норм международного права, отказ от чрезмерного применения силы, уважение суверенитета национального государства и обозначение пределов наднациональности, влияние множества международных акторов на внешнюю политику государства, вопросы международной кооперации, упорядочение анархии в международных отношениях, определение справедливых и несправедливых войн. На деле, все эти дискуссии еще больше запутывали ситуацию, приводя к выводу о невозможности чисто либеральной политики во внешнеполитической сфере. Поэтому сегодня сторонники либерализма в международных отношениях выступают за отказ от абстрактного применения силы,

поддерживают практику гуманитарных интервенций во имя соблюдения прав человека, продвигают универсализм ценностей либеральной демократии, экономический прагматизм и увеличение взаимозависимости в глобальном мире. В таком контексте либерализм может рассматриваться как оппозиция классическому реализму и функционированию национального государства с претензией на формирование специфичной внешней политики, упором на наднациональность и расширение сотрудничества с различными акторами. Но как проводить либеральную внешнюю политику в нелиберальном мире? Пример Франции дает опыт подобной практики, но вместе с тем показывает и ее пределы.

В новейшей истории Франции, в период президентства В. Жискара д'Эстена (1974–1981), мы можем выявить некоторую взаимосвязь между либеральной идеологией жискардизма, обращенной преимущественно к внутриполитическим (социальным и экономическим) проблемам, и определенным президентом внешнеполитическим ориентациям, показать как президент-либерал воспринимал окружающий мир, международные отношения, задачи государства на мировой арене.

В. Жискара д'Эстен принадлежал к новому поколению политиков, не во всем разделявших восприятие своих предшественников (например, деголлевского антиамериканизма) международных отношений, но остававшихся приверженцами курса на влиятельную и независимую роль Франции в международных делах. Новый президент, избранный в мае 1974 года, не был жестко привязан к деголлевской дипломатической линии и провозгласил «новую эру» во французской политике. Им были выдвинуты лозунги «перемены при сохранении преемственности» и «изменения без риска». Речь шла о программе масштабных социально-экономических реформ в рамках создания «передового либерального общества», но также и о корректировке деголлевской внешней политики за счет ее либерализации, отказа от чрезмерного национализма, вывода из тупика европейского строительства, преодоления экономического раскола мира и в целом проведении политики «влияния без величия». В этом плане вопрос, поставленный в середине 1980-х годов английским политологом и журналистом Ч. Харгроувом [13], возможен ли либерализм во внешней политике на практике, важен

в плане оценки жискаровского президенства и в целом внешнеполитической эволюции Пятой республики.

Описание внешней политики президента содержится как в его мемуарах и публицистике [1; 2; 3; 11], так и в обширной исследовательской литературе [4; 5; 6; 7; 8; 9; 12; 15]. Не прибегая к подробному освещению внешней политики президенства, которая достаточно хорошо исследована в российской и французской историографии, выделим несколько ее аспектов, важных для понимания либерального влияния на формирование и реализацию внешнеполитического курса. Во-первых, это идеологический дискурс В. Жискара д'Эстена, сформулированный им в его книге «Французская демократия» (глава «Французская демократия в мире») [10]. Во-вторых, это европейская политика президента и инициативы в деле продвижения интеграции. В-третьих, это африканская политика и отношение к проблемам Севера / Юга как издержкам мондиализации и мирового экономического кризиса.

Согласно В. Жискару д'Эстену, две стратегии должны характеризовать внешнюю политику Франции: желание независимости (то есть гарантия безопасности через обладание силами ядерного сдерживания, и другими средствами обороны, технологическими решениями и т.п.) и практика солидарности и сотрудничества [10, р. 160]. В последнем случае важными компонентами выступают франко-германское примирение и европейское строительство.

В книге «Французская демократия» Жискара д'Эстен констатировал: «Наша страна рассматривает как необходимость, что западноевропейские нации, близкие по образу жизни, цивилизации, политическим институтам, должны объединиться, поскольку в окружающем их мире возвышаются сверхдержавы и повсюду в различных формах создаются межгосударственные объединения: производителей нефти, неприсоединившихся стран, членов организации африканского единства». Такое объединение необходимо, чтобы Западная Европа «была способна участвовать в ориентациях, которые определяют судьбы планеты» [10, р. 162, 163]. Он намечает формы взаимодействия: «Экономическое и техническое сотрудничество, культурные отношения, периодические встречи руководителей в верхах позволяют установить между странами,

выбравшими – разные системы, обмен информацией и идеями, что облегчает решение конкретных проблем» [10, р. 164].

Таким образом, Жискаром был отмечен ряд важных проблем и решений: 1) солидарность и сотрудничество между странами, а также процессы глобализации диктуют углубление тесных связей между ними; 2) успех европейской интеграции связан с согласием между Францией и Германией; 3) используя благоприятную обстановку необходимо сделать решающий шаг в деле экономической интеграции – создание валютного союза, а также политической интеграции.

Что просматривается в этом жискаровском дискурсе? Сила и возможность ее применения являются не главными, но важными факторами внешней политики. Такое понимание исходит из того, что внешняя среда не рассматривается Жискаром как исключительно враждебная. Отсюда готовность к открытости и переговорам, к поиску компромиссов. Наконец, это осознание изменения природы международных отношений, связанной с их возросшей хаотичностью и ослаблением государства как главного актора. Поэтому внимание Жискара к разноплановому международному сотрудничеству (не только на государственном уровне) показательное.

Либерал, европеист, центрист, В. Жискара д'Эстен по-иному смотрел на многие проблемы международных отношений, выдвинув на первый план идею взаимозависимого мира. На одной из первых пресс-конференций в Елисейском дворце В. Жискара д'Эстен отметил: «Прежде всего суверенитет в принятии решений (...), разумеется, при уважении договоров и соглашений, заключенных Францией. Затем, мондиалистская политика, потому что в настоящее время я убежден, что проблемы ставятся именно в мировом масштабе и что нужно учитывать мировую перспективу и измерение при поиске решения. Это политика согласования, позволяющая сделать шаг от конфронтации к согласованию интересов. (...) Наконец, это либеральная политика. Франция, желающая иметь либеральную внутреннюю политику, должна иметь также либеральную внешнюю политику и имидж» [13, р. 117].

В жискаровском желании привнести «необходимую эволюцию в мир, разделенный на два блока», таким образом прослеживаются вполне реальные заботы: отказ от дегаллевского едино-

личного стиля и метода принятия внешнеполитических решений в пользу согласования различных интересов и мнений, стремление перейти от двухполюсного мира к многополюсному (в котором влияние двух сверхдержав – СССР и США будет «разбавлено» влиянием ЕЭС, Франции, Китая или Японии), отказ от идеологической конфронтации (идея об устаревании традиционных идеологий и политика разрядки международной напряженности), диалог между соперничающими державами и политика мондиализма (либеральной глобализации). При этом в рамках преемственности остаются в повестке дня вопросы национальной независимости, оборонной политики (в том числе ядерного сдерживания) или отдельных направлений (например, проарабская политика, отношения с Германией или с Великобританией), что свидетельствует в пользу ограниченности возможностей реализации либерализма во внешней политике. Последнее подкреплялось и трудной внутривосточной ситуацией в самой Франции, связанной, например с отсутствием парламентского большинства у сторонников президента. Тем не менее, в жискаровском дискурсе деголлевское «величие» превращается во «влияние» Франции, а «независимость» – во «взаимозависимость». Но сохранение преемственности в ряде внешнеполитических вопросов делает либеральную эволюцию незавершенной.

Личный вклад В. Жискара д'Эстена в продвижении многих проектов европейской интеграции неоспорим (Европейский совет, прямые всеобщие выборы в Европейский парламент, создание ЭВС и введение «экию» как расчетной единицы и др.). Но европейские проекты 1970-х годов в данном контексте важны не столько как прагматичная реализация давних идей, сколько как торжество либерального стиля и методов в принятии решений (обстоятельные процедуры согласования интересов и конечных решений), а также вопроса соотношения национального с наднациональным, который приобретает несколько иное значение, нежели в деголлевскую эпоху (готовность поступиться частью суверенитета, особенно в экономическом плане, для преодоления кризиса и вывода из тупика европейской экономической и институциональной интеграции). Движущей силой проектов европейской интеграции становится франко-германский тандем. Но Франция активно

взаимодействует со своими европейскими партнерами, особенно с Великобританией, несмотря на то что отношения с ней остаются трудными, даже после смены руководства и прихода к власти М. Тэтчер.

В целом ставка Франции на продвижение европейской интеграции и усиление роли ЕЭС в международных отношениях представляется важным либеральным поворотом после десятилетия «евроскептицизма» и тактики «пустого стула», к которой прибегал де Голль. В условиях кризиса ЕЭС приобретал важные структуры политической и экономической демократии, которые были дополнены глобализмом либерального толка в мировом масштабе. Речь идет о проведении саммита в Рамбуйе (1975) и создании «Большой семерки», расширении ЕЭС (прием Греции) и усилении посредничества европейских стран в урегулировании международных конфликтов или блоковом противостоянии.

Однако Жискара внес один важный нюанс, касающийся Франции. По его мнению, Франция имеет обязательства и интересы за пределами Европы. А это возвращало французскую дипломатию к понятиям национального интереса и баланса сил. Внешняя политика Франции соотносится таким образом с вновь вспыхнувшими на фоне ослабления США дискуссиями о необходимости независимой европейской обороны, в которой французские ядерные ударные силы играли бы главную роль. Суть геополитики по-французски этого периода, по замечанию историка Ж.-А. Суту, это опора на США и ФРГ перед лицом СССР, но используя СССР, чтобы уравновесить влияние Германии. В итоге Франция могла играть первую роль в Западной Европе, уравновешивая США и гарантируя свою национальную независимость [14, p. 79].

У Жискара был соблазн сделать шаг в пользу отказа от голлистской идеи «неприступности» («sanctuarisation») национальной территории в пользу идеи «расширенной неприступности» вплоть до покрытия средствами ядерного сдерживания Западной Германии и Средиземноморья («расширение зоны безопасности»). В таком контексте французские ядерные силы рассматривались именно как ударные, то есть как инструмент сражения. Но В. Жискара д'Эстен так и не решился на возврат в военные структуры НАТО, встретив ожесточенную критику со стороны голлистов и комму-

нистов. Кроме того, т.н. «двойное решение» НАТО и размещение американских ракет в ФРГ в конце 1970-х годов свело на нет подобные инициативы. В итоге, «независимая» оборона после долгих дискуссий в Национальном собрании осталась ограниченной исключительно рамками Франции.

Другой важный аспект внешней политики – это приверженность В. Жискара д’Эстена делу разрядки международной напряженности, которая вытекала из идеи о бессмысленности блокового противостояния в условиях растущей взаимозависимости мира. Но за этим просматривался другой важный шаг, который неоднозначно воспринимался во французских политических кругах, – перейти от простой разрядке к согласию с СССР, доведя до логичного конца деголлевскую идею о Франции как важном посреднике между Западом и Востоком. В итоге, разрядка была возведена в некий абсолют французской политики, стала средством достижения влияния Франции в мире, что толкало Жискара на жесткость в отношениях с США (особенно в период президентства Дж. Картера и проблеме защиты прав человека в мировой политике) и поддержку тесных контактов с Л.И. Брежневым (надежда на мирную эволюцию советского режима, встреча в Варшаве в 1980 году в разгар острой международной реакции на советское вторжение в Афганистан, отказ от бойкота московской олимпиады и открытой поддержки «Солидарности» в Польше). Именно по инициативе французского президента Заключительный акт СБСЕ в Хельсинки подписывался на высшем уровне.

Но такая амбиция подразумевала выстраивание иного миропорядка, который Жискара назовет «плюралистичным». Как он отметил, выступая по случаю визита Дж. Картера в Париж в 1978 году: «Мир, который не ограничен решениями двух сверхдержав, мир, в котором мы стремимся организовать диалог, начав с других аспектов, нежели идеологические структуры или военный альянс, который стал бы плюралистичным в своем политическом и социальном выборе и в то же время мирным» [13, р. 118].

Жискаровский глобализм и взаимозависимость дополнялись большим вниманием к проблемам Севера / Юга и отношениям со странами «третьего мира» и африканской политике. По инициативе В. Жискара д’Эстена были проведены структурные изменения в

МИДе по этому направлению и было заявлено желание отойти от прежней практики «неоколониализма». В декабре 1975 г. в Париже была запущена конференция западных стран и «группы 77» по урегулированию социально-экономических последствия мирового энергетического кризиса. Продолжавшаяся до июня 1977 г. она закончилась безрезультатно из-за противоречий между ее участниками (были учреждены только общий фонд сырьевых ресурсов, приняты проекты помощи и т.п.) и обострения кризисных явлений в мировой экономике. На этом фоне более успешным стало принятие Ломейской конвенции между ЕЭС и африканскими странами в 1975 г. и ее продление спустя пять лет.

Либерализация африканской или ближневосточной политики столкнулась с требованиями *«realpolitik»*. И если еще Франция могла заявить, что палестинцы имеют право на родину, открыв информационный палестинский офис в Париже в 1975 году, то в других сферах либерализм столкнулся с трудностями. Ближневосточной урегулирование было не только делом Франции, но также предметом усилий США и СССР, а это привело к признанию, что решение кризиса может быть только глобальным и с учетом мнения сверхдержав.

В. Жискара д'Эстен стал первым французским президентом, посетившим страны Магриба после окончания колониальных войн и деколонизации. Но в Африке остро встал вопрос о контроле над ресурсами и средствах противодействия повстанческими движениями. Военные интервенции не всегда имели успех, сталкиваясь как с противодействием внутренних сил, так и с неблагоприятным международным резонансом. Опора на «свои» диктаторские режимы также вызывала критику и обвинения в возрождении империализма. Поэтому либерализм оказался ограниченным общими пожеланиями и надеждой на демократизацию африканских стран.

В контексте того, что Африка, как и остальной «третий мир» стали территорией острого соперничества между двумя блоками, попытка активизации диалога между Севером и Югом фактически теряла смысл, свернувшись до уровня двусторонних прагматичных контактов (Центральная Африка, Мали, Заир, Мавритания и др.). Жискара признал, что Африка оказывает влияние на общую безопасность Европы, но влияние и престиж Франции могут быть

сохранены только через подтверждение исторических связей и привилегий, что подразумевало возвращение к преемственности с прежней внешнеполитической линией.

Как можно оценивать опыт применения либерализма во внешней политике в рассматриваемый период? Во-первых, мы можем констатировать изменение стиля, методов и подходов во французской дипломатии, которая стала более гибкой по ключевым вопросам международных отношений. Во-вторых, реализация жискаровской идеи взаимозависимого мира имела следствием развитие международных экономических связей (что подстегнуло процесс неолиберальной глобализации), ускорение экономической и политико-институциональной интеграции стран Европы, активизацию дискуссий о разрядке международной напряженности и подписание ряда важных соглашений, формирование равноправного диалога с ведущими западными странами и СССР, более сбалансированные действия Франции в Африке или при урегулировании международных конфликтов. Но жискаровский либерализм неизбежно сталкивался с требованиями *realpolitik* и необходимостью преемственности линии в военно-политической сфере, что вынуждало по-прежнему считать национальную независимость, национальный интерес и баланс сил главными факторами в реализации внешней политики в указанной области. В целом, в 1970-е годы под влиянием глобальных трансформаций мир изменился. Данная констатация в какой-то мере подтверждает правоту жискаровского видения мира. Старый международный порядок, унаследованный от мировой войны, быстро разрушался, но контуры нового еще не получили реальных очертаний. Это и обусловило на тот момент пределы применения либерализма во французской внешней политике.

Библиография

1. Жиска́р д'Э́стен В. Власть и жизнь. М.: Международные отношения, 1990. 320 с.
2. Жиска́р д'Э́стен В. Власть и жизнь. Противостояние. М.: Международные отношения, 1993. 365 с.
3. Жиска́р д'Э́стен В. Французы. Размышления о судьбе народа. М.: Ладомир, 2004. 248 с.
4. Обичкина Е.О. Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М.: Аспект Пресс, 2012. 382 с.

5. Славенов В.П. Внешняя политика Франции, 1974–1981. М.: Международные отношения, 1981. 240 с.
6. Шилов В.С. Внешняя политика и партии во Франции (1969–1981). М.: Наследие, 1994. 382 с.
7. Les années Giscard. Valéry Giscard d'Estaing et l'Europe / Sous la direction de S. Berstein et J.-F. Sirinelli. P.: A. Colin, 2006. 272 p.
8. Bernard M. Valéry Giscard d'Estaing. Les ambitions déçus. P.: A. Colin, 2014. 487 p.
9. Cohen S., Smouts M.-C. (dir.) La politique extérieure de Valéry Giscard d'Estaing. P.: FNSP, 1985. 436 p.
10. Giscard d'Estaing V. Démocratie française. P.: Fayard, 1976. 176 p.
11. Giscard d'Estaing V. Le pouvoir et la vie. T. 3. Choisir. P.: Compagnie 12, 2006. 634 p.
12. De La Gorce P.-M. Bilan d'un septennat : la politique extérieure française // Politique étrangère. 1981. № 1. P. 89-104.
13. Hargrove Ch. Valéry Giscard d'Estaing // Politique étrangère. 1986. № 1. P. 115-128.
14. Soutou G.-H. L'Alliance incertaine. Les rapports politico-stratégiques franco-allemands, 1954–1996. P.: Fayard, 1996. 504 p.
15. Vaïsse M. La puissance ou l'influence. La France dans le monde depuis 1958. P.: Fayard, 2009. 649 p.

Информация об авторе:

Шмелев Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и всеобщей истории Казанского федерального университета; DVShmelev@kpfu.ru

Liberalism and foreign policy: the experience of V. Giscard d'Estaing

Shmelev D.V.

Abstract. The article analyzes the problem of the correlation of liberal ideology and foreign policy. The author raises the question of how liberalism manifests itself in international relations, what discussions are being held and what are the principles of liberal foreign policy. The experience of the presidency of Valéry Giscard d'Estaing (1974–1981) is used as an example. It was a period of pronounced liberal reformism in France, which at the same time influenced the country's foreign policy orientations. During the global energy crisis and the stagnation of the economy, France felt the greatest degree of interdependence from its partners and the need to adapt to rapidly changing conditions. The article consistently analyzes the ideological discourse of Giscard d'Estaing, formulated by him in his book “French Democracy” (chapter “French Democracy in the world”), the President's European policy and initiatives in promoting integration, African policy and attitude to the problems of the North/South

as a support for mondialization and the world the economic crisis. The author noted the change in the style, methods and approaches of French diplomacy to key issues of international relations, as well as the practical implementation of the idea of an interdependent world, the intensification of the policy of defusing international tension, more balanced actions of France in Africa. Nevertheless, liberalism in foreign policy had its limits, facing the demands of realpolitik and the need for continuity of the line in the military-political field.

Keywords: liberalism, foreign policy, France, the Fifth Republic, Valéry Giscard d'Estaing

For citation: Shmelev D.V. Liberalism and foreign policy: the experience of V. Giscard d'Estaing. *Proceedings of the Society for Archeology, History and Ethnography at Kazan University*. 2022;42(1):125–136. DOI: 10.26907/2312–3400.2022.1.125-136

Publication author:

Shmelev Dmitry, Doctor of Science (History), professor, Department of Archeology and General History, Kazan Federal University; DVShmelev@kpfu.ru

Поступила в редакцию / Received 10.03.2022

Принята к публикации / Accepted 25.03.2022